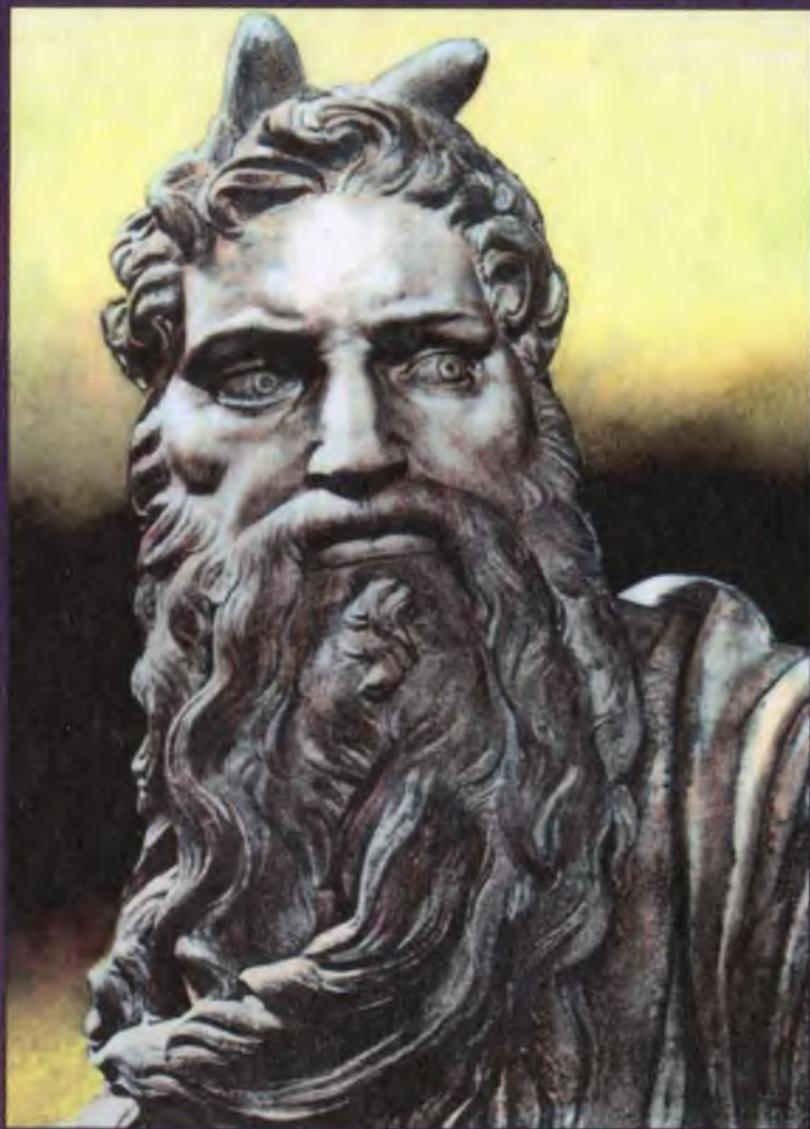

СЛЕД В ИСТОРИИ

МОИСЕЙ

М. МИРОВИЧ, А. АЛЬВИХ

М. Мирович, А. Альвих

МОИСЕЙ

Записки Финееса

 ЕНИКС
РОСТОВ-НА-ДОНУ
2000

ББК 63.3
М 74

Мирович М., Альвих А.

М 74 Моисей. Записки Финеса. — Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 2000. — 320 с.

Настоящее издание в форме увлекательного романа рассказывает о жизни первого библейского пророка и великого законодателя, который освободил свой народ из рабства и довел его до границ Земли обетованной; а также воссоздает историю, религию, быт и нравы древних евреев и египтян.

Повествование ведется от лица младшего современника Моисея, а охваченный период соответствует пяти книгам Ветхого Завета.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3

ISBN 5-222-00780-4

© М. О. Мирович, А. В. Альвих, 1999
© Оформление, изд-во «Феникс», 2000.

И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном, и над всеми рабами его, и над всею землею его, и по руке сильной, и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля.

Второзаконие. 34: 10-12

На небесах было решено, что Моисей будет воспитан в царском доме, чтобы он являлся народу как царь.

Авраам Ибн-Эзра, комментатор Торы

От переводчиков

Перед Вами, уважаемый читатель, жизнеописание величайшего пророка Моисея, принадлежащее перу его младшего современника, очевидца многих и многих чудес. Трудно было бы переоценить историческую, литературную, религиозную ценность этого текста, если бы...

Если бы он был подлинным.

Увы, документ — всего лишь подделка, или, скажем мягче, псевдоэпиграф. И чтобы обнаружить это, не надо быть специалистом.

«Книги имеют свою судьбу», — говорили древние. Судьба рукописи сама по себе могла бы стать сюжетом отдельного повествования. Начнем с конца, двигаясь к истокам.

В 50-х годах прошлого века немецкий ученый Михаэль Вассерман случайно обнаружил в архиве Франкфуртской синагоги несколько свитков на староиспанском языке. Они содержали сделанный раввином Давидом бен Иегуда из Саламанки и относящийся приблизительно к 30—40-м годам XII века перевод с арабского.

Арабский оригинал в свою очередь представлял собой

перевод с арамейского, сделанный двумя-тремя веками раньше. Последний же, предположительно, восходил к источнику, написанному на древнегреческом примерно во II веке до н. э. Именно в это время иудейская традиция сталкивается с мощным давлением эллинской культуры и, принимая вызов, активно борется, отстаивает свои ценности, пользуясь, однако, языком «врага».

Автором «Моисея» был, как мы думаем, правоверный иудей, свободно ориентировавшийся в различных толкованиях Торы и в то же время хорошо знакомый с современной ему греческой письменностью (достаточно упомянуть таких историков, как Манефон и Херемон, с ними он, как представляется, вступает в скрытую полемику).

Избранный прием повествования от первого лица, от имени второстепенного библейского персонажа, свидетельствует об определенной изощренности, пожалуй, даже о мастерстве. Этот прием позволяет делать рассказ более живым, изобилующим подробностями, которых нет в Священных Текстах и которые призваны придать свидетельству убедительность — мол, такое мог знать только непосредственный участник событий.

Той же цели служат прямые обращения рассказчика к своему потомству, эпизоды, в которых сам он выступает действующим лицом и без ложной скромности оценивает свои смелые или мудрые поступки (наказание нечестивца, впавшего в блуд с язычницей, успешное руководство воинским отрядом, дипломатические переговоры с заиорданскими племенами и т.д.).

Обращает на себя внимание стремление неведомого автора ввести нас во внутренний мир своих героев, прокомментировать «темные» места и дать логическую мотивировку поведению персонажей (например, фараона), которые без этого выглядели бы труднообъяснимыми.

Тщательно соблюдая правила правдоподобия, неведомый нам биограф Моисея избегает ссылок на те библей-

ские источники, которые были созданы после смерти «настоящего» Финееса. Однако он, без сомнения, хорошо знает и пророков, и так называемую устную Тору — предания и толкования, сопровождающие Тору письменную и имевшие почти такой же авторитет в иудаизме. Отметим, что к тому же II веку до н. э. относится начало той огромной работы, которая завершилась созданием Талмуда.

Следует иметь в виду, что любой из переводчиков античности и средневековья считал себя вправе изменять, «обогащать» и «исправлять» текст — тогда это не считалось большим грехом. Мы можем только гадать, какой вид имел первоначальный материал без позднейших наслоений. Этими вставками легко объяснить повторения и противоречия, которые встречаются в «Записках Финееса». Впрочем, можно ли назвать хоть одно историческое повествование, свободное от этих недостатков?

Обращает на себя внимание стремление «Финееса» как бы смягчить отдельные моменты ортодоксального иудаизма. Так, излагая законодательство Моисея, он подчеркивает его универсальное, общечеловеческое, а не узконациональное значение. Это может говорить о том, что труд был рассчитан не только на еврейского читателя, но и на иноверца.

Не лишено оснований мнение, что данный текст был известен некоторым историкам I века н. э. и использовался ими. Некоторые, видоизмененные и перекроенные фрагменты говорят о том, что с настоящей рукописью был знаком и Иосиф Флавий.

Имея дело с подстрочником на немецком языке, выполненным (кстати сказать, чрезвычайно добросовестно) уже упоминавшимся Михаэлем Вассерманом в 1867 г. и ранее в России не издававшимся, мы столкнулись с определенным затруднением в транскрипции имен собственных. Как, к примеру, воспроизвести имя главного героя: традиционное «Моисей», либо исторически точное «Моше», либо

«Мозес», как в немецком оригинале. А Иисус Навин — Иешуа, Ешуа, Егошуа, Еошуа? Не меньше разночтений в географических названиях.

После некоторых колебаний мы решили прибегнуть к привычной для русскоязычного читателя транслитерации, принятой в синодальном переводе Библии.

Разбивка текста на книги и главки принадлежит М. Вассерману.

Переводчики будут считать свою задачу выполненной, если их скромный труд хоть в малой степени поможет Вам приблизиться к пониманию Пятикнижия Моисея, Священной истории, познать огромный и сложный мир, который, хоть и давно ушел в прошлое, но по-прежнему питает нашу культуру и формирует нравственность современного человека, являясь основой величайших религий.

*М. Мирович,
А. Альвих*

Предисловие автора

Меня зовут Финеес. Я стар, очень стар — в нашей семье почти все были долгожителями. У меня уже не осталось ровесников, и мне не с кем вспомнить былое, некому поправить меня, дополнить мой рассказ или подсказать забытое имя или выпавшее из памяти важное обстоятельство.

Я водил в бой вооруженные отряды, был судьей, много лет по праву рождения занимал должность первосвященника. Но снятся мне не битвы, не люди, которых я видел, не те мгновения, когда я был на волосок от смерти. Мне снится дом моего деда, где я провел раннее детство.

Когда я просыпаюсь, несколько мгновений пребываю между сном и явью, и они — самые счастливые в моей нынешней жизни. Затем вспоминаю о возрасте, хворях, о том, что жизнь прожита и у меня почти не осталось дел на этом свете, и мне становится грустно. Не приносят радости привычные разговоры, привычные лица и выполнение привычных обязанностей. Приятно мне бывает только с детьми — моими внуками и правнуками. Их у меня так много, что я с трудом припоминаю их имена.

Я учу детей Торе, рассказываю им о деяниях Господа, о моем двоюродном деде, который вывел наш народ из Египта и через которого Господь передал нам Свои Уставы. Я замечаю, что Моисей и Аарон для моих внуков — примерно то же, что для меня самого в детстве были Иаков или Иосиф — не действительно существовавшие, ходившие по земле люди, а как бы герои сказки. И когда я однажды мельком упомянул, что Моисей, наставляя меня, говорил то-то и то-то, один из моих внуков (или правнуков?), по имени, если не ошибаюсь, Елеазар, спросил меня с оттенком недоверия:

— Так ты, оказывается, разговаривал с самим Моисеем?

— Я знал его очень хорошо. И часто беседовал с ним — вот как ты сейчас со мной.

— Каким он был? Высоким, кудрявым, с большой бородой?

Что я мог рассказать ему о Моисее? Что он был таким же человеком, как я или этот мальчишка? Что он, так же, как и любой другой, уставал от долгих переходов в пустыне? Что у него иногда болели зубы и он любил баранину с репчатым луком и огурцами?

Или что он был Богом для фараона и пророком для израильтян? Что его лик озарялся неземным светом так, что на него невозможно было взглянуть?

И то, и другое верно, как верно то, что день сменяется ночью, а Господь сотворил небо и землю и отделил свет от тьмы.

Я мог бы поведать отроку о Моисее, ибо умею вкладывать в уши собеседников слова, которые им нравятся. Но я никогда не пытался излагать того, чего нет в Священных книгах, ибо, как мне кажется, дополнять Божественное сущным — грех. А я всю жизнь служил Господу. По Его повелению карал нечестивых отступников и поражал язычников, по Его законам судил моих соплеменников. Совершал обряды, как Он заповедал, и в Его славу.

— Ты должен записывать свои рассказы, дедушка Финеес, учитель и господин наш, — продолжал этот кудрявый мальчик, — дабы их знали не только мы, будущие священники, но и весь народ Израиля.

— Мне незачем записывать эти истории, — ответил я. — Все они уже начертаны Моисеем, нашим учителем, а я только повторяю их и стараюсь истолковать маленьким и большим детям.

И все-таки я решился запечатлеть свои воспоминания о Моисее. Ведь я один из немногих, оставшихся на этой земле, кто имел счастье знать его лично.

КНИГА ПЕРВАЯ

Накануне исхода

Детские воспоминания Финееса. Обстановка в доме накануне исхода

анняя весна. Прохладный вечер и суета в хижине. Мать, как львица в клетке, мечется из угла в угол, время от времени воздевая руки к небу. На лице отца — тревога. Все говорят о том, что вот-вот произойдет важное событие и наша жизнь станет совсем другой. Вскоре мы должны куда-то переселиться.

Я боюсь перемен, ибо мне хорошо в нашей старой хижине, собранной из тростника, обмазанной глиной и обложенной кирпичом.

По вечерам у нас собираются родственники и потихоньку, оглядываясь по сторонам, поминают недобрым словом фараона, который заставляет евреев трудиться от зари до зари и самим заготавливать солому для кирпичей, чего отродясь не бывало.

Еще взрослые любят поговорить о старых добрых временах, когда страной правил Иосиф, сетуют, что такого человека нет и, наверно, никогда уже не будет в нашем народе. Иосиф был правой рукой фараона, жившего четыре сотни лет назад, и вершил все дела в Египте. Он сделал страну процветающей, и египтяне, чтя его заслуги, окружили почетом всю его семью — сыновей Ефрема и Манасию и одиннадцать братьев с их детьми.

В богатстве и довольстве жили их внуки и правнуки.

Но, увы, коротка память фараонов! Неблагодарные египтяне забыли о славных деяниях Иосифа, и через несколько поколений его потомки были низведены до положения несвободных людей.

В те последние вечера перед исходом мне казалось, что

жизнь вышла из колеи. Все углы были завалены корзинами и тюками, а родители то и дело о чем-то шептались и многожды повторяли одно и то же имя.

Моисей...

И вот, засыпая, я опять услышал это слово.

— Кто это — Моисей? Тот старик, который у нас поселился? — спросил я, борясь со сном.

— Ты еще не угомонился, проказник? — сердито отозвался отец. — Да, Моисей — брат дедушки Аарона, муж Сепфоры. А теперь — спи.

Я любил бабушку Сепфору. Она часто баловала нас, детвору, гранатовым яблоком или сладкими хлебцами.

Кто-то сказал, что в молодости Сепфора была удивительной красавицей. В это я еще мог бы поверить.

Но смиритесь с тем, что Моисей, этот величественный старец с властным взглядом, совсем недавно был простым пастухом, было выше моих сил...

Жизнь Моисея в земле Мадямской

Покинув Египет и странствуя по Мадиаму, Моисей питался дикими яблоками, чесноком и рыбой и пил воду из источников, расположение которых он вскоре знал как свои пять пальцев.

Однажды в полдень, когда солнце нещадно опалило пустыню, изгнанник прилег у редкого в тех краях колодца.

В это время к колодцу подошла стайка молоденьких девушек-пастушек, чтобы напоить большое стадо ягнят и козлят. Девушки были хороши собой и весьма застенчивы. Завидев Моисея, они, смеясь и шепеча о чем-то, старались скрыть свой интерес к статному красивому страннику.

Делая вид, что не обращают ни малейшего внимания на Моисея, девушки стали черпать воду и лить в желоба, которые были сделаны для спуска влаги.

Моисей любовался красавицами. Одна из них сразу приглянулась будущему пророку. Она была весьма хороша собой, черноволоса, румяна, с большими карими глазами.

Вдруг послышались пьяные крики. Это мадиамские пастухи гнали к колодцу свои стада.

— Э-ге-гей, красотки! — закричали они. — Ну-ка, быстро уступите нам место!

— Но мы пришли раньше, — лепетали девушки, — и по праву мы можем первыми напоить своих овец.

— Плевать мы хотели на ваше право, — захохотали пастухи. — Нас больше и мы — сильнее, и поэтому нам никто не помешает!

— Но наш отец — священник Рагуил...

— Мы знаем Рагуила, по прозвищу Иофор, которого не боятся даже дети. Может, он умеет разговаривать с Богом, но с нами это делать значительно сложнее. Так что, красавицы, гоните отсюда ваши стада, пока не поздно...

Услышав этот разговор, Моисей подивился наглости пастухов, столь грубо разговаривающих с беззащитными девушками. Будущий пророк ненавидел несправедливость, бороться с ней он всегда считал своей первой обязанностью.

Он медленно поднялся с земли, расправил широкие плечи и подошел к спорящим. Пастухи невольно притихли, узрев могучую фигуру Моисея.

— Вы должны уступить девушкам, — медленно произнес он, — ибо они опередили вас у колодца. Вы можете напоить свое стадо только после того, как это сделают они.

— Почему мы должны тебя слушать? — придя в себя, хмыльнулся один из пастухов. — Разве ты наш начальник или можешь победить нас в схватке? Ты, видно, очень дерзок, но посмотри: ты один, а нас — много.

— Я не собираюсь с вами спорить, — сказал Моисей,

пристально глядя забияке в глаза. — Вы прекрасно знаете, что не правы. Уходите, или мне придется отогнать вас силой.

Пастухи обступили Моисея, одни пытались что-то доказать, другие выкрикивали угрозы, размахивая руками:

— Нас больше, и они должны уступить!

— Мы убьем и тебя, и этих девчонок!

— Иофор думает, что его дочери неприкосновенны... Мы докажем ему, что это не так! Захотим — лишим этих самоуверенных девиц невинности, и пусть тогда Иофор попробует выдать их замуж.

— Иди отсюда подобру-поздорову, странник, иначе попадешь под горячую руку.

Моисей молча слушал подбадривающих друг друга пастухов, и его окутывало облако ненависти к этим разнузданным негодьям.

Он поднял над головой посох и замахнулся им на пастухов:

— Прочь отсюда, пока я не свернул вам шеи!

Все это время девушки тихонько стояли в стороне, с надеждой глядя на Моисея.

— Но мы всегда поили свои стада раньше дочерей Иофора, — уже не так уверенно проговорил задира. — Причем независимо от того, раньше они приходили или позже.

— С Божьей помощью я смогу сделать так, что стада этих женщин напьются первыми. Так что советую вам, добрые люди, ждать своей очереди и не роптать на Бога!

— Ты весьма самоуверен, — сказал один из пастухов, — но мы не станем тебя слушать, сколь бы ты ни уповал на своего Бога...

И пастухи, размахивая посохами, стали отгонять стадо Иофора от желобов с водой.

Тогда Моисей ухватил самого задиристого пастуха и отбросил его далеко в сторону. Другие, увидев, какой силой

обладает Моисей, в ужасе остановились, уставившись на поверженного соплеменника. Тот лежал на земле, тихонько постанывая. Попытался подняться, но смог сделать это лишь с третьей попытки.

Потирая ушибленное бедро, он заковылял прочь, не обращая внимания на своих товарищей.

— Эй, — кричали ему, — стой, куда же ты? Ты ведь еще не напоил стадо!

Однако несчастный не слышал криков товарищей, которые, подивившись огромной силе незнакомца и испугавшись, что их тоже ждет хорошая встряска, решили не связываться с могучим, как скала, великаном.

— Кто ты, чужеземец? — спросила у Моисея самая красивая девушка, когда осела пыль, поднятая уходящими стадами посрамленных пастухов.

— Я Моисей, иду из Египта, где в рабстве страдает мой народ и надсмотрщики измываются над несчастными евреями. Я в запальчивости убил египтянина, который избивал сына Израиля, и опасуюсь, что гнев фараона падет на мою голову.

— Ты всегда найдешь убежище в доме моего отца Рагуила. Он очень любит и меня и всех моих сестер и будет рад отплатить добром тому, кто нам помог.

— Как твое имя?

— Меня зовут Сепфора.

— Хорошо, Сепфора. Я пойду за тобой к твоему отцу, ибо нуждаюсь в пище и ночлеге.

В сопровождении дочерей Рагуила Моисей отправился в его дом. По дороге он рассказывал девушкам о Египте, фараоне, роскоши его дворцов и фантастических планах прорыть канал из Нила в Черное море.

Девушки внимательно слушали будущего пророка, время от времени задавая ему вопросы о быте египтян и их рабов.

Когда Моисей пришел в дом, их встречал удивленный Иофор.

— Отец, — наперебой щебетали девушки, — этот человек спас нас от злых пастухов. Он победил их в схватке, когда те хотели отогнать наше стадо от источника. Но Моисей рукою сильной отбросил одного из наглецов от желобов с водой, и тот отлетел на пятьдесят локтей!.. Увидев это, остальные испугались и спешно скрылись в пустыне.

— Спаситель моих дочерей пусть будет мне как сын, — торжественно произнес Иофор. — Заходи в мой дом, отужиной со мной за чашей доброго вина.

Из разговора с Рагуилом Моисей узнал, что тот управляет прекрасной страной, расположенной на гористом полуострове Синай, у северных пределов которого тянутся белые известковые возвышенности. К югу идут холмы песчаника средней высоты, поражающие удивительным сочетанием красок и причудливостью очертаний.

Далее холмы уступают место горам, которые наполняют южный конец полуострова. Горы поднимаются красными и серыми массами, остроконечными скалами из порфира и гранита.

И горы и равнины Синай усыпаны пеплом погасших вулканов и обломками скал, будто бы нарочно разбитых гигантскими молотами исполинов.

Когда беседа за трапезой подошла к концу, Рагуил пожелал Моисею спокойной ночи, а наутро предложил ему остаться в стане и помочь пасти стада.

Моисей согласился и вскоре получил разрешение Рагуила жениться на приглянувшейся ему красавице Сепфоре, любимой дочери Рагуила.

По рассказам бабушки Сепфоры, та свадьба надолго запомнилась жителям Мадиама, со всех концов царства пришедших посмотреть на торжество...

Первая встреча с Господом и его указание Моисею

Взяв в жены Сепфору, Моисей быстро освоил язык и обычаи Мадиамской земли. Ему, привыкшему к удобствам дворцовой жизни и изысканным блюдам, пришлось по нраву незатейливое убранство скромного жилища и непривычно-однообразная пища отшельника, каковыми были все пастыри овец.

Моисей пас огромные стада своего тестя. Жизнь текла размеренно. Здесь Сепфора принесла ему сынов Гирсама и Елиезера.

Постепенно пришла спокойная старость. Один день походил на другой, и Моисей почти забыл о годах, проведенных в Египте.

И вот однажды он, как обычно, обходил свое стадо на горе Хорив, которой почему-то боялись другие пастухи.

На вершине, часто поросшей кустами терна и дептама, его внимание привлек один из них, горевший не сгорая.

Моисей приблизился и услышал, как его зовут по имени.

— Я здесь, — сказал пастух, озираясь по сторонам.

— Не подходи близко, Моисей, — услышал он громко-подобный глас, — и сними обувь, ибо стоишь на земле святой.

— Кто ты?

— Я Бог отца твоего. Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова!

Человек не робкого десятка, Моисей испугался, закрыл лицо руками и сидел так, пока Предвечный держал речь.

Он сказал, что Ему слышны стоны евреев в Египте, пребывающих в скорби, униженных и угнетенных, и что настала пора вывести евреев из страны горестей, дабы поселить их в землях, где сады плодоносят круглый год, полным-полно питьевой воды, а на сочных лугах пасутся огромные стада.

— Ты станешь Моим пророком у Моего народа, — сказал Господь Моисею. — Ты пойдешь к фараону и заставишь его отпустить евреев из Египта.

— Разве он станет меня слушать? — возразил Моисей. — Я косноязычен и с трудом могу убедить в чем-либо даже мою жену Сепфору.

— Я буду рядом и не оставлю ни тебя, ни твоего народа! Тебе поможет твой брат Аарон. Ты будешь говорить его устами.

— А как быть с народом? Евреи спросят, кто дал мне право решать их судьбу. У них горькая доля, но есть кусок хлеба, головка лука, баранья ножка, кувшин воды и крыша над головой. Они живут так столетиями и другой жизни не знают. Кроме того, я виновен в убийстве египтянина, и меня могут казнить.

— Об этом не беспокойся. Старый фараон умер, а новый объявил помилование в честь своего восшествия на престол. Старейшинам скажешь: «Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня вывести вас из Египта, ибо видит Он, как вы живете, как вас притесняют египтяне и как они над вами издеваются». Скажи это старейшинам, и они поверят, ибо нельзя не верить Господу!

— Но ведь последнее слово за фараоном, а не за старейшинами.

— Фараон не сразу отпустит сынов Израилевых, ибо Я ожесточу его сердце. Но важно начать. Ты должен вместе с Аароном и старейшинами прийти к фараону и сказать, что Бог евреев призвал их в пустыню на три дня, дабы принести Ему жертвы.

— Фараон никогда не согласится.

— Что у тебя в руке? — спросил Предвечный.

— Пастуший посох.

— Это — не пастуший посох, но — жезл. Брось его на землю!

Моисей с удивлением обнаружил, что держит в руке

жезл из чистого сапфира, отделанный золотом. Он бросил его на землю, тот мгновенно превратился в змея. Моисей испугался и побежал прочь.

— Не бойся, — сказал Господь. — Протяни руку и возьми змея за хвост.

Моисей исполнил приказ, и змей вновь превратился в посох.

— Это — скипетр власти. Он поможет тебе убедить евреев в том, что тебе явился Господь Бог отцов их, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. А теперь положи руку себе за пазуху.

Моисей исполнил и этот приказ. Когда он вынул руку, она вся была покрыта белыми, как известь, струпьями.

— Положи руку обратно и вынь!

Моисей не успел даже ужаснуться, как отвратительные струпья исчезли.

— Если не поверят этим двум знамениям, возьми воды из реки и вылей на сушу; и вода сделается кровью! А теперь возьми жезл в руку, им ты будешь творить знамения.

— Как имя Твое? Что сказать мне людям, если они захотят это узнать?

— Скажи, что Я — Иегова, что значит Предвечный, — Тот, Кто был, есть и будет.

Куст погас, а Моисей еще долго стоял на горе, размышляя над словами Господа.

Сравнительное описание облика Моисея и Аарона

Мне посчастливилось быть свидетелем многих славных дел моего двоюродного деда, но его жизнь до восьмидесяти лет известна только по рассказам и свиткам Торы.

Бабушка рассказывала нам, детям, что в молодости Моисей был воистину велик и ростом, и благодатью, и мыслю. У него были красивые, черные, как уголь, вьющиеся

волосы, породистый крупный нос, огромные очень темные глаза и крутой лоб.

Господь даровал Моисею необыкновенную статью, красоту и ум, который развивался несообразно с его возрастом. Никто не оставался равнодушным, завидя Моисея. Когда его еще ребенком несли по улице, многие прохожие останавливались, пораженные его взглядом, острым и пронзительным.

Его брат, мой родной дед Аарон, казался полной его противоположностью. Он был небольшого роста, почти лыс и спокоен, как вода в кувшине. Господь одарил его способностью просто и доступно говорить с народом, и дедушка часто этим пользовался, отвращая беспокойных и быстро увлекающихся евреев от поклонения египетским божкам и идолам. Голос Аарона был приятен, как бархат, а говорил он так, что каждое сказанное им слово трогало за душу и убеждало слушателей в его правоте.

Он одинаково легко мог найти общий язык со знатью и чернью, со жрецами и кожевниками.

Сколь различны были эти двое единомышленников, соратников, родных людей!

Моисей требовал и повелевал — Аарон старался убедить.

Моисей смотрел вдаль, плохо различая мелкие подробности, к которым был очень внимателен Аарон. Моисей, как мне кажется, думал о своем народе как едином существе — Аарон воспринимал народ как совокупность родов, семей и отдельных личностей.

Моисею можно было только внимать и подчиняться — Аарону можно было и пожаловаться, и принести просьбу.

Моисей был над нами — Аарон был одним из нас...

Однако истина скорее в том, что и в Великих Книгах, и в памяти народа Моисей и Аарон стоят рядом так, что почти сливаются в какую-то единую величавую и грозную фигуру Пророка, лишённого простых человеческих черт и целиком принадлежащего Божественному.

Действительно, братья иногда воспринимались как единое целое; никогда мне не приходилось видеть такого взаимного понимания даже между самыми близкими людьми. Часто я слышал, как Аарон продолжал фразу, начатую Моисеем, или оба, не сговариваясь, в один голос давали ответ на обращенный к ним вопрос. При этом мой дед, хоть и был старшим, безоговорочно признавал первенство Моисея и повиновался ему с радостью и — за редчайшими исключениями — не вступал с ним в споры даже в тех случаях, когда не до конца был уверен в его правоте.

Когда Аарон произносил речь, рядом обычно стоял Моисей, зорко следил за настроениями толпы и что-то нашептывал брату.

В семейном же кругу в основном говорил Моисей. Речи давались ему с некоторым трудом, он подолгу подыскивал слова, порой говорил очень медленно, но Аарон всегда внимательно слушал Моисея, частенько записывая за ним в листы папируса.

Моисей убеждает тестя и жену в своем предназначении

Сбросив с себя оцепенение, Моисей скорее погнал стадо овец домой.

— Рагуил, — сказал он, войдя в шатер тестя, — сегодня со мной говорил Господь. Он избрал меня, и теперь я пророк Его. Он так и сказал: «Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых». И еще Он сказал: «Я буду с тобой...»

И Моисей подробно рассказал о встрече с Предвечным.

— Ты уверен? — растерянно взглянул на зятя Рагуил. — Поверь, я видел немало людей, называвших себя пророками. Все они были бесноватыми.

Моисей протянул тестю жезл.

— Сейчас он превратится в змея! — Моисей выхватил его у тестя и швырнул на циновку.

Жезл превратился в змея, и тот, зашипев, пополз к священнику.

— Убери его от меня, — испуганно проговорил Рагуил. — Вся жизнь терпеть не мог этих тварей!

Моисей схватил змея за хвост, и он вновь стал жезлом.

— Этот жезл не только превращается в змея, — продолжал пророк, — он символ, знак власти над душами. Господь выбрал меня, чтобы я освободил свой народ.

В этот момент в комнату быстро вошла Сепфора, подслушивавшая под дверью, подбежала к Моисею и, пав на колени, взволнованно проговорила:

— Очнись, Моисей! О каком кусте ты говорил? Какие язвы ты исцеляешь? Какую воду собираешься превращать в кровь? Ты сорок лет пас стада моего отца и никогда не говорил о своих соплеменниках. Я думала, ты забыл о них.

Моисей никогда не видел свою жену такой встревоженной и растерянной.

— Супруг мой и господин, — дрогнувшим голосом продолжала Сепфора, — подумай о семье. Неужели ты хочешь бросить все, чтобы уподобиться чародеям, которые выдувают из уст пламя на базарных площадях?

Моисей кинул жезл на ковер, тот вновь превратился в змея и угрожающе зашипел.

— И что ты хочешь этим доказать? — заплакала Сепфора.

Змей подполз к жене Моисея, поднял голову и укусил ее за ногу. Сепфора стала синеть и закатывать глаза.

— Моисей, она умирает! — закричал Рагуил.

Пророк схватил змея за хвост, снова превратив в жезл. Затем наложил ладонь на укус.

Сепфора открыла глаза, удивленно осмотрела помещение и тяжело вздохнула.

— Что это было? — спросила она. — Зачем ты держишь мою ногу?

Моисей отнял руку от раны — та исчезла.

— Это знак Господа, — сказал он. — Надеюсь, теперь ты мне веришь.

— Тебе надо идти с мужем, дочь моя, — Рагуил задумчиво посмотрел на Сепфору. — Я хорошо знаю Моисея. Он — человек упорный. Если поставил перед собой цель, обязательно ее достигнет. Тем более если ему помогает могущественный Бог Израиля!

Встреча Моисея с Аароном

В дорогу Моисей и его семья отправились ранним утром. Теплые вещи и еда были нагружены на ослов, которые обреченно брели по красной земле Мадиама.

Неожиданно в дороге Моисей сильно занемог. Он покрылся потом, его прошиб сильнейший жар. Сепфора укрыла его теплыми накидками и напоила горячим вином, однако это не помогало.

— Господь наказывает меня за то, что мы не сделали сынам своим обрезания.

— Я сделаю это сама, — сказала жена Моисея.

Она обрезала Гирсама и Елиезера, и Бог смилостивился над Моисеем, дав ему побороть недуг.

В пустыне на пути в египетскую землю Моисей, Сепфора и их сыновья встретили Аарона, который шествовал им навстречу, повинувшись Господу, повелевавшему старшему брату идти навстречу младшему. Они не виделись много лет. Аарону к тому времени исполнилось восемьдесят три, его давно не привлекали к труду, и он мог спокойно, не обратив на себя внимания египтян, покинуть пределы страны.

Братья облобызались, а Сепфора достала из котомки

хлеб, баранину, соленый сыр, кувшин вина и разложила трапезу на траве.

Гирсам и Елиезер улеглись неподалеку и уснули.

— Ну, брат, расскажи, как живется в земле Египетской, — попросил Моисей, когда мужчины возлегли у яств.

— Все по-прежнему, — с горечью сказал Аарон. — Народ живет с каждым днем тяжелее. Непосильные работы быстро сводят в могилы или делают калеками наших мужчин. Но самое ужасное, что наши дети забывают Господа, и, страшно подумать, через два-три поколения евреи станут такими же язычниками, как египтяне.

Моисей разлил вино по чашам, братья выпили и закусили терпкий напиток сушеной бараниной, смоченной в чесночном соусе.

— Предвечный говорил со мной, — сказал Моисей брату. — В это трудно поверить, но это так. Он велел мне идти в Египет и освободить евреев.

Аарон застыл с куском сыра в руке.

— Ты шутишь, Моисей, — наконец выговорил он.

— Да, это звучит странно, я знаю. Я косноязычен и давно не был в Египте...

— ... Я не хотел тебя обидеть, — перебил Аарон.

— Но Он выбрал меня, — продолжал Моисей, — и приказал тебе, Аарон, быть моими устами. Освобождение евреев — не только моя цель, но и твоя. Недаром Господь назвал твое имя. Он знает, что ты умеешь убеждать. Без тебя мне не справиться. Нам покровительствует Предвечный, Он на нашей стороне и на стороне нашего народа.

И пророк подробно рассказал старшему брату о своей встрече с Предвечным.

— Я выполню то, что повелевает Господь, — после долгого молчания отозвался Аарон.

...Когда братья тронулись в путь, Сепфора подошла к Моисею и, опустив глаза, тихо сказала:

— Может, ты ошибся, Моисей, и Господь отпустит тебя

домой? Освободить евреев сможет твой брат. Ты — косноязычен, он — красноречив. Ты всю жизнь прожил вдали от Египта, он знает евреев и их жизнь. Он лучше тебя сумеет исполнить Божью волю.

— Все решено, Сепфора, — устало протянул Моисей. — Если хочешь, иди обратно. Я тебя не держу.

Аарон при виде плачущей Сепфоры тяжело вздохнул и отвернулся.

— Это бремя — мое, — продолжал Моисей. — Я не молод и, как любой старик, хочу дожить свой век спокойно. Но Господь призывает именно меня.

— Я иду с тобой. Раз уж Он выбрал тебя, значит, у Него были на то причины.

Совещание со старейшинами

Оказавшись с семьей в Египте, Моисей расположился в нашем доме. Аарон предоставил ему лучшую комнату, а мы, дети, перешли в бабушкину спальню.

Пророк общался только с Аароном. Они вели долгие беседы, а однажды утром надели нарядные одежды и отправились на встречу со старейшинами, самыми уважаемыми в еврейской общине людьми.

Вечером за ужином Аарон пересказал родственникам содержание этого разговора.

Вначале он обратился к почтенным мужам со страстной речью.

— Народ теряет свою самобытность, сыны Израиля превращаются в язычников и в скором времени могут забыть язык, обычаи и Бога, — восклицал мой дед, воздевая руки к небу. — Если мы не выйдем из рабства, будущие поколения евреев растворятся среди других племен.

Однако большинство из старейшин встретили эти слова весьма сдержанно.

— Да, ты прав, мы сами много раз думали об этом, — отвечали евреи на его призыв. — Но на стороне египтян — сила. У фараона огромная и отлично обученная армия, масса надзирателей, приставов, соглядатаев. Не безумие ли говорить о выходе из рабства? Восстание обречено на провал. Вправе ли мы принять на себя такую страшную ответственность за судьбу народа?

— Египтяне унижают нас, — произнес Моисей, молча выслушав возражения старейшин, — изнуряют непосильным трудом. Евреи становятся рабами не только телом, но и, что самое опасное, душой; многие из них уже смирились со своим жалким положением, относятся к нему, как к должному. Они перестали замечать свое рабство и мечтать о свободе, что и есть подлинное рабство. Это пугает меня больше всего! Евреи могут окончательно забыть о том, что они самостоятельный народ, и уверовать в то, что смысл их существования — гнуть спину на чужаков.

Моисей показал жезл, превращающий воды в кровь и исцеляющий язвы, и поведал, что собирается встретиться с фараоном и убедить его отпустить евреев. Для этого есть предлог: мы должны, по обычаю предков, совершить жертвоприношение в пустыне.

— Старейшины поддержат нас и отправятся вместе с нами к фараону. Завтра же мы пойдем во дворец и дадим первый бой, — закончил Аарон.

— Первый? Ты сказал «первый»?

— Поставь себя на место фараона. Евреи строят египтянам дома, пирамиды, прокладывают каналы. Без нас Египет зачахнет, как пальма без воды, а потому нам предстоит не один бой, а длительная война. Мернепта будет упираться, как вол, ибо Господь ожесточит его сердце, но в конце концов отступит.

— Ты не боишься, что он предпочтет уничтожить половину евреев, но не выпустит их за пределы государства? — спросил Ифамар, сын Аарона, мой дядя. — Мы совсем не-

давно ликовали, узнав о смерти Рамсеса, убийцы еврейских детей. Теперь мы рискуем навлечь на себя гнев Мернепты, нового властителя.

Моисей вскочил и гневно сверкнул глазами:

— Несчастные! — возопил он. — Почему, как только речь заходит о свободе, вы ищете причины уклониться от борьбы? Почему, имея возможность покончить с рабством, вы предпочитаете сытую неволю? Почему похлебка и кусок хлеба для вас дороже свободы?!

— Это легко объяснить, брат, — сказал Аарон. — Еврейский народ осторожен и с опаской воспринимает все новое. Но именно благодаря этому мы сохранили веру отцов; и Господь не отвернулся от нас.

— Мы сохранили свой счет месяцев, не перешли на египетский календарь. Мы не забываем язык наших предков.

— Вспомните, многие ли из вас исполняют обряд обрезания, заповеданный нам праотцами? — горько усмехнулся Моисей. — Только колено Левия...

— Это наше упущение, — опустил голову Ифамар. — Но Господь пока хранит нас.

— Именно Он требует от евреев покончить с рабством. Вы говорите, что любите Господа? Так следуйте Его повелениям!

Рабство...

Моисей хорошо знал его лицо: тупое или хитрое, зверски-злое или животно-покорное, оно всегда носило отпечаток низости души, лишённой гордости, достоинства, готовности отвечать за свои дела, что отличает человека свободного.

Моисея, прославленного египетского полководца, близкого советника фараона, влекло к своему народу. Он мог часами ходить по еврейским селениям, вслушиваясь в разговоры стариков, он подолгу стоял, наблюдая за строительством очередного дворца, не раз пытался вступить в беседу

с соплеменниками, но те, подобострастно-испуганно улыбались, отвечали односложно:

— Скучно ли наше питание? Нет, господин мой. Тяжелы ли работы? Нет, господин мой, мы привыкли. Устраивает ли нас такая жизнь? Не понимаю, о чем вы, господин мой, я всем доволен.

Они действительно не могли понять, чего хочет от них этот странный человек — по виду знатный вельможа, в богатой одежде, но говорящий на их языке и не гнушающийся общаться с ними — отребьем, жалкими рабами.

Моисей не раз пытался убедить фараона облегчить положение евреев. Но владыка Египта, казалось, тоже не мог или не хотел его понять.

Чем плохо евреям? Тот, кто хорошо работает и не перчит надсмотрщикам, получает достаточно еды для себя и своего семейства. У рабов есть свои жилища, огороды, вся необходимая утварь. Среди свободных египтян некоторые живут ничуть не лучше, а порой и хуже. И разве кто-нибудь мешает евреям молиться своему Богу, хотя их вера глубоко противна истинной вере египтян?

С глубокой тревогой видел Моисей, что его соплеменники постепенно теряют то, что скрепляет и сохраняет как единое целое народ, даже если он томится в неволе: стремление вырваться на свободу, сбросить оковы, жить своей собственной, пусть трудной, судьбой.

Рождение Моисея

Нашему избавителю пошел девятый десяток, но он выглядел значительно моложе своих сверстников. Многие в его возрасте удалились на покой, находя удовольствие в бесполезной болтовне о произволе фараона и надсмотрщиков, а заодно — и новом поколении, которое не уважает

стариков и — стыд и срам! — строит жертвенники из тесаных камней.

Восемьдесят лет назад у правоверных израильтян Амрама и Иохаведы из колена Левия родился третий ребенок. Старшая дочь Мариам, наделенная даром пророчества, взглянув на новорожденного, сказала родителям, что тот станет избавителем народа.

Говорят, что при рождении Моисея весь дом вдруг озарился волшебным светом. Однако ни мой дед Аарон, ни Мариам при мне никогда не упоминали об этом обстоятельстве. Возможно, потому, что оно снижало ценность пророчества Мариам относительно великой участи, уготованной ее брату.

Надо отметить, что еще до рождения Моисея египетские жрецы-тайноведцы, известные своим даром предвидения, возвестили фараону, что среди израильтян родится мальчик, который сокрушит могущество египтян и сделает евреев сильным народом среди других. При этом он превзойдет добродетелью всех людей на свете и приобретет славу на веки вечные.

Моисей родился в самые страшные для наших людей времена. Большинство евреев жило в земле Гесем поколениями, не испытывая чрезвычайных тягот и лишений. Однако положение изменилось, когда на трон вступил Рамсес II. Он не любил народ Израиля, считая его чуждым, если не враждебным Египту.

Фараон считал в высшей степени подозрительным, что мы не поклоняемся его идолам, и он опасался, что здоровые и сильные рабы-евреи в случае войны могут перейти на сторону его врагов.

Незадолго до появления на свет будущего пророка фараон Рамсес II отдал повивальным бабкам негласное распоряжение умерщвлять новорожденных мальчиков-евреев: отчасти потому, что ему были известны предсказания еги-

петских мудрецов, отчасти из-за боязни, что быстрорастущий и крепнувший израильский народ подомнет под себя египтян.

Однако Шифра и Фуа (именно так звали повивальных бабок) ослушались царя Египетского, и ни один еврейский мальчик не был ими убит.

Тогда по приказу фараона женщин доставили во дворец.

— Как вы посмели оставлять еврейских детей в живых? — спросил царь.

— Еврейки не похожи на египтянок, — ответили повивальные бабки. — Они никогда ничем не болеют, здоровы, как кобылы из царских конюшен, и потому не пользуются нашими услугами. Мы готовы тебе помочь, но не знаем, как это сделать.

Рамсесу II пришлось отпустить Фуа и Шифру с миром, но фараон не был уверен в их правдивости и приказал усилить надзор за еврейскими роженицами, а новорожденных мальчиков-евреев топить в реке.

Народ же Израиля осыпал повивальных бабок щедрыми дарами.

Три месяца Иохаведа скрывала Моисея, но, опасаясь, что тот своими громкими криками привлечет внимание ищеек фараона, придумала, как спасти сына.

Кстати, не верьте тем, кто плетет небылицы, рассказывая, будто жена Амрама, завидев приближающихся к ее дому соглядатаев фараона, была так охвачена ужасом, что бросила младенца в горящую печь, сама не сознавая, что делает. После ухода шпионов ребенок якобы был извлечен живым и невредимым, так как Господь погасил печь. Нужно совсем не знать еврейских женщин, чтобы поверить, что хоть одна из них, в каком бы состоянии она ни находилась, способна погубить маленького сына. Напротив, они сами бросятся в пламя ради своего ребенка.

Итак, Иохаведа сплела, просмолила и пустила по реке

корзину с ребенком, рассчитывая, что ее заметит Фермуфис, одна из дочерей фараона, имевшая обыкновение купаться в этот час. Вслед за плывущей корзиной по берегу шла двенадцатилетняя Мариам.

Надежда матери оправдалась: когда царская дочь увидела младенца, она, призвав на помощь прислужниц, взяла его в руки. Крупный для своего возраста и необычайно красивый мальчик полюбился ей сразу.

Мариам подошла к купальщицам:

— Я знаю хорошую кормилицу для мальчика. Здоровая, разумная, послушного нрава.

— А почему ты решила, что я непременно возьму этого мальчика?

— Всем известно, что нет в Египте женщины добрей, чем ты, Фермуфис.

— Надеюсь, это не еврейский мальчик и я не нарушаю волю моего отца. Веди кормилицу, и я буду платить ей деньги. Ребенка нареку именем Моисей¹.

Так, по воле Господа, воспитывали Моисея те самые люди, которые хотели погубить всех еврейских мальчиков, дабы воспрепятствовать его рождению.

Во дворце Фермуфис в это время гостила ее сестра, пораженная проказой, обреченная на муки и страдания. Увидев Фермуфис, держащую на руках младенца, она подошла к ним и, взглянув на ребенка, вздрогнула.

— Что с тобой? — спросила Фермуфис сестру.

— Пусть он положит на меня ручку, — попросила та. — У меня предчувствие, что он излечит мой недуг.

Прокаженная подошла к мальчику и преклонила колено. Моисей дотронулся ручкой до ее лба, и с дочери фарао-

¹ Моше (иврит. moseh) — этимология не ясна, наиболее распространенные объяснения исходят либо от различных грамматических форм иврит. глагола «вытаскиваю», либо от коптск. mose, «дитя». (Здесь и далее прим. переводчиков).

на, как сухие листья, опали куски пораженной недугом кожи. Больная выздоровела.

Фараон, прознав о находке Фермуфис, потребовал ее во дворец с подкидышем.

Показав ребенка отцу, царевна сказала:

— Мне не суждено иметь собственных детей. И я хочу, чтобы этот мальчик, прекрасный обликом и наделенный чудесными способностями, стал моим сыном и твоим наследником.

Мальчик понравился фараону, и он потребовал, чтобы того поднесли поближе, обнял и то ли в шутку, то ли для того, чтобы показать дочери свое расположение, надел на него свою корону. Моисей крепкой ручонкой сорвал ее с головы и швырнул на землю!

— Утопить его! — злобно сверкнул глазами фараон. — Если младенец глумится над символом божественной власти, что будет, когда он вырастет?!

— Уверен, что это именно тот младенец, о рождении которого мы предсказывали! — вскричал верховный жрец. — Он должен погибнуть, и немедленно! Иначе на Египет обрушатся величайшие бедствия!

Но фараон колебался. Все-таки одно дело отдать приказ об уничтожении детей, которых ты никогда не видел, и совсем другое — обречь на смерть прелестного мальчика, который играет у тебя на глазах...

— Отец, не гневайся! Оставь его в живых и ты уподобишься великим богам. Ты сделаешь из него настоящего воина, и все подданные нашей страны вознесут тебе хвалу и подивятся чудесам, исходящим из твоего дворца.

Но Рамсес согласился не сразу. К счастью, один из приближенных — а может быть, под его видом сам архангел Гавриил — посоветовал:

— Дай младенцу на выбор золото и горящие угли. Если он возьмет золото, значит, и сорвав корону, действовал по

умыслу. Тогда его убьешь. Если схватит угли — пусть не-
смышлениш живет!

Когда слуги внесли слиток золота и жаровню, Моисей
быстро схватил тлеющий уголек, сунул его в рот и запла-
кал, когда обжег язычок.

Фараон захохотал, и будущий пророк был спасен.

С тех пор Моисей шепелявил.

Моисей рос, ощущая любовь и ласку, но не чувствовал
себя своим и в царской семье, и среди надменной и спеси-
вой египетской знати.

Однажды мать-кормилица открыла Моисею тайну его
рождения. Моисей ничуть не удивился.

— Я догадывался об этом, — сказал он Иохаведе, — ибо
похож на тебя лицом и меня тянет к несчастным людям,
которые строят роскошные дворцы и пирамиды, а сами
живут в смердящих хижинах. Да и слуги-египтяне отно-
сятся ко мне весьма странно. Один сказал: «Скажи спасибо,
что ты любимец фараоновой семьи, а иначе я живо при-
учил бы тебя к послушанию, как все отродье Авраама». Кого
он имел в виду?

— Авраам — наш праотец. Тебе не пристало стыдиться
своих корней. Гордись тем, что ты еврей, а не египтянин
или какой-нибудь другой язычник. У нас есть Бог истин-
ный, у них же — жалкие идолы-уродцы!

— Я верую в нашего Бога, мама, — сказал Моисей. —
Тебе не придется меня стыдиться.

Занятия в школе египетской мудрости доставляли Мо-
исею удовольствие, хотя он и чурался сверстников, подро-
стков из знатных египетских семей, которые презирали ев-
реев.

— Что могут эти люди, — говорили они, — кроме как
месить глину и вырубать гранитные плиты?! Спроси у лю-
бого из них о сотворении мира, и они начнут нести околе-

сицу о каком-то едином Боге, Который якобы в одиночку слепил и земли, и воды, и воздух, и людей, и зверей.

Город, где находилась знаменитая школа египетской мудрости, назывался Бефсалис. Он находился в Гесемской земле и был святым для египтян местом, ибо они полагали, что Бефсалис находится под покровительством Ра, бога Солнца. Особую гордость язычников вызывал великолепный, обложенный мрамором и украшенный драгоценными камнями, храм Ра.

Говорят, что легендарный Иосиф именно здесь получил в жены Асенеф, дочь Потифера, жреца Бефсалисского.

На центральной площади перед храмом Ра египтяне воздвигли один из самых больших в мире монументов — своему священному быку Мнемису. Рядом расположился громадный обелиск, на котором было начертано: «Гор-жизнедатель, царь покорного народа, владыка Верхнего и Нижнего Египта».

Моисей с увлечением вчитывался в древние папирусы, но после разговора с матерью не мог заставить себя молиться уродцам с человеческими телами и головами животных.

Под руководством умудренных опытом ратников он впитывал в себя военные знания и навыки пользования всеми видами оружия — от пращи до лука. А его искусством всадника восхищались бывалые воины.

Моисей блестяще окончил школу и окунулся в жизнь при дворе египетского царя. Будущий пророк носил дорогие одежды, разъезжал по улицам Раамсеса, новой столицы Египта, на золоченой колеснице, запряженной тройкой прекрасных коней, прогуливался по протокам Нила на роскошной барке.

Ему дозволялось вступать в спор с дворовыми жрецами, славившимися своей мудростью и всезнанием.

Приемная мать подарила ему небольшой дворец в цен-

тре новой столицы, и красивые рабыни-танцовщицы развлекали его плясками под аккомпанемент арф и свирелей.

Иногда будущий избавитель пробирался в родительский дом на окраине, где тайком слушал рассказы о прошлом еврейского народа и изучал родной язык. Простые люди Израиля делились с ним своими горестями и радостями.

Во главе египетского войска

Когда Моисею минуло двадцать пять, в пределы Египта вторглись эфиопляне. Меньше чем за месяц вражеская армия дошла почти до самого Мемфиса. Кровожадные эфиопляне убивали не только египтян, но и евреев, которые не могли защитить себя ничем, кроме истовой молитвы, ибо египтяне не разрешали подчиненным народам носить оружия. Но молитвы не помогали, и люди Израиля погибали сотнями и тысячами.

Захватчики глумились над пленными, разрушали их жилища, вытаптывали посевы пшеницы и уводили в плен женщин и детей.

Однажды Моисея вызвал к себе Рамсес. Он сидел на троне во дворце в окружении многочисленной челяди. Рядом с ним стояла Фермуфис. В ее глазах застыли слезы.

— Моисей, — сказал Рамсес, — Боги отвергают наши жертвы. Блистательная Сехмет гневается на нас, а потому стране и династии угрожает смертельная опасность. Ты должен помочь Египту!

— Ты хочешь, чтобы я вознес молитвы нашему Богу и упросил Его помочь египтянам?

— Не только это. Ты умен, тебе покровительствует один из самых сильных богов, и ты почти мой родственник. Тебе следует возглавить армию, ибо больше некому защитить страну от эфиоплян. Мы обратились к оракулам и прори-

цателям, они сказали, что только ты способен спасти Египет. Об этом же тебя просит твоя приемная мать, моя дочь.

— Ты должен нам помочь, мой мальчик, — сказала Фермуфис. — Я обещаю, что тебе будут оказаны царские почести, если ты освободишь Египет.

— Мне не нужны почести.

— Я обещаю освободить народ Израиля, — с усилием сказал фараон.

— Но я слишком молод, и вряд ли ваши воины захотят подчиняться еврею.

— Об этом не беспокойся. Непослушные будут немедленно казнены.

Моисей приступил к созданию новой армии, в которую впервые почти на равных должны были войти египтяне, евреи и некоторые другие племена. Он призвал всех мужчин старше двадцати лет. В считанные дни лучшие мастера Египта оснастили армию. В кратчайшие сроки был организован обоз, куда по приказу фараона из неприкосновенных запасов были выделены зерно и другие продукты.

— Мне нужна неделя, — сказал Моисей фараону, когда армия была сформирована. — Мне нужна неделя, чтобы обучить бойцов владению оружием и приемам боя, ибо нельзя воевать с неподготовленными воинами.

— За неделю враги дойдут до Раамсеса и уничтожат наше государство! — помрачнел фараон. — Не для того я отстроил новую столицу, чтобы отдать ее чужеземцам. Не для того мои жрецы приносили жертвы Амону и Сехмет!..

— За неделю они не дойдут и до Мемфиса. Я вышлю им навстречу шесть сотен боевых колесниц, которые задержат эфиоплян. Через неделю мы сможем дать им решительный бой у Мемфиса!

Моисей лично руководил подготовкой армии, и через семь дней навстречу эфиоплянам выступило двести тысяч воинов, разделенных на десять отрядов.

Перед походом Моисей обошел войско и отправил до-

мой грешных и боязливых, дабы те не сделали робкими сердца своих собратьев. Египетские военачальники никак не могли понять Моисея.

— Никогда такого не бывало, — говорили они командующему. — Если мы отправим домой боязливых и робких, в нашей войске будет вполровину меньше воинов, чем теперь.

— За грешников Господь может покарать все войско во время битвы, — ответил Моисей.

Всего через два дня армия вышла к Мемфису, ибо следовала не водным, а сухопутным путем, который раньше считался непроходимым. Дело в том, что эти места кишели зловредными и безобразными змеями, некоторые из них летали по воздуху. Для безопасности войска Моисей придумал удивительное средство: он велел приготовить плетенные из тростника корзины и наполнить их длинноногими ибисами, которые весьма искусны в охоте на змей. Когда войско добралось до местности, кишашей тварями, ибисов стали выпускать из корзин и они принялись поражать гадов.

Следом за армией двигались обозы, груженные водой и провиантом.

Посланные Моисеем лазутчики сообщили, что эфиопляне многочисленны, хорошо вооружены, крепки и передвигаются на верблюдах. Они хорошо владеют оружием, бесстрашны, однако в их действиях нет слаженности и они проводят время, свободное от битв, в праздности, пьянстве и разврате.

В ночь перед битвой Моисей созвал у себя в шатре военачальников.

— Египтяне и евреи, — медленно произнес он, — от вас зависит судьба Египта и благополучие ваших семей. Мы должны обсудить план завтрашней битвы, которая станет решающей. У нас восемь египетских дивизий и две еврейских. Для меня нет различий между теми и другими. Се-

годня вы — братья! Я верю в вашу храбрость. Но на всякий случай предупредите всех: позади ваших отрядов будут идти отборные воины, которые сурово накажут трусливых и нестойких духом. Каждому, кто вздумает бежать от сражения, будут перебиты голени.

После беседы Моисей встретился с еврейскими командирами и приказал им тайно от египтян собрать трофейное оружие на поле боя:

— Оно нам еще пригодится. Когда мы разобьем эфиоплян, подберите надежных людей, и пусть они, нагрузившись оружием, не дожидаясь египтян, отправятся в Гесем. Туда они войдут ночью, чтобы тщательно и не навлекая на себя подозрений, спрятать трофеи. После чего все на несколько лет должны забыть об их существовании.

Победа над эфиоплянами

Ранним утром эфиоплян разбудил чудовищный рев. Это сотни труб египтян возвестили о начавшейся битве под Мемфисом.

Первой в бой вступила дивизия конных лучников. Они вихрем пронеслись по лагерю эфиоплян, осыпая стрелами полусонных завоевателей. Пока те приходили в себя, лучники успели отойти на прежние места почти без потерь, ибо их загородили от эфиоплян тучи пыли, поднятые огненными конями наступавших.

Вслед за лучниками в сражение пошли отборные боевые колесницы, отливавшие на солнце золотом и серебром. Лучшие воины Египта, хорошо обученные и опытные, выпустили тысячи стрел в противника. Однако тот, придя в себя, сумел сосредоточить силы и завязать схватку, заставив отступить египетские войска.

Развернулась смертельная битва. Сверкали мечи, раз-

носились стоны умирающих и воинственные кличи командиров.

Казалось, наступал конец света.

Исход битвы могли бы решить эфиопляне на верблюдах, вклинившиеся в строй египтян. Возникла паника.

Воины Моисея, побросав мечи, луки и стрелы, начали беспорядочно отходить под напором завоевателей. То тут, то там возникали мелкие схватки, как правило, заканчивавшиеся гибелью воинов Рамсеса.

И в тот момент, когда думалось, что эфиопляне одержат победу, на них двинулись три свежих отряда метателей копий.

— Ложная атака должна сделать схватку затяжной, — сказал Моисей свите. — Если мы заставим эфиоплян ввязаться в рукопашную, победа будет за нами!

Увидев идущих на них хорошо вооруженных бойцов, захватчики остановились в растерянности. Битва стала смертельной дракой обезумевших людей, стремящихся повергнуть врага любой ценой и любым оружием — мечом, копьем, стрелой, руками, зубами.

Как рассказывал мне дед, он знал одноглазого египтянина, который загрыз четверых кочевников, а еще трем вырвал кадык.

И вот, когда казалось, что не будет конца смертоубийству, из засады вылетела легкая конница израильтян. Ее командир упал как подкошенный, но это не остановило воинов.

Я познакомился с этим командиром, когда он, глубокий старик, любил рассказать, как потерял зубы в кровавом сражении. Камень из вражьей пращи влетел ему в рот, когда он громогласным кличем после молитвы возглашал: «Аллилуйя!». Камень выбил зубы, проскользнул в желудок, и только чудом да молитвами отважный воин остался жить.

Кажется, старик приходился нам дальним родственником.

Конница налетела на эфиоплян и обратила их в бегство. Они бежали, падали и умирали на чужой земле, проклиная день, когда вошли в пределы Египта.

Евреи и египтяне несколько дней преследовали остатки вражеской армии. Наконец та была оттеснена в главный город Эфиопии Сава, город неприступный, ибо обтекался с одной стороны Нилом, а с другой — реками Астап и Ас-тавор.

Сава был огорожен огромной стеной и, помимо рек, защищался искусственными валами.

Войско Моисея, переправившись через Нил, остановилось у крепостных стен, не решаясь на штурм.

И тогда царь эфиоплян, уstraшенный египетским войском и наслушавшись рассказов о его необычайном мужестве и стойкости, предложил Моисею в жены свою дочь-красавицу Фарбис, которая воспылала к нему горячей страстью.

Моисей принял предложение царя эфиоплян, поставив условием сдачу города. Царь согласился, и после пышной свадьбы в царском дворце, не допустив грабежей, Моисей вместе с войском вернулся в Египет.

Дома их встречали восторженные толпы. Больше месяца продолжалось всеобщее ликование, а на торжественных пирах во дворце фараон обещал:

— Ни один еврей больше не будет рабом. Еврейские воины спасли Девятнадцатую династию, и отныне они станут такими же, как мы!

Прошло совсем не много времени, и все вернулось на круги своя. Фараон забыл о своих обещаниях, и притеснения даже усилились.

Моисей убивает надсмотрщика и бежит в Мадиям

Однажды, будучи уже одним из самых уважаемых людей Египта и приближенным фараона, Моисей увидел, что египетский надсмотрщик, человек огромного роста, избивает еврея. Бич из крокодиловой кожи взвивался и обрушивался на обнаженную спину несчастного, оставляя кровавые рубцы.

— За что ты его так? — с трудом сдерживаясь, спросил Моисей.

— Отучаю от лени, — тяжело дыша, отвечал надсмотрщик.

— Довольно, остановись, ведь он совсем мальчик...

Но египтянин не владел собой. Сам себя распалая, он продолжал наносить страшные удары. Еврейский юноша уже не стонал, а только хрипел.

И тогда Моисея, человека немолодого и отнюдь не вспыльчивого, захлестнула волна бешенства.

У Моисея, как всегда, был при себе короткий меч. Неуловимым, заученным движением он вонзил меч в грудь великана — тот умер так и не поняв, что произошло и почему этот угрюмый, богато одетый человек с властным взглядом вдруг напал на него.

Тем же коротким мечом Моисей закопал труп в песок. Он не успел заметить, когда исчез избитый молодой раб...

На следующий день Моисей застал двух евреев, яростно спорящих из-за какого-то пустяка. Они оскорбляли друг друга, наконец, один набросился на другого и принялся награждать оплеухами.

— Как тебе не стыдно обижать ближнего своего! — обратился к нему Моисей. Тот, обернувшись, процедил с непередаваемо злобным выражением:

— Кто тебя поставил начальником и судьей надо мной?

Уж не собираешься ли ты убить меня, как того египтянина?

Сколько еще раз услышит пророк от своих сородичей этот злобный вопрос: «Кто тебя поставил начальником и судьей над нами?»

Моисей понял, что тот юноша, которого он спас, не удержался, рассказав о случившемся, и вот-вот об убийстве проносятся ищущие фараона.

Убийство надзирателя — дело нешуточное. За такое еврея не помилуют, даже если он прославленный полководец.

Вскоре Моисей был предупрежден верными людьми, что за ним послали дворцовую стражу:

— Беги немедленно! Вскоре стражники будут здесь!

Моисей, в чем был, с пустыми руками убежал из города и пешком пошел на восток, в соседнюю с Египтом землю Мадиямскую.

Мой дядя Ифамар рассказывал мне, что не Моисей первым напал на египтянина-надсмотрщика, но тот на него, и будущий пророк убил противника не в порыве гнева, а законно обороняясь. Моисей якобы назвал даже имя того египтянина — Ханефрей, и высказывал предположение, что тот получил от фараона приказ убить будущего вождя израильтян и нарочно делал все, чтобы вывести Моисея из себя и вызвать ссору.

Мне это кажется вполне правдоподобным, ибо Моисей, иногда давая волю гневу в речах, в делах был всегда необычайно осмотрительным и осторожным. Однако в Торе об этом случае рассказано по-другому, я не осмелюсь ставить под сомнение письменное свидетельство самого Моисея.

Приготовления к встрече с фараоном

Перед тем, как впервые пойти к Мернепте, Моисей, Аарон и старейшины обсуждали, какой способ избрать, дабы убедить фараона отпустить евреев, и насколько беседы с царем Египетским могут быть опасны для них лично и для всего народа.

Моисей настаивал на том, что разговор следует вести твердо, жестко и предельно уверенно, ибо еврейский народ — даже в его нынешнем незавидном состоянии — представлял большую силу и мог создать определенную угрозу для фараона и египетской знати.

Старейшины напоминали о разобщенности евреев, многие из которых отошли от Всевышнего и предались постыдному поклонению египетским идолам.

— Именно поэтому мы должны показать фараону твердость духа, — настаивал Моисей. — Завтра это будет значительно труднее, ибо Мернепта станет сильнее, а мы — слабее. Пока мы можем сравниться с египтянами силой и числом, а завтра, при тех законах, которые существуют в Египте, — вряд ли. Мы станем жалкими просителями, которых даже не пустят во дворец!

— Ты думаешь, грубостью можно чего-нибудь добиться от фараона? — сомневались старейшины.

— Я буду говорить с ним так, как заповедовал Господь. Я скажу, что еврейский народ должен принести жертву Господу в праздник. И сделать это он должен в пустыне, дабы не мешаться с язычниками. Под этим предлогом мы сможем уйти.

— Мернепта не настолько глуп, чтобы тебе поверить.

— Не знаю, глуп фараон или умен, но у нас нет другого выхода. Мы пойдем к нему и потребуем отпустить нас.

— А если он откажет?

— Пусть откажет, иного я и не жду. Но мы должны с

чего-то начать. И мы начнем! Не забывайте, что нам помогает Господь. Он повелел мне вывести евреев из Египта, и я это сделаю!

Первая встреча и отказ Мернепты

Рано утром самые уважаемые евреи во главе с Моисеем и Аароном отправилась во дворец фараона.

Когда процессия вышла на окраину столицы, желтое египетское солнце нещадно опаляло красную землю, на которой теснились слепленные из земли, глины и соломы хижины. Юркой змейкой вились узкие улочки кожевников, сборщиков соломы и скотоводов, ведущие к центру города, где пребывала в роскоши и благополучии египетская знать. Там же располагались знаменитые дворцы фараона и храмы египетских богов, известных в мире своей многочисленностью.

Верблюды, на которых передвигались молчаливые евреи, медленно переступали, мерно покачивая большими головами.

У братьев было немного доводов, чтобы убедить египетского царя в своей правоте, но им покровительствовал Господь, и это вселяло уверенность в пророка и его спутников.

Вход во дворец стерегли огромные львы, которые растерзали бы любого, кто попытался войти без особого сопровождающего. При виде Моисея и его спутников цари зверей грозно зарычали, но стоило пророку протянуть по направлению к ним свой жезл, как они умолкли и улеглись смиренно, как собачки.

Мернепта, недавно вступивший на трон, встретил гостей у одного из своих многочисленных дворцов в мраморной беседке, украшенной гирляндами красных и синих цветов. Он исподлобья глядел на посланцев народа Израиля,

полагая, что те пришли с очередной просьбой уменьшить бремя, возложенное на рабов, возводящих пирамиды и строящих дворцы и храмы.

Не так давно фараон хорошо помолился у реки своему богу и считал, что все будет хорошо в его царстве, ибо его молитва, как ему казалось, была услышана.

— Я приветствую тебя, государь, — поклонился фараону Моисей. — Меня зовут Моисей. Со мной пришли мой брат Аарон и другие старейшины еврейского народа.

— Моисей, Моисей, — задумчиво протянул царь Египетский. — Да, конечно, помню. Ты убил египтянина и позорно бежал из Египта, опасаясь справедливого возмездия. Помнится, я простил тебя и разрешил вернуться.

— Да, я убил египтянина за то, что он издевался над моим несчастным соплеменником. Но ты должен помнить и то, что шестьдесят лет назад я возглавил войско Рамсеса, когда эфиопляне вторглись в пределы Египта и угрожали истребить твой народ.

— Чего ты хочешь?

— Я пришел просить тебя отпустить евреев на три дня. Мы должны отправиться в пустыню, чтобы помолиться нашему Богу, принести Ему жертвы и просить Его о благодати.

— Послушай, Моисей, — произнес фараон. — Я простил тебе убийство египтянина, хотя любого другого на твоём месте ждала страшная участь. Я не препятствовал твоему возвращению в Египет, полагая, что ты хочешь сложить кости на родине предков. Но я не желаю, чтобы ты отвлекал народ от работы бессмысленными речами.

Моисей переложил жезл из руки в руку и медленно, тщательно подбирая слова, рассказал царю Египта о своей встрече с Предвечным, не упоминая о том, что Господь повелел выйти своему народу из Египта и никогда не возвращаться обратно.

— Господь хочет, чтобы евреи вышли из Египта на три

дня, — сказал Моисей, в упор глядя на фараона. — Он хочет, чтобы ты подчинился Его воле и не чинил евреям препятствий. Он вручил мне доказательства того, что мы не лжем, они рассеют твои сомнения. Отпусти наш народ, — добавил Моисей, — ибо Бог хочет, чтобы мы совершили Ему праздник в пустыне.

— Ваш Бог известен в Египте. Но мои боги не хуже. Я не отпущу народ Израиля из Египта. Ступайте с миром и не смущайте своих соплеменников.

Аарон взял жезл из рук Моисея и бросил его перед фараоном на мраморный пол. Жезл обратился в змея, который грозно зашипел на Мернепту.

Царь Египетский хлопнул в ладони, и перед ним появились придворные тайноведцы и чародеи Ианния и Иамврия¹, — грузнотелые и смуглолицые египтяне, весьма искусные во всяческих фокусах и чудесах.

— Покажите-ка этим людям, — сказал фараон, — что наши боги тоже способны творить чудеса.

Ианния и Иамврия кинули о пол свои жезлы, и те превратились в змей, которые злобно набросились на змея Моисея. Однако жезл Моисея тотчас проглотил змей египетских.

— Да, — насмешливо сказал фараон. — Твой жезл нынче сильнее египетского. Но это ни о чем не говорит, ибо своим фокусам ты, Моисей, если мне не изменяет память, обучился у наших мудрецов. Они были хорошими наставниками, а ты оказался способным учеником. Вот и все.

— Наш Господь покарает тебя и твой народ, если не позволишь евреям покинуть Египет.

— Не злоупотребляйте моим благодушием. Я сказал ясно — евреи никуда не уйдут! Идите, работайте и не волнуйте народ своими безумными речами.

¹ Согласно Талмуду («Менахот», 85а и «Шемот рабба», 9) — сыновья Валаама.

Казнь первая — превращение воды в кровь

Моисей и Аарон не пали духом, ибо после захода солнца, когда они вернулись домой, Господь сказал Моисею:

— Фараон упрям и не хочет отпускать евреев из Египта. Упорно его сердце. Но ты завтра встретишься с царем Египетским у реки и скажешь ему, что Я послал тебя к нему, дабы он отпустил народ Израиля совершить Мне служение в пустыне. Если он не захочет отпустить евреев, пусть Аарон ударит жезлом по водам — и они превратятся в кровь. И рыба в реке издохнет, и станет вода непригодна для питья — горька и солена, и египтянам станет тяжело пить ее. И будет кровь по всей земле Египетской, и в дереве, и в камне.

На следующий день Моисей и Аарон нашли фараона на берегу реки в сопровождении многочисленной свиты. Фараон недавно помолился богу воды и теперь чувствовал себя прекрасно. Рядом с царем стоял главный жрец и растолковывал ему значение снов, виденных Мернептой в последнюю ночь.

Аарон повторил требование отпустить евреев из Египта, твердо глядя в глаза фараону.

— Вы не только упрямы, но и назойливы, — грозно сказал братьям царь Египетский. — Прекратите смущать народ, иначе мне придется покарать вас.

Услышав эти слова, Аарон ударил жезлом по водам, как указал Господь.

И воды в реках, озерах и стоячих водах на глазах фараона, его рабов и придворных превратилась в кровь. Казалось, весь Египет истекает кровью и корчится в муках, и погибнет народ, ибо рыба в реках всплыла кверху животами, и рабы, отведав воды из реки, заболели.

— Мы научены таким чудесам, — важно сказали жре-

цы и чародеи. — На это способен любой, кто обучался египетской мудрости.

Царь Египетский гневно смотрел на Моисея и Аарона.

— Своими чудесами вы только ужесточили труд ваших соплеменников. Теперь им придется искать воду день и ночь. Их силой принудят рыть колодцы, пока они не найдут хорошие источники для людей и скота. И еще: жрецы сказали мне, что наш великий бог Осирис обязательно защитит народ Египта от вашего Бога, ибо он сильнее!

Семь дней, изнывая под знойным солнцем, еврейский народ копал землю, дабы найти воду для фараона. Многие умерли, не выдержав изнурительных работ.

— Мы жили тяжело в стране египетской, но таких мучений еще не знали. — роптали рабы. — Зачем Моисей навлек на нас гнев царя Египетского? Он убьет нас тяжкими работами.

Казнь вторая — нашествие жаб

Через семь дней Моисей с Аароном вновь отправились к Мернепте.

Накануне Господь сказал Моисею:

— Иди к царю Египетскому и скажи, чтобы он отпустил Мой народ, иначе Я наполню землю жабами, которых будет неисчислимое множество. И покروют они всю землю, и будут они дохнуть и смердеть. Египтяне будут находить жаб в домах своих, в постелях своих, в домах рабов своих, и в печах своих, и в квашнях.

— А если фараон не поверит?

— Тогда пусть Аарон прострет свою руку и ударит жезлом по водам реки. И жабы выйдут на землю египетскую, и заполонят ее, и египтяне возропшут на своих правителей!..

Фараон принял братьев, сидя у реки. Погода стояла нео-

бычайно жаркая для этого времени года, и Мернепту обмахивали веерами молодые стройные полуобнаженные эфиоплянки.

Фараон тяжело дышал, испивая из кубка охлажденное в глубоких подвалах вино, но был настроен довольно примирительно.

— Чего добился ваш Бог, превратив воды в кровь? — спросил Мернепта, завидев Моисея с Аароном. — Теперь вашим единоверцам приходится копать глубокие колодцы! Они проклинают тебя, Моисей, справедливо считая твою строптивость причиной своих бедствий.

— Наш народ должен идти в пустыню, чтобы молиться Господу, — ответил Аарон. — Мы не отступимся, пока не добьемся своего.

— Я уже говорил, — строго произнес фараон, — что не отпущу евреев в пустыню даже на один день, ибо вы не собираетесь возвращаться. Ваши нехитрые уловки рассчитаны на простаков.

— Евреи не смогут выполнять работы, если им перестанет покровительствовать Господь! Отпусти народ, и он, вернувшись, станет работать еще лучше.

— Вернувшись... — с усмешкой повторил фараон. — У меня есть прекрасные надсмотрщики, которые заставят евреев работать как следует!

— Господь покарает египтян. Он поразит твою землю. Река вскипит жабами, они войдут в дом каждого, и в спальню, и на постель, и в дома рабов твоих, и в печи твои, и в квашни.

— Мои боги избавят Египет от всех напастей. Они не слабее вашего.

И тогда Аарон ударил жезлом о воды, и земля немедленно стала заполняться жабами.

— Уберите эту мерзость, — приказал фараон.

— Мы не в силах, — сказал Моисей. — Эта казнь ниспослана самим Господом, и только Он может миловать и

казнить. Если ты отпустишь евреев, Он очистит твою землю от жаб.

— Я прикажу жрецам, и они помогут нам превозмочь любые беды!

— Наша Хекет — богиня воды, плодородия, гонительница жаб, — важно поддакнул жрец. — Она очистит Египет от зеленокожих тварей.

Жрец ударил своим жезлом оземь, но, вопреки его желанию, жабы не только не исчезли, но и выползли полчища новых, помимо тех, что появились по велению Господа Израиля.

Верблюды с трудом продирались сквозь массу жаб, заполонивших сушу и воды. Жабы карабкались друг на друга, образуя громадные, безобразные, скользкие пирамиды, падали и опять карабкались друг на друга; лениво переваливались с боку на бок и издыхали мириадами, не в состоянии добыть себе пищу, но успев дать потомство, которое вскоре вновь давало потомство, — и так без конца.

Я тогда был совсем маленьким, но помню, что нас, детей, перестали выпускать из хижины, чтобы не допустить жаб в дом.

Несколько дней евреи и египтяне страдали от жаб, хотя в земле Гесем, населенной преимущественно евреями, жаб было гораздо меньше, чем в столице и других городах.

И вот однажды на закате дня, когда мягкая прохлада теснила летний зной, к нам в хижину пришли гонцы царя Египетского.

— Государь требует вас к себе. Он требует вас немедленно.

Царь Египетский впервые принял Моисея и Аарона в своем обиталище. Мраморные стены не давали жаркому солнцу пробиться внутрь дворца.

Мернепта был серьезен и задумчив. Он убедился в могуществе Бога, покровительствующего братьям, но по-пре-

жнему не хотел идти на уступки, ибо тот, кто уступил и хоть однажды выказал противнику слабость, обязательно будет побежден.

— Я вызвал вас к себе, Моисей и Аарон, чтобы вы убрали из Египта мерзких гадов, которые заполняют даже царские покои и храмы наших богов. Мои жрецы и чародеи умеют вызывать жаб, а вот избавляться от них, к сожалению, не научились, за что многие побиты камнями. Поэтому я заставил их ловить жаб руками, что они с успехом делают.

Только тут братья заметили, что придворные тайноведцы Ианния и Иамврия бегают по дворцу, пытаясь поймать зеленых тварей, резво упрыгивающих от них.

— Может, хоть так они принесут пользу Египту, — без тени улыбки произнес фараон. — Не могут уговорить наших богов избавиться от жаб, так пусть побегают и половят их самостоятельно.

— Ты решил отпустить наш народ?.

Фараон ответил не сразу:

— Идите и молитесь, сколько вам хочется. Но я отпускаю только взрослых мужчин. Семьи же ваши останутся в Египте.

— Нет, — твердо произнес Моисей. — У нас свои законы. Мы должны выйти всем народом. Иначе Господь не примет наши жертвы.

Фараон устало повернул голову и подозвал главного чародея Египта. Тот, мелко семеня короткими ножками, подошел к трону и низко наклонил голову, пытаясь притушить лукавый взгляд.

— Почему молчит богиня Хекет? — тихо спросил фараон. — Можем ли мы рассчитывать на ее помощь?

— Прошло семь дней. Мы приносим Хекет все полагающиеся жертвы и многое сверх того. Но пока она равнодушно взирает на наши страдания и не хочет вызволить

нас из беды. Жабы множатся день ото дня, и этому не видно конца.

Мернепта в порыве раздражения ударил жреца жезлом и вновь обратился к Моисею:

— Будь по-твоему. Я отпущу весь народ Израиля на три дня. Когда ты избавишь Египет от жаб?

— Как того пожелает Господь. Я могу только просить Его. Когда ты хочешь, чтобы Он удалил жаб из египетских земель?

— Проси, чтобы завтра же их здесь не было! Ни одной!

— Я передам Господу твою просьбу, — сказал Моисей. — Удалятся жабы от тебя, домов твоих и рабов твоих, дабы ты знал, что нет иного Бога, кроме нашего.

Вернувшись домой, Моисей принялся истово молиться, прося у Господа освободить Египет от нашествия мерзких гадов. Еще он просил смягчить сердце фараона, чтобы тот не нарушил своего обещания.

И не успела свариться дюжина яиц на очаге, как земля египетская полностью очистилась от жаб. Все они разом подошли, и люди Египта, и народ Израиля собирали их в кучи и зарывали глубоко в землю, и воссмердела земля так, что много дней и ночей трудно было дышать.

Казнь третья — нашествие мошки

Однако фараон коварно обманул Моисея.

— Хекет смилостивилась над нами, — сказал Мернепта. — Ваш Бог тут ни при чем, ибо Хекет приняла нашу жертву и, снизойдя, умертвила в землях моих зеленых гадов.

Но за отказом фараона последовала третья казнь, о которой Моисей не предупредил египетского правителя и его слуг.

Почва берегов Нила считалась у египтян священной; ее

обожествляли фараон и жрецы, простой народ и рабы. Они называли ее Себек. Египтяне верили, что эта Себек обеспечивает разливы Нила, а значит, и плодородие.

Священными животными Себек считались крокодилы, которые иногда похищали и пожирали людей. Жрецы утверждали, что крокодилы едят тех египтян, которые недостаточно усердно молятся Себек и приносят ей слишком скудные жертвы.

Итак, сразу вслед за отказом фараона отпустить народ Израиля в пустыню почва египетская подверглась осквернению, ибо из нее вышли мошки и подобные гнусные насекомые, которые были на людях и домашних животных, в жилищах и мастерских.

Мошками кишело все вокруг, они залетали под одежды, забивались в уши, нос; египтяне задыхались.

Сколько ни старались тайноведцы удалить мошек — тщетно. Не помогли им и обращения к Себек.

И тогда чародеи сказали фараону:

— Бог Израиля побеждает наших богов! Мы не можем сравниться с Моисеем, ибо ему покровительствует другой Бог, более сильный и могущественный.

Но фараон требовал:

— Забудьте сон и отдых. Вы должны преумножить ваши усилия, но добиться того, чтобы Себек расправилась с Богом Израиля. Я не уступлю Ему! Не отпущу евреев из своей земли.

Казнь четвертая — песьи мухи

И тогда Господь явился Моисею.

— Завтра встань рано, — сказал Он, — и явись перед фараоном. Тот пригласит тебя шествовать с ним к реке, где ты скажешь ему: «Господь мой передает тебе, что ты должен немедленно отпустить народ Израиля совершить слу-

жение Ему в пустыне. А если ты не отпустишь народа Его, Он напустит на тебя, на рабов твоих, и народ твой, и дома твои — песьих мух, и наполнятся дома египтян песьими мухами, как и самая земля, на которой они живут. И не будет мух только в земле Гесем, где живут евреи. И тогда ты узнаешь, как могуществен и силен Бог Израиля».

Моисей последовал указанию Предвечного, но фараон и на этот раз не внял его словам.

— Твои угрозы мне изрядно надоели, — сказал он. — Мои боги помогут мне и моему народу в противоборстве с твоим Богом. Он один, а наших богов — тьма, и тьма, и тьма!

И тогда мерзкие насекомые, хорошо известные каждому своей докучливостью и причиняемым беспокойством, во множестве появились в землях египетских, кроме земли Гесем, где жили евреи.

Песьи мухи были крупны, как пчелы, их укусы причиняли нестерпимые страдания. Они налетели на Египет во множестве и совершенно неожиданно для египтян. И поселились они в домах фараона, и в домах рабов его, и в храмах египетских, и в школах, и в яслях, и в кузницах, и в конюшнях.

Египтяне возроптали на Мернепту, требуя, чтобы он отпустил евреев помолиться в пустыню, пока песьи мухи не извели со свету весь народ.

Повторю, что израильтян не коснулось описываемое бедствие, ибо Господь охранял их и отвел от Своего народа песьих мух. Однако те, кто был в то время по делам в Рамсесе, Бефсалисе и других городах, рассказывали о происходящем, вызывая ужас у слушателей, лишая их сна и аппетита.

Говорили, будто песьи мухи могли до смерти искусать любого, кто отважился выйти на улицу без надежной защиты из двойных кожаных одежд. Стоило одной из таких тварей ужалить человека, как он чувствовал недомогание,

жажду, дрожание ног и рук, а мог и умереть на месте. И ничто не могло ему помочь — ни молитвы, ни заговоры, ни отвары из лекарственных трав. Не помогал даже настой на желчи бегемотов!

Скот охватывал ужас при виде этих насекомых. Даже крокодилы старались не выбираться на сушу, ибо их толстая кожа не могла спасти от болезненных укусов.

Страшно подумать, как страдали египетские дети.

В это время у нас дома часто обсуждали, когда же будет сломлено чудовищное упрямство фараона. Аарон считал, что Мернепта на этот раз обязательно отпустит евреев в пустыню:

— Он не враг народу своему. Он понимает, что может случиться нечто страшное, если он не послушает нашего Бога. Четыре казни наслал на Египет Господь. Неужели этого мало для Мернепты?

— Нет, — возражал ему Моисей, — фараон еще не вполне почувствовал могущество нашего Бога. До сих пор он думает, будто его боги не защищают Египет лишь по недомумию или нерадению жрецов, но когда-нибудь они смилятся и вступят в схватку с нашим Господом.

Казнь пятая — моровая язва

На следующий день гонцы потребовали Моисея и Аарона во дворец фараона.

— Можете принести жертву своему Богу вместе с женами и детьми, но только в пределах Египта, — сказал Мернепта.

Он выглядел усталым и растерянным.

— Нет, это невозможно. Египтянам отвратительны наши традиции. Если мы на их глазах станем приносить жертвы нашему Богу, они побьют нас камнями. Мы должны уйти в пустыню, — сказал Моисей.

— Если мы не сделаем этого, — подхватил Аарон, — мы будем жестоко наказаны нашим Богом.

— Хорошо. Помолитесь и обо мне. Я отпускаю вас в пустыню, только не уходите слишком далеко.

Обратясь к Господу, Моисей попросил Его удалить мух из Египта.

Утром насекомые исчезли. Однако фараон не сдержал своего слова и опять не отпустил евреев из Египта.

— Иди к фараону, — сказал Господь Моисею, — и скажи ему, что Господь Бог Израиля наложит Свою длань на египетский скот, который в поле, на лошадей, которые запряжены в колесницы, на ослов, навьюченных товарами, на верблюдов, несущих на себе странников, на волов и на овец. И будут на них язвы, от которых те погибнут. Скажи фараону, что скот израильский при этом не пострадает, и никто не умрет. Скажи правителю египетскому, что, если до завтра он не отпустит Мой народ из Египта, сия казнь свершится безотлагательно и неотвратимо!

— Да, конечно, вы можете наслать на скот Египта моровую язву, — сказал Мернепта братьям, когда те передали ему требования Господа. — Я вижу, как силен ваш Бог. Но я не боюсь язв, ибо нашему скоту покровительствуют не какие-нибудь слабосильные божки, а сами Осирис и Исида.

К тому времени вновь отстроенная столица Египта была переполнена изображениями этих богов. Исиду египтяне изображали в головном уборе из рогов небесной коровы и солнечного диска, что означало ее священную связь с небом. Исиду чтили как покровительницу умерших.

Осирис, брат и супруг Исиды, считался обладателем земной власти, а вместе с Исидой он покровительствовал скотоводству.

Однако ни Осирис, ни Исида, ни другие божества не могли помочь египетскому фараону и его народу. Скот египтян вскоре поразила язва.

Тысячи египтян, наставляемые жрецами и тайноведцами, денно и ночью молились своим тьмачисленным божкам: «О Исида, великая Мать, священная корова, ярчайшая богиня материнства и плодородия, бесценная супруга Осириса! Мы молим тебя, обладающую секретами великой магии, исцели наш скот от язв. Мы просим тебя, о великая!

О могущественнейший Осирис! Ты научил людей искусству врачевания, за что мы непрестанно благодарим тебя. Мы возносим тебе свою молитву, о солнцеподобный. Избавь нас от этого проклятья, ты, который умер и опять воскрес.

Божественные супруги, помогите нашему скоту. Вы — наша последняя надежда и надежда единственная. Мы приносим вам богатые жертвы, дети Геба, могущественного бога земли!

Язвы тяготят наш скот, он умирает в муках и не приносит потомства! О величайшие из величайших, мудрейшие из мудрейших и справедливейшие из справедливейших, пребудьте с нами в тяжелый час. Не оставьте нас без своей помощи и откликнитесь на наши молитвы!»

Все животные были покрыты кроваво-гнойными язвами. Больной скот ходил, словно пьяный, животные падали на землю, умирая в муках, издавая жалобные стоны, от которых пробегала дрожь. Немногие выжившие быки и коровы стали непригодны в пищу, ибо их мясо имело горький привкус и отдавало падалью.

Впавшие в отчаяние египтяне пытались задобрить евреев богатыми подношениями, полагая, что напастей можно избежать, добившись благосклонности народа, к которому совсем недавно чувствовали презрение.

Самое страшное, что моровая язва от животных перешла на людей.

А за день до первого заболевания, поразившего египтянина, Господь сказал Моисею и Аарону:

— Возьмите полную горсть сажы из печи, и пусть бросит ее Моисей к небу на глазах у фараона. И делается пыль по всей земле египетской, и будет на людях и скоте воспаление, соединенное с нарывами.

Казнь шестая — мор скота

— Нет, Моисей. Я не отпущу твой народ. У нас был тяжкий год, и израильтянам придется многое восстанавливать и строить.

Фараон сидел на берегу реки, взирая на братьев со смешанным чувством. Он ненавидел этих бодрых и мудрых старцев, которые говорили с ним так смело и свободно, словно были ровней ему — владыке Египта. В то же время он испытывал непреодолимый страх перед Моисеем, Аароном, а теперь, пожалуй, и всеми евреями, а главное — перед их Невидимым и Непостижимым Богом, Которого они любили и Которого страшились. Ему казалось, что он никогда больше не сможет вернуть в Египет ту обычную, спокойную жизнь, которая была в стране до появления Моисея, когда египтяне проводили время в удовольствиях, молитвах и мирных трудах, а евреи строили для них дома, добывали пищу, рыли каналы.

— Я тебя предупреждал, — Моисей бросил в небо пепел, — что мой Бог хочет, чтобы ты отпустил евреев в пустыню. Мне жаль египтян, ибо они страдают из-за твоего упрямства. Ты мог бы прекратить их мучения, но для этого ты должен исполнить волю Господа.

— Ты опять пытаешься состязаться с моими жрецами и чародеями. Я устал от твоих фокусов. Они приносят неисчислимые беды, и мне до сих пор непонятно, почему я не предал тебя страшной казни. Ты сильнее моих тайноведцев, но против грубой силы — бессилен.

— Все во власти Господа, — Моисей бесстрашно посмот-

рел в глаза фараона. — Ты можешь быть только Его руками, и никак иначе! Господь избрал евреев, но Он избрал и египтян.

— Ваш Бог избрал египтян? Если ты не врешь, то почему Он посылает моему народу столько бедствий?

— Отпусти наш народ в пустыню, — миролюбиво произнес Аарон, — и Господь не сделает Египту ничего дурного. Ты и твой народ будете жить в довольстве. Египетские женщины будут рожать детей, те в свой черед будут рожать своих детей, и так — до бесконечности.

— Но если ты ослушаешься, — твердо сказал Моисей, — то уже к рассвету язвы покроют весь народ Египта. И стариков, и женщин, и детей!

Братья покинули фараона, ничего не добившись.

Мернепта понимал, что, отпусти он израильтян в пустыню, те никогда не вернутся. Это подтверждалось донесениями соглядатаев: евреи готовятся к чему-то, они охвачены тревогой и радостью, перестают слушаться надзирателей, все толкуют о том, что вскоре они обретут свободу.

Густой слой пыли навис над Египтом. Стоящие на расстоянии двух шагов не видели друг друга. Люди передвигались на ощупь, проклиная фараона, не желавшего отпустить евреев. Но чаще — евреев, которые навлекли на страну неслыханные напасти.

Сразу вслед за этим египтян поразила страшная болезнь. Они покрывались язвами, такими, как прежде домашний скот. Крик страдания раздавался над всей землей, и только Гесем, где жили израильтяне, находился под покровительством Господа и был укрыт от недугов.

Мернепта вызвал к себе тайноведцев и велел им очистить страну от болезней. Тайноведцы обещали фараону победить болезнь и рьяно принялись за дело.

Они приказали уничтожать крокодилов, ибо копьезубые хищники, дескать, являются одной из причин появления кровоточащих ран. Египтяне охотились на крокодилов,

обвешивали себя ожерельями из их зубов, но это не облегчало страданий.

Тогда тайноведы дали совет сушить и добавлять в пищу порошок из змеиной кожи. Многие египтяне погибли, пытаясь поймать змей. Но даже приготовив заветное средство, подданные Мернепты страдали и гибли в судорогах.

В конце концов начали болеть сами жрецы, их дети и жены.

Смерть носилась над домами египтян, собирая свою страшную жатву.

«Горе нам, — причитали египетские женщины в скорбных плачах. — Наверное, Бог Израиля наказывает нас за то, что мы приносили человеческие жертвы Тифону».

Надо сказать, что в те времена в различных египетских городах, посвященных божеству Тифону, ежегодно приносились в жертву рыжеволосые люди, в число которых часто попадали и израильтяне. Их сжигали живыми на жертвенниках, а пепел рассеивали по ветру. Язычники верили, что этим они очищают воздух от вредных стихий.

Теперь же Господь покарал и унизил нечестивцев: отныне жрецы стали нечистыми и не могли отправлять свои гнусные обряды.

Казнь седьмая — град

Как ни тяжелы были все эти бедствия, но и они не могли заставить фараона уступить воле Бога.

И тогда Всевышний сказал Моисею:

— Встань завтра рано и иди к фараону. Скажи ему, что Я повелел ему отпустить народ Мой, чтобы он совершил Мне служение. Я послал на Египет язвы, но не стал умерщвлять все живое в Египте, ибо фараон должен знать, что нет подобного Мне на земле, и возвестить всему миру имя

Мое! Скажи фараону, что на его владения и его подданных будет послан град, какого еще не было в земле египетской.

Встретившись со старейшинами, Моисей поведал им о своей недавней встрече с Предвечным и попросил их сообщить евреям о предстоящем бедствии, дабы те сумели к нему подготовиться и уберечь свое имущество.

— Все евреи, — сказал Моисей, — не должны некоторое время пасти свой скот на пастбищах вдали от домов, ибо град может погубить стада.

Однако не все евреи послушались старейшин.

— Весной град бывает очень редко, — говорили неразумные, которые не убоились упреждения Господа, — а уж сильного града в это время года отродясь не бывало.

Тот же, кто поверил старейшинам и обратил свое сердце к словам Господа, срочно загонял свой скот в дома и не разрешал родственникам покидать жилища.

Моисей простер жезл свой к небу, как повелел ему Господь. И в тот же миг раздался гром, засверкали молнии и с небес сорвался град.

Самая маленькая градина была величиной с куриное яйцо и могла свалить с ног самого крепкого коня и самого большого быка.

К этому времени на полях колосился ячмень, цвел лен, а пшеница, рожь и полба только зеленели. Надо ли говорить, что град погубил урожай, а буря унесла в своей утробе египетский скот. Сохранить его сумели только те, кто укрыл овец, коз и лошадей в своих домах.

— Не было такого града со времени населения нашей земли, — говорили старики-египтяне детям и внукам. — Никогда град не ломал деревья, не побивал скот, не губил посевы и людей. Лен и ячмень побиты, ибо ячмень уже выколосился, а лен осеменился. Чем мы будем кормиться? Во что одеваться? Верно говорят мудрые: не следовало нам гневить Бога Израиля.

Только одна местность в Египте не пострадала от града и бури — земля Гесем.

И когда казалось, что град, буря и гроза никогда не кончатся, фараон вызвал к себе Моисея с Аароном.

В душе египетского правителя не осталось сомнений в том, что бедствия, поразившие Египет, — не что иное, как кара Бога Израиля, а братья — Его пророки в земле египетской.

Моисей с Аароном в который уже раз пришли во дворец фараона. Тот мерил шагами тронный зал, а в глазах Мернепты стояли боль и отчаяние.

— Мы не хотим бедствий для Египта, — молвил Аарон. — Нам не доставляют радости страдания египтян. Но и мы бессильны перед гневом Господа.

— Отпусти наш народ, — строго сказал Моисей. — Чем раньше ты отпустишь евреев, тем раньше кончатся бедствия над Египтом.

Фараон остановился перед братьями и в упор посмотрел на Моисея.

— Хорошо, — сказал правитель Египта. — Если я отпущу израильтян в пустыню, ты обещаешь мне, что наши страдания кончатся?

— Творец Вселенной казнит Египет за то, что ты не исполняешь Его волю.

— Хорошо, хорошо. Если ваш Бог прекратит град, я отпущу.

— Будь по-твоему, — проговорил Моисей. — Покинув город, я обращусь к Всевышнему — и громы перестанут, и града более не будет. Ты поймешь, что все в руках Господа Бога Израиля и на все воля Его.

— Я отпущу евреев, — повторил фараон.

— Лен и ячмень уже побиты, но пшеница и полба не побиты, ибо они поздние. — Моисей резко повернулся и ушел из дворца.

Оставив столицу далеко позади, Моисей начал молить-

ся. Он простер руки к Господу, и прекратились гром и град; и дождь перестал падать на землю.

Но сердце фараона ожесточилось; увидев, что буря утихла, он вызвал к себе тайноведцев и сказал им:

— Я обманул Бога Израиля!

Казнь восьмая — саранча

Восьмая казнь наступила незамедлительно. Как только выяснилось, что фараон в очередной раз отказал Моисею, Египет постигло нашествие саранчи.

Это стало страшным бедствием для Египта, ибо уже до того поля были опустошены невиданным градом.

Только-только заколосились посевы пшеницы и полбы, как, повинаясь воле ветра, туча саранчи опустилась на поля и пастбища.

— Фараон должен уступить евреям, — возопили простые египтяне. — Если он будет упорствовать, мы все погибнем, ибо Бог Израиля сильнее всех наших богов. Скоро нам нечего будет есть и мы умрем!

После нашествия саранчи ничего не оставалось на полях египтян. И ничто не могло остановить кошмар, обрушившийся на страну. Землепашцы пытались выжигать саранчу огнем, но он затухал от массы мертвых тел, а живые продолжали свой полет.

Истребив посевы, саранча, гонимая голодом, начала есть все, что было сделано из дерева. Через открытые двери и окна она набивалась тысячами в жилища египтян и поедала все деревянное. Жилища обрушивались, погребая под собой стариков и детей.

Другие погибали от того, что саранча набивалась, как пшеница в корзины, в их глотки и носы.

Саранча и раньше совершала налеты на Египет, но такого ужаса не было ни до, ни после.

Надо ли говорить, что саранчи не было только в земле Гесем.

Когда фараону донесли о нашествии саранчи, в его памяти вновь зазвучали грозные слова Моисея и Аарона:

— Господь Бог евреев спрашивает тебя: долго ли ты будешь препятствовать Ему и Его народу? Он приказал тебе отпустить Его народ в пустыню. Если ты непустишь израильтян в пустыню, Он напустит на Египет саранчу.

Фараон знал, что угрозы Моисея сбываются с поразительной точностью, но, несмотря ни на что, не хотел отпустить евреев.

— Саранча покроет Египет, — продолжали братья, — и не будет видно земли. И поест саранча все, что еще можно употреблять в пищу.

— Идите, — сказал Мернепта, — идите и усердно молитесь вашему Господу. Только пусть идут одни мужчины. Женщины должны остаться в Египте. И дети должны остаться, и скот, и все имущество. Я хочу быть уверен, что вы вернетесь.

Вслед за тем фараон выгнал братьев из дворца.

И тогда простер Моисей жезл свой на землю египетскую. И навел Господь на нее восточный ветер, продолжавшийся весь день и всю ночь. А утром саранча легла по всей земле.

И не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на полях.

И тогда фараон поспешно призвал Моисея и Аарона во дворец. Он сказал:

— Да, я согрешил перед вашим Господом и перед вашим народом. Теперь простите мой грех и еще раз помолитесь Ему, чтобы Он отвратил от Египта нашу смерть.

Моисей помолился Господу, и Тот двинул навстречу урагану, который принес на Египет саранчу, встречный ветер, унесший зеленую смерть из Египта и бросивший ее в Черное море.

Но тайноведцы и в этот раз сумели убедить фараона, что ветер появился не по велению Господа, а вследствие обычного явления природы, как дождь или гроза.

Впрочем, некоторые из приближенных фараона склонялись к тому, чтобы отпустить израильтян из Египта, полагая, что только так они могут отвести беды и напасти от своей страны.

Казнь девятая — тьма

И тогда Моисей и Аарон пришли к фараону.

— Долго ли ты будешь испытывать терпение Господа? — вопрошали они. — Долго ли ты будешь упорствовать в своем стремлении удерживать евреев в Египте?

И простер Моисей руку к небу, и густая тьма накрыла страну. Египет ослеп и стал беспомощен. Никто ничего не видел. Жители предпочитали оставаться дома, опасаясь выходить из своих жилищ.

И только еврейские селения освещались, как и прежде. Так продолжалось три дня и три ночи.

Фараон опять призвал к себе братьев и сказал им:

— Пойдите в пустыню и совершите там служение своему Господу. Я хочу, чтобы тьма над Египтом рассеялась. Молитесь за меня и Египет, и я отпущу вас, как вы просите.

— Ты уже не раз обманывал меня, — ответил Моисей. — Если евреи уйдут в пустыню, то все вместе — с женами и детьми.

— Хорошо, — поспешно вскинул руки фараон, — пусть евреи идут с детьми и женами. Только пусть оставят дома стада в залог своего возвращения!

— Нет. Мы должны идти со скотом, ибо нам предстоит принести жертвы.

— Возьмите необходимое для жертв количество и идите. Не станете же вы жертвовать вашему Богу весь скот?

— Нет. Но ритуальные требования к жертвенным животным чрезвычайно строги, агнцы не должны иметь даже малейшего порока. Выбрать таких можно будет только на месте, притом из множества.

— Я не могу вам разрешить идти в пустыню, — кричал Мернепта. — И отныне меня не устрашат твои угрозы!

Фараон вскочил с трона и вплотную подошел к Моисею.

— Если я еще раз увижу твое лицо, — прошипел он, — это будет последняя минута твоей жизни. Я умертвлю тебя на радость несчастным египтянам.

— Ты прав, — спокойно произнес Моисей. — Больше ты никогда не увидишь моего лица.

Прошло больше сорока лет с тех пор, как Моисей покинул Египет, убив египтянина.

До возвращения Моисей был простым пастухом у священника Рагуила, но пришел к народу своему Человеком, Которого Избрал Господь. А потому каждый шаг Моисея был обусловлен Божьим тщанием — он был посредником между Господом и евреями.

Видимо, на Небесах было решено, что Моисея воспитают в царском доме, дабы он явился народу как царь. И Моисей стал настоящим еврейским царем, а Аарон — его первым сподвижником, почти во всем равным ему.

Но сколь различны были эти двое единомышленников, соратников, родных людей!

Аарон гораздо лучше понимал и чувствовал простых израильтян и выступал их защитником перед Богом и Моисеем. Надо честно признать, что евреи постоянно нужда-

лись в таком заступничестве, ибо, увы, далеко не всегда следовали Заветам Предвечного.

Казнь десятая — смерть первенцев

Пока братья вели трудные беседы с фараоном, их сестра Мариам ходила по еврейским хижинам и объясняла людям смысл происходящего, готовила к исходу и убеждала в его необходимости.

Она прекрасно пела песни, и в них евреи находили утешение и надежду.

Вам, дети мои, родившиеся свободными, может показаться, будто ваши деды только и ждали Вождя, чтобы покинуть страну, которая стала для них мачехой, превратив в рабов. Но одних бед и напастей было недостаточно, чтобы пробудить решимость и желание действовать, идти на неизбежные лишения.

Бесстрашная Мариам посещала семьи бедных израильтян — одну, вторую, сотую — и объясняла евреям, что, смирившись со своим положением, они превратятся в бессловесных тварей, забывших Бога. Что единственный выход для Израиля — покинуть Египет и отправиться в Ханаан, где текут молоко и мед.

Мариам была прекрасной рассказчицей. Ее с удовольствием слушали простые люди, мечтая о времени, когда они станут трудиться только во славу Творца Вселенной, а также для собственной пользы и благополучия.

Однажды Мариам пришла домой необычно рано.

— Бабушка, бабушка, — закричали дети, — ты принесла нам чего-нибудь вкусенького?

— Сегодня вам придется довольствоваться пшеничными лепешками, — ответила Мариам и уединилась со своим братьями в дальней комнате.

Наступал решающий час!

Они долго о чем-то шептались, а наутро все взрослые спозаранку отправились в город.

Много позже я узнал, что Всевышний решил наказать египтян последней, десятой казнью. Он предупредил евреев, как спастись от этой казни, и повелел готовиться к исходу.

Рабская жизнь превратила израильтян в нищих, имеющих скудный скарб и небольшие стада. Перед исходом Моисей повелел евреям выпросить, отобрать, купить, взять займы у египтян все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. С простыми египтянами мы всегда были в довольно дружественных отношениях, ибо несли почти одинаково тяжкую долю. Последние события заставили и египетскую знать проявить больше доброты и сочувствия к израильтянам, так что все давали вещи более или менее охотно. Мы же считали, что эти приобретения суть всего лишь плата, далеко не полная, за многовековой рабский труд.

Моисей поведал израильтянам, что накануне с ним беседовал Предвечный:

— В полночь Я пройду посреди Египта, — сказал Господь Моисею, — и умрет всякий первенец в земле египетской; от первенца фараона до первенца последнего раба, — и все первородное из скота! И будет по всей земле египетской великий вопль, какого не бывало: Все сыны Израиля будут целы и невредимы, дабы фараон знал, какое Предвечный делает разделение между египтянами и израильтянами:

И сказал Всевышний Моисею:

— Пусть каждый из вас возьмет из своих стад ягненка или козленка, по одному на семью. У кого семья мала и не сможет съесть агнца целиком, пусть поделит его с соседом, чтобы съесть без остатка. И пусть возьмут его кровь и помажут ею на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его, — продолжал Господь. — Мясо

следует съесть в ту же ночь, — испекши его на огне с головою, голеньями и внутренностями, — с пресным хлебом и горькими травами. Не оставляйте его до утра, а если оставили — сожгите. Перед едой необходимо повязать на бедра поясы, взять в руки посохи — и есть с поспешностью. Пока вы будете трапезничать, Я пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца, а ваши хижины миную, узнав их по крови на косяках. И не будет среди вас язвы губительной.

С тех пор сей день — праздник Господа нашего. И празднуют его дети наши, и внуки, и правнуки. И праздновать будут наши потомки во веки вечные! Семь дней мы едим пресный хлеб; с самого первого дня уничтожаем квасное; ибо кто будет есть кислое с первого дня до седьмого дня, душа та будет истреблена из среды Израиля. Мы соблюдаем это правило независимо от того, празднуем ли Пасху в Земле обетованной или вне пределов ее. В первый день у нас священное собрание, и в седьмой день священное собрание; никакого дела мы не делаем: соблюдаем день опресноков, ибо в этот день Творец Вселенной вывел нас из земли Египетской.

Позже дедушка Аарон объяснил мне смысл слов Всевышнего. Убив ягненка и съев его с пресным хлебом и горькими травами, каждый еврей чувствует сладость свободы и горечь испытанного рабства.

— Соблюдай Заветы Господа, — часто говорил мне Аарон, — он даст тебе Землю обетованную. И скажешь детям своим: «Соблюдайте пасхальную жертву Господу, который прошел мимо домов израилевых в Египте, когда поражал египтян».

И вот казнь свершилась. В полночь Господь поразил всех первенцев, и луна, воссиявшая для евреев ликом выстрадавшей свободы, осветила египтянам ужасное бедствие, которое предрек им Творец Вселенной.

В каждом доме египтян было по мертвецу. И даже во

дворец фараона пришло горе — умер наследник Мернепты. Ангел смерти поразил всякого первенца египетского, не тронув израильтян.

Вопль доносился из каждого дома, где жили египтяне. Жутко, по-звериному закричал Мернепта, узнав, что его любимый сын умер. Умер вдруг, не бодея, так что лучшие лекари Египта не смогли, не успели ничего сделать. Но не подобает владыке Египта, сыну богов давать волю своей невыносимой боли. И фараон нечеловеческим усилием постарался придать лицу бесстрастно-торжественное выражение.

Только Предвечный знает, о чем думал фараон, сидя возле умершего первенца. Признаюсь, мне становится жаль его, как и всех египтян, потерявших детей в ту столь страшную для них ночь.

Нет, простым египтянам я сострадаю куда сильнее, чем фараону. Ведь он был сам виноват не только в своем собственном несчастье, но и в горе, постигшем весь его народ.

Такой ценой должны были заплатить египтяне за то, что веками держали в рабстве израильтян. Суровый потребовался урок, чтобы они наконец поняли: нельзя строить свое благополучие на угнетении других, и нельзя силой остановить народ, стремящийся к свободе и своему Богу.

Фараон должен был страдать вдвойне и втройне: и от утраты, и от сознания того, что его бессмысленное упрямство навлекло беду и на него самого, и на его подданных. Господь погубил их первенцев как бы в отмщение за то, что Египет слишком долго творил зло Его любимому дитяти, Его первенцу — народу Израиля.

Была глубокая ночь, когда фараон вызвал во дворец вождей еврейского народа и сказал:

— Соберите народ Израиля и скорее идите куда хотите. Совершите служение своему Господу, дабы он оставил наконец в покое Египет. Берите с собой все, что сочтете необ-

ходимым, — жен и детей, друзей и родственников, скот и зерно. Только уходите, чтобы я не слышал более о евреях; их пребывание в Египте — это беспримерные страдания для египтян; они просят отпустить вас! Помолитесь в пустыне своему Богу за меня и мой народ.

Вечером в нашем доме царили волнение и тревога.

Не передумает ли фараон? Не станет ли преследовать и убивать израильтян?

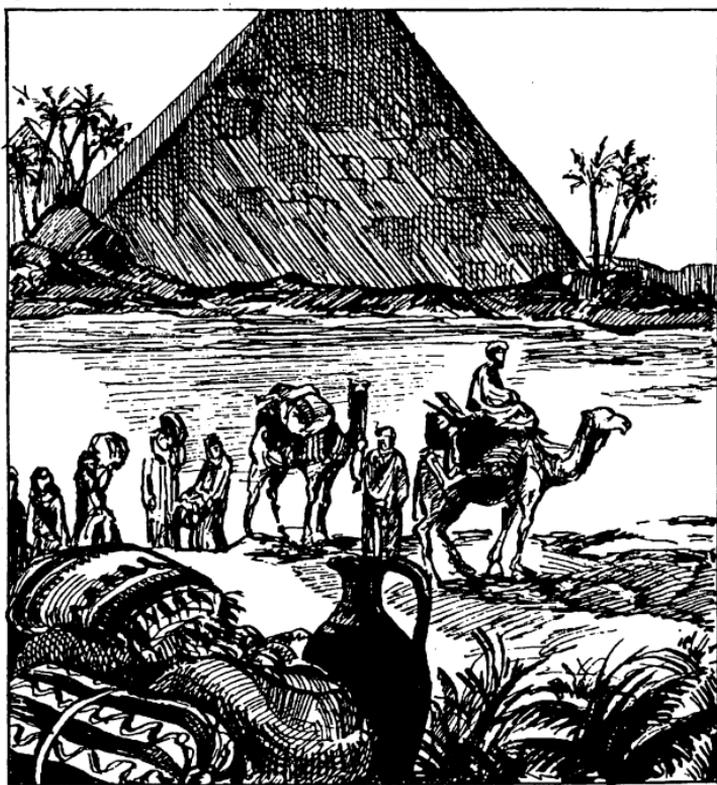
Все комнаты были забиты добром, приобретенным у египтян — от золотой и серебряной посуды до роскошных одежд и домашней утвари.

Несколько раз к нам в дом приходили соседи-египтяне, торопили моих родных.

— Идите немедленно, — требовали они, — идите, иначе у нас никого не останется в живых. Мы все умрем.

Другие соседи, прощаясь с нами, плакали и повторяли, что чувствуют себя очень виноватыми перед нами...

И когда все было собрано, евреи под руководством старейшин, которыми командовали Моисей и Аарон, отправились в пустыню.

КНИГА ВТОРАЯ

Исход

Первый день свободы

В ту ночь Египет покинули свыше шестисот тысяч мужчин, не считая женщин и детей. Вместе с израильтянами вышли родственные племена, чувствовавшие духовную близость к израильтянам и так же много претерпевшие от несправедливости фараона и жестокости его ненасытных вельмож, жрецов и надсмотрщиков.

По приказу Моисея и зову души евреи истово помолились Предвечному, воздав Ему хвалу за дарованную свободу.

— Египтяне худо поступали с нами, — шептали правоверные евреи в вечер исхода, — они притесняли нас и заставляли исполнять тяжкие работы. Мы просим Тебя, Господи, Боже Наш: услышь наш плач, узри непосильные труды наши и угнетение. Выведи нас, Господи, из Египта рукою сильною, и приведи в землю наших отцов, где течет молоко и мед!

После молитвы к народу обратился Моисей:

— Помните этот день, — сказал он, — ибо Господь сегодня вывел вас из Египта. Следуйте Его заповедям, и Он дарует вам земли добрые и обильные, ныне заселенные ханаанеями, хеттеями, аморреями, еввеями и иевусеями. Помните этот день и празднуйте его ежегодно с четырнадцатого до двадцать первого авива¹. Не ешьте в этот день квасного. Сжигайте в домах все квасное, вплоть до хлебных крошек.

¹ Авив (месяц колосьев) — первый месяц священного и седьмой гражданского года у израильтян, соответствующий марту и апрелю.

Когда последний израильтянин покинул Египет, начало медленно всходить жаркое солнце, какое редко бывает в месяце авиве. Евреи шли по коридору зеленеющих пальм, хорошо утоптанному стадами фараона.

Впереди колонны самые уважаемые люди несли на плечах останки праведного Иосифа, о чем было предсказано любимым сыном Иакова еще четыре столетия назад. Перед ними, указывая дорогу, двигался огненный столб, ведомый Ангелом Господним. Когда же ночь сменилась днем, путь израильтянам указывал столп облачный. И так день за днем и ночь за ночью столп огненный сменялся столпом облачным, увлекая за собой в Землю обетованную народ Израиля.

Вслед за старейшинами двигались воины, готовые в любой миг отразить нападение кочевых племен или гарнизонов Мернепты. Наши воины были неплохо вооружены, ибо в израильских семьях более полувека тайно хранились мечи и копья, захороненные по повелению Моисея после победы над эфиоплянами.

Мы, дети, брели вслед за воинами. Самые маленькие ехали на осликах, груженных корзинами с утварью и мехами с пресной водой.

За детьми двигались женщины и старики, распевая радостные песни и гимны. До сих пор помню, что заводилой у них была неутомимая бабушка Мариам, сочинительница и исполнительница, каких не было до тех лет среди израильтян.

Евреи из самых дальних уголков страны приходили в землю Гесем послушать ее песни. Она пела о тяжелых трудах, и люди плакали от жалости к самим себе; она пела об издевательствах фараоновых надсмотрщиков, и люди сжимали кулаки от ненависти; она пела о глупости языческих тайноведцев, и люди смеялись, как дети.

Теперь она переходила от семьи к семье, от еврея к ев-

рею, стараясь утешить и подбодрить израильтян, растерянных и неприкаянных в непривычной обстановке.

Выйдя из Гесема и миновав славный город Раамсес, колонна, следуя за облачным столпом, направилась в Сокхоф. С одной стороны дорога окаймлялась высоченной крепостной стеной, защищавшей Египет от набегов кочевников; с другой — широким и глубоким каналом с пресной водой.

На первых порах путь давался легко, не вызывая затруднений даже у стариков и детей. В рядах израильтян ощущалась необыкновенная радость, исходящая от свободных людей, готовых постоять за свою жизнь и жизнь своих родных. Однако вид крепостных стен вселял в души робких и боязливых страх перед возможной встречей с отрядами фараона, о военном искусстве которых ходили самые невероятные слухи.

— Может, переберемся на ту сторону? — говорили они Моисею. — Там нас труднее будет догнать.

— Если фараон решит отправить за нами погоню, — отвечал пророк, — он подумает, что мы ушли в пустыню, и станет искать нас там. Следуйте за огненным столпом, и нас минуют беды!

Евреи пришли в Сокхоф, когда палящее солнце уже миновало зенит и медленно ползло к закату. Сделав короткую остановку, израильтяне двинулись в Ефам, где находилась последняя египетская крепость. Здесь евреи еще раз вознесли хвалу Господу и расположились неподалеку на привал, во время которого перекусили опресноками, запили их вином и вздремнули.

Моисей поднял израильтян засветло и, построив, повел дальше. Он спешил, ибо в любой момент на колонну могли напасть воины египетских пограничных гарнизонов, расположенных вдоль крепостной стены и в опорных крепостях.

Вождь израильтян, широко шагая, обходил колонну, от-

давая распоряжения, перестраивая воинов и напоминая евреям о могуществе Господа. Мне достался от Моисея подзатыльник за то, что я осмелился указать ему на слегка порванную одежду.

— Кто в такой час обращает внимание на одежду? — строго сказал он. — Не мешайся под ногами, Финеес. Твое время еще придет. А пока найди своих родителей и следуй за ними.

С противоположной стороны стены большую опасность представляли филистимские правители, находившиеся в дружбе с Мернептой. Очевидно, они не преминули бы напасть на бывших рабов, не без оснований считая их легкой добычей.

Моисей через помощников постоянно подгонял израильтян, среди которых постепенно начинало расти недовольство. Женщины и дети выбивались из сил, стариков поражали недуги, скот падал от усталости, и его приходилось забивать.

Из Ефама люди, ведомые Ангелом, двинули в Пи-Гахироф, расположенный между Мигдолом и морем, не доходя до Ваал-Цефона.

Это была добрая местность с полнотравными пастбищами и изобильными садами, которые плодоносили трижды в году.

Из земли пробивалось множество родников с чистой пресной водой, и Моисей повелел собирать ее в кувшины и мехи, дабы не страдать от жажды в пустыне, где влага — явление не частое.

Здесь мы разбили шатры и предались кратковременному отдыху.

И опять Мариам ходила от шатра к шатру, укрепляя измученный дух людей песнями, танцами и рассказами о стране, куда ведет их Господь.

— Сколько мы будем страдать? — вопрошали ее. — Мы страдали в Египте, но там все было привычным и родным.

Конечно, нас обижали надсмотрщики, но они не лишали нас жизни. А тут — еще немного — и наши старики начнут гибнуть от утомления. Если бы они остались в Египте, им было бы легче. Посмотри на наших детей, и ты увидишь, как они устали. От наших стад не осталось почти ничего.

Мариам утешала израильтян, убеждая, что скоро их лишения останутся позади, и ее труды не оставались напрасными.

Фараон пускается в погоню

К этому времени Господь открыл Моисею, что фараон, прервав принятый в Египте похоронный ритуал, собирается преследовать евреев и вернуть их силой.

«Мы должны примерно наказать народ израильский, — говорил фараон своим вельможам. — Боги смерти примут моего сына и без меня. Мы же вскорости догоним евреев, ибо они, без сомнения, заблудятся в пустыне. Вернув рабов, мы казним многих, чтобы другие и думать забыли о предательстве! А помилованные построят нам такую пирамиду, что и тысячелетия спустя на нее будут смотреть с восхищением и удивлением».

О планах фараона Моисей сообщил своим родственникам и старейшинам.

— Что же нам делать? — принялись они восклицать. — Ведь Мернепта исполнит свои угрозы. Не лучше ли нам добровольно вернуться в Египет и просить Мернепту помиловать наш народ!?

— Нет, — сказал Моисей. — Израиль должен быть свободен.

— Свободный, но мертвый Израиль?! Кому он нужен?

— Нас ведет Господь, и мы должны верить в Его могущество.

— Я верю, — закричал Аарон. — Я семижды верю во

всемогущество Творца Вселенной. Но Он не захотел спасти тысячи израильских младенцев, когда их топили по повелению Рамсеса в реках. Он не пожелал защитить наших собратьев, когда их убивали надсмотрщики на строительстве пирамид. И сейчас, когда народу Израиля грозит неминуемая гибель, мы с тобой, Моисей, должны попытаться отвлечь гнев фараона от народа! Сдадимся египтянам, пусть казнит нас, но пощадит всех остальных.

— Я не намерен с тобой спорить! — сверкнул глазами Моисей. — Мы должны строго следовать указаниям Всевышнего. Иначе семя Израиля исчезнет с лица земли.

Аарон подчинился воле брата и в дальнейшем строго следовал его указаниям и безупречно выполнял его поручения, кроме одного-двух случаев... Но об этом будет сказано позже.

Тем временем египетские колесницы, всадники в тяжелом вооружении и пешие воины фараона пустились в погоню за израильтянами.

Конница фараона была быстра, как ветер; египтяне хорошо знали местность, и Мернепта очень быстро настиг евреев, расположившихся на отдых у моря при Пи-Гахирофе перед Ваал-Цефоном.

В стане израильтян началась паника. От шатра к шатру метались возбужденные, брызжущие слюной мужчины, еще вчера готовые умереть за свободу, а сегодня трепещущие пред лицом фараона.

— Они убьют всех нас, — вопили они. — Они убьют нас и наших детей. Разве мало было гробов в Египте, чтобы идти умирать в пустыню! Зачем Моисей вывел нас из Египта? Чтобы убить вдаль от дома? Кто поставил его начальником над нами? Если бы не он, мы бы до сих пор

спокойно жили в Египте, строили пирамиды и растили детей. Мы молились бы Богу, ибо фараон не запрещал нам этого.

Великий вождь Израиля, спокойный даже в минуты страшной опасности, сумел убедить малодушных, что Предвечный не даст их в обиду.

— Скоро придет спасение Господне, — говорил Моисей народу. — Он не даст вас в обиду и уничтожит египтян, которые смотрят на вас со злобой и ненавистью. Господь будет воевать за вас, а вы останетесь целы и невредимы!

Аарон и Моисей сумели внести в души израильтян умиротворение. В лагере появились улыбки, страх уступил место надежде на скорое избавление.

— Скажи евреям, чтобы они шли за Мной, — сказал Господь Моисею, — и Я уведу их от опасности.

Израильтяне быстро собрали шатры, построились в колонну и устремились за огненным столпом, который двигался в сторону моря.

Однако к беглецам стремительно приближались египтяне. Вдали уже показались их передовые отряды во главе с самим фараоном. Расстояние быстро сокращалось, и в наших рядах вновь появилась растерянность.

Теперь Моисей и его помощники гнали людей вперед, дабы как можно быстрее достичь моря.

И вот, когда казалось, что египетская армия уже настигла беглецов, облачный столп, бывший во главе колонны, стал позади нее, укрыв народ Израиля от Мернепты. Тщетно пытались египтяне разглядеть, куда скрылись евреи — преследователей окутал мрак, подобный тому, что еще совсем недавно поразил их родину по приказу Моисея.

— Это воистину чудо, — вскричали израильтяне, с восторгом глядя на Моисея и Аарона. — Это Господь Бог Израиля спасает нас своей рукой от фараона. Он — наш единственный защитник и покровитель. Он — Творец Вселенной и всего сущего!

Переход через Черное море

Настала ночь. Ветер завывал, как раненый бык, и валил с ног усталых израильтян. Высоко в небе сверкали серебристо-голубые блики молний.

Следуя приказу Творца Вселенной, Моисей простер руку с зажатым в ней жезлом к морю, — и вода, гонимая ветром, расступилась, обнажая песчаное дно, устланное ракушками и галькой. Быстро выросли водяные стены, образуя весьма широкий, — в семь воловьих повозок, — проход, ведущий на противоположный берег.

— Мы должны проследовать по дну на ту сторону, — прокричал Моисей. — В этом наше божественное спасение. Там мы обретем жизнь и свободу.

— Мы боимся, — отвечали ему израильтяне. — Если мы войдем в воду, на нас обрушатся волны и мы утонем. Может, лучше обойти море, пока египтяне нас не видят? Тогда мы сможем остаться в живых.

— Господь требует, чтобы вы шли через море!

— А почему Он не говорит этого нам? Откуда мы знаем, что ты не лжешь? Кто поставил тебя начальником над нами?

Последняя фраза раскалила Моисея докрасна. В его глазах засверкали молнии, он сжал кулаки и, казалось, готов был разорвать любого колеблющегося.

— Израильтяне, братья! — Аарон положил руку на плечо Моисею. — Мы должны быть единым народом пред лицом смертельной опасности. Моисей не раз доказывал вам, что он — величайший пророк и чудотворец. Он заставил фараона отпустить нас из плена. Он вывел нас из Египта. Он благополучно довел нас до моря. Его устами теперь говорит Предвечный, Который взялся вывести евреев из рабства. Поэтому послушаться Моисея — это все равно, что послушаться Господа!

Услышав речь Аарона, смутьяны, устыдившись, понуро опустили головы.

— Тот, кто первым войдет в море, — торжественно возгласил Аарон, забравшись на повозку, — навеки останется в сердцах народа. Им будут гордиться его внуки и внуки его внуков. Им будет гордиться его колена, а его имя будут вспоминать в еврейских школах через тысячи и тысячи лет.

— Я первым войду в воду, — из толпы вышел молодой мужчина, который еще не так давно сомневался в правильности избранного еврейми пути. — Я был не прав. Разреши мне.

— Как твое имя? — спросил Аарон.

— Меня зовут Нахшон, — ответил мужчина. — Я из колена Иуды.

Нахшон бесстрашно вошел в море, освещенное большим кругом полной Луны. Впереди Нахсона двигался огненный столп, который вбирал в себя спустившиеся с небес огненные молнии.

Первым вслед за ним двинулось колено Иуды, — за что и было почтено впоследствии, ибо это был духовный подвиг веры — а за ним и все другие колена Израиля. Перед каждым из них открывался свой особый проход в водах, что свидетельствовало об особом предназначении и особом пути.

Я помню сказочные картинки, которые возникали в водяной стене по правую и левую сторону от тропы, ведущей на другой берег. Сама стена была столь велика, что ее края не достиг бы и двадцатый человек, если бы люди стали друг на друга, образуя своеобразный живой столб.

А еще мне до сих пор снятся чудесные рыбы, удивленно глядящие на нас сквозь прозрачную стену, отделявшую

сушу от воды, заросли многоруких водорослей и круглоглазые водные пауки.

В ту ночь много рыб выпало из моря, и Моисей повелел собрать их в корзины. Несмотря на начавшийся ливень и непрекращающийся ветер, израильтянки выполнили указание вождя расторопно и с охотой.

Колонна двигалась быстро, однако не успели первые беглецы выйти на противоположный берег, как египтяне вырвались из облачного столпа и с дикими криками возобновили погоню.

— Скорее, скорее, — кричал Аарон, бегая вдоль колонны израильтян. — Поторопитесь, друзья, если хотите быть живы!

Гибель фараона и его войска

Как только последний ягненок, подгоняемый пастухами, взошел на восточный берег, на западном показались хваленые египетские колесницы, которыми командовал сам фараон, облаченный в златотканые одежды.

Поначалу Мернепту одолевали сомнения. Ведь Господь Израиля уже не раз являл ему Свое могущество. Не заманит ли Он его в ловушку и не погубит ли на середине моря, прекратив ветер и вернув воду в прежнее лоно?

Можно было обойти Черное море по суше, но тогда беглецы углубятся в пустыню, где искать их было сложно и опасно. Египтяне, рассчитывая на молниеносную победу, не взяли с собой запасов воды и продовольствия.

С другой стороны, если Мернепта вернется домой и всем станет известно, что евреи обманули его и вышли из страны навсегда, египтяне перестанут уважать своего властелина и бояться его, а это — хуже смерти.

— Я их вижу! — торжествующе закричал фараон, указывая копьем на восточный берег. — Догоним их и изру-

бим на куски. Никакой еврейский Бог не защитит предателей от наших клинков!

Шестьсот отборных колесниц, а вслед за ними остальная армия Мернепты вошли в коридор, образованный водными стенами. Они медленно двигались по вязкому дну моря. Колеса повозок постоянно застревали в мокром песке, кони беспомощно сучили ногами, стремясь высвободиться из песчаного плена.

Ужас сковал ряды преследователей.

— Государь, оставим Израиль в покое, — говорили египетские военачальники. — Сегодня их Бог убьет нас.

Но фараон не внял этим разумным голосам и приказал всадникам и колесницам держать строй и двигаться за израильтянами к противоположному берегу.

Как только войско фараона достигло середины моря, Моисей простер руку, ветер утих и вода стала быстро заполнять образовавшийся коридор.

Такой поворот событий наполнил радостью сердца израильтян и посеял ужас в сердцах египетских воинов. Перед лицом неминуемой гибели они забыли о внушенном с детства благоговении к фараону.

— Ты убил нас, — кричали преследователи в лицо фараону. — Ты убил нас, повинувшись своей гордыне. Говорили наши мудрецы: «Не трогай народ Израиля!», ты не послушал их, и вот, мы гибнем!

Мощный поток захлестывал конницу и пехоту, и вскоре под воду ушли последние воины, которые не могли держаться на воде, закованные в грозные доспехи. Кони, запряженные в колесницы, тонули, жалобно ржали и пускали пузыри, идя ко дну.

Мы, дети, стоявшие на берегу, наблюдали за гибелью армии фараона и не понимали, что происходит. Мы жалобно плакали, а потом безумно радовались, когда одной лошади удалось освободиться от упряжи и доплыть до бере-

га. Хорошо помню, что потом эта лошадь тащила повозку с мукой и опресноками.

Гимн Моисея

Когда все было кончено, Моисей исполнил для своего народа торжественный гимн, переполнивший сердца евреев радостью и гордостью за свой подвиг:

«Славию Господа, ибо Он высоко.
Моя крепость и ликование — Творец Вселенной.
Он был спасением мне — Бог отца моего.
Он всемогущ, ибо сотворил великую победу.
Колесницы фараона и войско его ввергнул в море.
И предводители египтян пали на дно, как камни.
Рукой могучей Ты поразил врагов наших.
Навел ужас на них могуществом и величием.
Твой гнев подобен огню, пожирающему солому.
От гневного Твоего дыхания остановились воды
и сделался проход в море.
Фараон решил, что настигнет нас и убьет мечами.
Но дунул Ты, и море врагов покрыло.
Ты возносишься над идолами, Господи,
Дивный в славе, творящий чудеса!
Простер Ты руку — земля поглотила врагов.
Милостью Твоей увел Ты свой народ из рабства,
И сопровождаешь его к святой обители.
Прослышали о Твоих делах соседние племена.
Вострепетали они перед Тобой и Твоим народом.
Ужас объял их сердца при мысли о Твоей силе.
Застынут они, узрев народ Израиля.
Ибо знают, что Ты покровительствуешь ему.
Да пребудешь Ты, Господи, во веки веков!»

И подхватили израильтяне песнь Моисея.

«Когда вошли кони фараона с колесницами
и всадниками в море,
Господь обрушил на них воды морские.

А сыны Израиля прошли по морю, как по суше».

Песню закончила Мариам такими словами:

«Пойте Господу,
Который высоко превознесся,
коня и всадника ввергнул в море».

Достойная сестра братьев-освободителей, Мариам водила с израильскими женщинами веселые хороводы. Они пели песни, аккомпанируя себе на тимпанах, прославляя деяния Господа.

Потом по приказу Моисея народ устроил на берегу пир. Моисей ходил от одной семьи к другой и скупыми словами поддерживал израильтян.

Я робел перед Моисеем, от которого исходила всепобеждающая сила, способная сокрушить любого, кто окажется на пути божественной воли. Вокруг него витал дух победы, славы и величия, вселявший в народ уверенность в собственных силах и заступничестве Господа, не раз являвшего евреям свою любовь.

С другой стороны, вид вождя внушал мне страх. Я, тогда еще совсем ребенок, чувствовал, что любое ослушание Моисею грозит мне наказанием, и не решался даже пошевелиться в присутствии вождя.

Моисей превращает горькую воду в пресную

После пира и спокойного сна Моисей повелел израильтянам собираться в дорогу, и вскоре колонна двинулась к югу, по пустынной кремнистой дороге. Чем дальше мы шли, тем тяжелее было двигаться, ибо путь становился все круче и круче. Наконец, мы вышли к пустыне Шур.

Три дня мы брели по плоской местности, утоляя жаж-

ду водой из кожаных мехов; но вскоре ее запасы подошли к концу. Когда израильтяне нашли источник в долине Мерра (Горечь), запасы влаги полностью истощились. Однако вода Мерры оказалась горькой и совершенно непригодной для питья.

К этому времени от недостатка воды и пищи, а еще больше от тяжелого пути полегло немало скота. Это обстоятельство отягчило сердца людей, надеявшихся сохранить стадо для Земли обетованной.

Евреи собрались у источника и, исполненные отчаяния и страха перед будущим, ждали, что им скажет Моисей.

— Что мы будем пить? — вопрошали люди у своего вождя. — Что будут пить наши дети, которые умирают от жажды? Чем поить наш скот, который ложится во множестве и не хочет подняться?

Видя, как страдает его народ, Моисей обратился с молитвой к Господу с просьбой напоить израильтян. Предвечный указал вождю на дерево, которое делает горькие воды годными к питью.

— Брось несколько ветвей в источник, — сказал Господь Моисею, — и тогда ты напоишь всех и наполнишь мехи в дорогу.

Моисей последовал указанию Господа, после чего повелел мужчинам вычерпывать замутненные верхние слои. И воды очистились и стали пригодными для питья.

Люди, истощенные нехваткой влаги, торопливо набирали воду в сосуды: пили ее, наполняли меха и совершали омовения. Утолив жажду, израильтяне в восторге повторяли:

— О Моисей! О, наш избавитель! Ты дал нам пищу и воду. Ты подарил нам жизнь перед лицом опасностей и бурь! Ты победил египтян, погрузив их в водную пучину!

На что суровый вождь отвечал:

— Не богохульствуйте. Молитесь Господу. Это Он дает

нам пищу и воду. Он покровительствует народу Израиля и не дает его в обиду недругам.

А вечером, когда, помолившись, евреи легли спать, Моисей услышал Бога:

— Слушай Меня и впредь поступай сообразно с Моими повелениями. Внимай Моим заповедям, соблюдай законы, и ни одно из несчастий, которые Я обрушил на Египет, не коснется твоего народа! Болезни минуют вас, ибо Я — Целитель Своего народа.

Мы двинулись в путь и вскоре пришли в место Елим, где около семидесяти финиковых пальм орошались двенадцатью родниками. Лучшей стоянки для людей, измученных тяжелым переходом, трудно было придумать. Израильтяне вдоволь напились прохладной воды и улеглись отдыхать под пальмами.

Ропот израильтян

За несколько дней после исхода мне довелось пережить больше, чем за всю предыдущую короткую жизнь. Несколько дней назад мои занятия ограничивались игрой с соседскими детьми, бесцельной беготней за овечками и ожиданием дедушкиных рассказов об истории нашего народа. Теперь я чувствовал себя причастным к великому событию, которое навечно останется в памяти поколений Израиля.

Я присутствовал при рождении нового мира, в котором главные места заняли мои близкие родственники. Конечно, я был так мал, что на меня никто не обращал внимания, но именно поэтому мне легче рассказывать о происшедшем совершенную правду, не отягощенную пылью взрослости.

Однажды после исхода дедушка Аарон усадил меня на колени и сказал:

— Запоминай все, внучек. Запоминай, чтобы рассказать детям и внукам. Чтобы те рассказали своим детям и внукам. Ты вырастешь, и тебе придется учить евреев истине.

Он говорил долго и прекрасно о будущей жизни, которая даст возможность каждому потомку Иакова жить в своей стране, не чувствуя себя чужаком. Он рассказывал о несчастьях, которые ждут нас, если мы отступим от своего Господа. Он рассказывал, и его голос проникал глубоко в мою душу, грел меня внутри.

Кажется, тогда я впервые понял, что такое Бог.

Дальнейший путь из Елима лежал по гористой, изрезанной оврагами пустыне Син, лежащей между Елимом и Синаем. Местность была трудной для путешествий, мы изнемогали от усталости, то взбираясь на возвышенности, то спускаясь с почти отвесных скал. Многие не выдерживали и отставали; приходилось часто останавливаться, что еще больше раздражало изможденных израильтян.

Припасы подходили к концу, последние несколько дней люди питались только лепешками из пресного теста и мутной теплой водой, которая почти не утоляла жажду.

— Почему ты не дал нам умереть в Египте, — говорили многие Моисею, — почему заставил бежать оттуда, где мы сидели у котлов с мясом и ели досыта хлеба? Теперь мы бесцельно бредем по пустыне и умираем от голода.

— Вы всегда всем недовольны! — закричал Моисей на соплеменников. — Разве я хоть раз обманул вас? Разве с Божьей помощью не вывел из рабства, преодолев Мернепту и его тайноведцев? Разве с Божьей помощью не уничтожил армию фараона, пытавшуюся вернуть вас в Египет?

— Кто поставил тебя начальником над нами? — зарычал на Моисея сутуловатый черноглазый юноша из толпы. — Чем наша жизнь в пустыне лучше той, которой мы жили в Египте? Рабство — это только слово и больше ни-

чего. Зато пища и очаг — это не слова, а то, что можно ощутить кожей и почувствовать в желудке!

— Молчи, несчастный! Господь покарает за тебя весь Израиль!

— Успокойся, юноша, — к смутьяну подошел Аарон и положил ему руку на плечо. — Мы должны претерпеть. Ждать осталось недолго. Скоро мы придем к Земле обетованной. Бог нас не оставит. Надо только горячо верить Ему и доверять Моисею, ибо он следует велениям Предвечного. Рабство — это не только слово, но и душа, которая становится липкой, как слизь, и мелкой, как червяк.

Пристыженный юноша поспешил спрятаться за спинами родственников.

В тот же день Моисей, взойдя на самую высокую в пустыне скалу, обратился к Господу с просьбой накормить евреев и простить им малодушие и сомнения в Божественном о них попечении.

— Они малодушны, — промолвил Моисей. — Но я научу их любви к Тебе, Господи, чего бы мне это ни стоило.

— Я дождем просыплю на вас хлеб, — сказал Всевышний Моисею. — И пусть ежедневно выходит народ в пустыню и собирает количество, необходимое для дневного пропитания, но не более того, ибо на следующий день сей хлеб будет непригоден в пищу. А чтобы проверить, чтут ли евреи Мои заветы, я наказываю тебе запретить им собирать хлеб в субботу, а питаться тем, что они собрали пред тем впрок вдвойне. А в субботу пусть сидят в шатрах и думают о Вечном.

Вернувшись в лагерь, Моисей приказал Аарону передать соплеменникам:

— Вечером вы познаете, что именно Господь вывел вас из Египта, а утром увидите славу Его, ибо Он знает о ваших бедах и напастях. Господь дарует вам хлеб и мясо, дабы вы помнили о Нем.

Народ воспрял духом, а Моисей сказал брату:

— Аарон, передай всем, идущим за мной, чтобы они не забыли помолиться Господу.

Израильтяне помолились, разойдясь по своим шатрам, и Господь явил им Свой образ в облаке, стоящем высоко в небе. Это было величественное зрелище, оставившее глубокий след в сердцах израильтян. Густой клуб облака принял облик Некогого, Кого нельзя описать словами, ибо слова суть всего лишь человеческое.

Вечером над станом пролетала стая перепелов, которые, почувствовав усталость, опустились прямо на стан, разбитый израильтянами, не в силах продолжать свой путь. Радость наполнила души людей, давно забывших вкус мяса. Они голыми руками ловили утомленных птиц, ощипывали и жарили на кострах.

Бабушка Мариам запекла несколько тушек и угостила соседей и родственников. При этом она просила всех не забывать Господа, Который помнит и любит Свой народ.

— Слава Тебе, Господи, — шептали израильтяне, отходя ко сну. — Да святится имя Твое.

Манна небесная

Утром нас ждала новая радостная неожиданность. Вся местность вокруг шатров была усыпана крупой размером с кориандровое семя, сладковатой на вкус, прекрасно утолявшей голод.

Первыми крупу обнаружили дети:

— Что это? — спрашивали они и по обычной своей привычке пробовали белесые шарики на вкус. — О! Это очень вкусно. Напоминает лепешки с медом, какие пекут на праздники.

— Это — дар Господа Своему народу, — говорил Мои-

сей, расхаживая между израильтянами, споро собирающими крупу. — Ешьте ее, но не готовьте впрок. В пятницу собирайте крупу на два дня, ибо суббота — день святой, который посвящен Господу.

Ни разу после исхода я не видел Моисея трапезничающим. Мне до сих пор кажется, что, счастливо избежав встречи с египтянами, которых поглотило Черное море, Моисей стал совершенно другим человеком, для которого телесное словно перестало существовать.

Его шатер был ничуть не лучше и не богаче украшен, чем пристанище любого израильтянина. Впрочем, пророк, как мне помнится, больше времени проводил у нас, в беседах с Аароном. Когда Моисей приходил в наш шатер, мы, дети, жадно ловили каждый его взгляд, ибо, по нашим понятиям, он был сказочным героем.

Забегая вперед, скажу, что в течение всех лет, пока мы странствовали по пустыне, Господь ежедневно, кроме субботы, посылал с небес манну, чтобы Его народ не знал голода и не обременял себя поисками пищи.

Некоторые малoverы пытались искать манну в субботу, но не находили ее и в конце концов оставили это бесцельное и греховное занятие.

Освобождение рабов из рудников

Из пустыни Син сыны Израиля двинулись в сторону от побережья. Путь лежал среди голых утесов и тесных ущелий.

Однако теперь народ, воодушевленный чудесами, явленными Предвечным, не чувствовал голода и усталости. Все подбадривали друг друга рассказами о предстоящем обретении земли Ханаанской, где нам была обещана счастливая жизнь.

— Там мы будем жить праведно и счастливо, — говорила нам мать. — У нас будет своя страна, ее устроят соседние племена, которые не посмеют даже помыслить о том, чтобы напасть на нас. У нас будут стада, много пастбищ и полей, где станет расти пшеница и полба. Мы проживем счастливо, и справедливость воцарится над Израилем.

У горы Дофки колонна израильтян натолкнулась на защищенные крепостью египетские рудники, на которых рабы и преступники добывали для фараона золото, серебро и другие металлы. Здесь же находилась большая каменоломня. Среди рабов было немало евреев, по тем или иным причинам не сумевших уйти из Египта со своими соплеменниками и ныне вынужденных от вечера до вечера трудиться на ненавистного фараона.

Моисей повелел мужчинам взять в руки оружие и отбить наших единоплеменников-рабов у египтян. Однако до сражения дело не дошло, ибо, едва увидев наш многочисленный отряд, египетские воины отступили, не желая класть головы в неравной схватке.

В руках Моисея оказалось несметное множество драгоценных металлов, а также оружия, которое египтяне в спешке оставили в крепости. Мы освободили из плена рабов, многие из которых нашли в израильском стане своих родных и близких, чему те были несказанно обрадованы.

Среди освобожденных был и наш дальний родственник, который поведал, что после исхода оставшиеся в Египте евреи подверглись преследованиям. Новый фараон приказал заковать их в цепи и отправить на рудники, где вместе с убийцами и разбойниками они трудились тяжелее вола в стаде последнего бедняка, надрывались на работах.

От египетских рудников народ пошел по долине Мокаттеб и разбил шатры на местности, которая называлась Алуш. Здесь Моисей укрепил дух израильтян рассказом о своих встречах с Господом и Его заботе о Своем народе.

Чудо с источником

Но уже на привале в Рефидиме израильтяне снова возроптали:

— Мы погибаем от жажды, — говорили они Моисею. — Наши стада уменьшились, а дети плачут и просят пить.

— Что вы все время корите меня? — закричал Моисей. Его лицо налилось кровью. — Зачем искушаете Господа нашего?

— Мы никого не искушаем, — из толпы вышел уже знакомый Моисею смутьян. — Мы не знаем, есть ли Бог среди нас или Его нет и никогда не было. Мы просто хотим пить. Напой нас, Моисей, и мы с радостью поверим тебе и твоему Богу.

Вождь покинул израильтян и отправился на гору, где в отчаянии возопил к Господу.

— Что мне делать с сынами Израиля? Они хотят побить меня камнями. Они не хотят повиноваться Тебе, впадая в искушение. Они спрашивают, есть ли Ты или Тебя нет.

— Возьми с собой старейшин Израиля и отправляйся к скале у Хорива. Не забудь жезл, ибо он поможет тебе. Там ты ударишь о скалу, и пойдет из нее вода, и утолят жажду все люди, и весь скот.

Моисей поступил по повелению Предвечного, и все сбылось, ибо не могло быть иначе. Вождь ударил жезлом по скале, и из нее брызнул источник, подобный водопаду, смывающему все на своем пути. Моисей и старейшины вознесли молитвы и дали тому месту имя Масса и Мерива (Искушение и укорение).

Во время дальнейших скитаний по пустыне нам часто приходилось возвращаться к этому источнику, ибо его воды были удивительно прозрачными и свежими. Некоторые старейшины преклонного возраста утверждали, что вода в

Масса и Мерива обладает чудодейственными свойствами и исцеляет болезни живота.

Сражение с Амаликом

Покинув Масса и Мерива, наше войско впервые за время своего пребывания в пустыне столкнулось с серьезной угрозой со стороны кочевых племен, обитавших на Синае.

Находясь в Рефидиме, у долины Фейран, мы были вынуждены принять бой с амаликитянами — самым сильным и беспощадным племенем пустынь. Амаликитяне находились в дружеских отношениях с египтянами, запросили у тех помощь и — хотя и в меньшей степени, чем рассчитывали, — получили ее.

Они обратились также к другим кочевникам, стремясь склонить их к схватке с Израилем.

— Мы должны во что бы то ни стало уничтожить евреев, — говорили их послы, — ибо если этого не сделать в ближайшее время, нашему существованию придет конец. Если мы промедлим, евреи увеличатся в народе и нападут на нас. Им понадобятся наши пастбища, сады и поля. Они отнимут это у нас силой, убьют наших мужчин и уведут в рабство женщин и детей.

Амаликитяне неожиданно напали сзади и побили многих, шедших в конце колонны, а это были в основном старики, больные, обессилевшие и слабые. Узкая местность, по которой двигались наши колонны, помешала кочевникам нанести нам серьезное поражение, и погибших было меньше, чем могло быть. Но коварство и подлость пробудили в нашем народе ненависть и заставили готовиться к решительной битве.

В ночь перед сражением Моисей пришел к нам в шатер и пригласил туда некоего Гошэа, сына Навина из колена Ефремова. Моисей обратил на него внимание, ибо это был

человек на редкость отважный, рассудительный и справедливый. Моисей отнесся к Гошэа с большой приязнью, усадил рядом с собой и попросил Мариам принести ему кувшин вина.

— Ты еще не стар и видел в этом мире куда меньше моего, — обратился вождь к Гошэа, — но я знаю, что тебе уготована особая участь. Твоя задача — следовать за дланью Господа и слушать мои поучения, ибо с давних пор я преуспел в военном искусстве.

Гошэа слушал, почтительно склонив голову перед вождем, время от времени задавая вопросы. Он был единственным, к кому Моисей относился с поистине отеческой заботой и вниманием. Вождь любил поучать Гошэа, но главное — ценил его как благодарного ученика за умение слушать и сопереживать его рассказам. Чуть позже Моисей дал Гошэа другое имя — Иегошуа (Господь спасет), или Иисус, как мы отныне будем его называть.

В ту ночь Моисей долго беседовал с сыном Навиновым, рассказывал ему о войне с эфиоплянами, об искусстве побеждать и уходить от поражения. Моисей посоветовал Иисусу ввязаться с амаликитянами в затяжную схватку, ибо только так можно было победить более опытного и искусственного в сражениях противника.

Моисей заверил Иисуса, что будет непрерывно молиться и просить Предвечного помочь в этой битве. Пророк знал, что народ Израиля крайне истощен долгим походом, но не мог уклониться от битвы, понимая, что только победа сплотит общество сынов Израиля и придаст ему силу в грядущих испытаниях.

Иисус, следуя указаниям Моисея, отвел подальше от предполагаемого поля битвы стариков, женщин и детей, оставив их под присмотром небольшого отряда. Основная же часть готовилась принять бой на равнинной местности, стиснутой с обеих сторон гранитными скалами.

Когда израильтяне атаковали амаликитян, солнце стре-

нительно двигалось к зениту и день обещал выдаться очень жарким. Однако начинающаяся жара скрадывалась ветром, неожиданно налетевшим на Рефидим с востока.

Перед битвой на вершину холма, возвышающегося над полем битвы, взошли Моисей, Аарон и совсем еще молодой Ор, сын Мариам-пророчицы.

Моисей поднял зажатый в руке жезл, и израильтяне врезались острым клином в войско Амалика. Началось кровавое побоище, ставшее первым военным испытанием на долгом пути сынов Израиля.

Евреям, в большинстве своем не имевшим никакого военного опыта, на первых порах приходилось туго, однако они не отступали. Более слабые воины погибали, мужественно глядя в глаза недругу, сильные и ловкие в ходе боя приобретали бесценный опыт. Видя на холме Моисея, держащего высоко над головой свой жезл, израильтяне чувствовали поддержку Господа и начали превозмогать противника.

Однако вскоре Моисей ослабел и опустил руку. И в тот же миг победа стала ускользать из наших рук. Испугавшись, что Господь покинул их, воины стали отходить в глубь долины.

Завидев это, Аарон и Ор усадили Моисея на камень, подхватили руку Моисея с жезлом и подняли ее высоко над головой, что послужило знаком израильскому войску. Так продолжалось весь вечер, и все утро, когда Иисус сумел-таки одолеть неуступчивых амаликитян.

В дальнейшем это племя ослабло и больше не тревожило колена Израилевы.

На месте этой великой победы по повелению Моисея был воздвигнут жертвенник, который назвали Адонай Нисси, что означает «Господь — знамя мое», а рассказ о сей победе был записан в Книгу браней Господних, дабы последующие поколения израильтян знали, сколь отважны и мужественны были их предки.

Встреча Моисея с Рагуилом

После победы над амаликитянами тесть вождя, священник Рагуил, известный также под именем Иофора, решил нанести зятю визит. Перед исходом из Египта Моисей отправил своих сыновей Елиезера и Гирсама, а также жену Сепфору в Мадиама как в более безопасное место.

Узнав о том, что к нему направляется Рагуил, Моисей покинул стан сынов Израиля и отправился к нему навстречу. Завидев гостя, вождь поклонился ему и пригласил в шатер.

В шатре, уложив тестя подле себя, Моисей поинтересовался у него, как идут дела в Мадиаме, как здоровье его семьи и не тревожат ли мадиамитян соседние племена.

— Племена вокруг беспокойные, — вздохнул Рагуил. — Но до сих пор мы с ними как-то ладим. Семья моя пребывает в благостном здравии, все мои дочери имеют детей и внуков, так что за будущее своего рода я спокоен. Лучше расскажи, дорогой зять, о приключениях, кои вызывают во мне живейшее любопытство.

Моисей начал говорить об исходе, о скитаниях по пустыням, о схватке с амаликитянами; поведал о своих встречах с Господом, о Его помощи во всех начинаниях, связанных с освобождением евреев и их скитаниями по Синаю.

— Господь спасал нас не раз, — сказал Моисей. — Если бы не Он, меня давно бы забили камнями, а евреи разбрелись по пастушьим племенам и растворились среди кочевников.

— Да, — со значением сказал Рагуил. — Я знал, что Бог Израиля всемогущ и вездесущ. И да будут блага, посылаемые Им Израилю, непреходящи. И да благословен будет Господь, который избавил вас от пут египетских. Теперь все народы должны убедиться, что Бог Израиля выше всех иных богов.

Вечером Моисей повелел устроить в честь тестя пир у горы, на которой он когда-то получил повеление Господа

идти в Египет и освободить народ из рабства. В том пире приняли участие все колена Израилевы. И хотя Моисей, как всегда, не принимал участия собственно в трапезе, они с Рагуилом пели гимны, восхваляющие Господа и Его дела во славу Израиля.

Судейство Моисея

На другой день, едва вошло солнце, Моисей, как обычно, сел судить народ, дабы сохранить среди израильтян спокойствие, нарушаемое неблагоприятными поступками некоторых людей, утомленных переходом, нехваткой воды и пищи и отягощенных зловредным характером.

Усевшись в кресле, выбитом в граните, вождь обычно выслушивал тьму-тьмушую рассказов и выносил тысячи решений, ибо люди жаждали справедливости. У одного украли осла, другой подозревал свою жену в прелюбодеянии, третий посчитал себя обиженным при дележе добычи, захваченной у амаликитян...

Приведу отрывки из свитка, переданного мне одним тысяченачальником, весьма уважаемым в народе за умение вести дела и справедливость. В молодости он был секретарем при Моисее и запечатлевал записи его судебных решений.

«... — Эта женщина — блудница.

— Еврейка?

— Нет, она пристала к нам.

— Изгнать с позором из стана...

... — Этот высокорослый и крепкий выбил глаз тщедушному. Говорит, тот сам виноват, злословил его.

— Если кто нанес другому повреждение, ему самому пусть нанесут такое же повреждение. Перелом за перелом, ушиб за ушиб, рану за рану, око за око, зуб за зуб. Бог не допустит, чтобы сильный глумился над слабым безнаказанно...

... — Этот, сын египтянина и еврейки, называл мать свою блудницей. Она действительно была блудницей.

— Злословящий мать свою — проклят. Побить его камнями, дабы истребить мерзость в Израиле...

... — Этот спал с другим мужчиной, как с женщиной. Говорит, они любят друг друга.

— Побить обоих камнями, дабы истребить мерзость в Израиле.

... — Этот совершил насилие над незамужнею девицей.

— Пусть возьмет ее в жены и во всю жизнь не сможет с ней развестись. А отцу девицы пусть уплатит пятьдесят сиклей¹ серебра...

... — Этот украл овцу и продал ее как свою.

— Пусть заплатит хозяину цену четырех овец...

... — Этот, поссорившись, убил сына дяди своего.

— Пролитая кровь оскверняет землю, и очистить ее можно только кровью пролившего кровь. Но признался ли он в убийстве?

— Отпирается, но есть свидетель.

— В таком деле нужны два свидетеля, одного мало...

... — Это еще одна блудница.

— Еврейка?

— Да.

— Побить камнями, дабы истребить мерзость в Израиле...

... — Этот вырыл яму, но не закрыл ее досками, и в нее упала корова.

— Пусть заплатит хозяину цену коровы, а труп возьмет себе...

... — Этот — отец убийцы, зарезавшего целую семью. Сам убийца в страхе перед расплатой лишил себя жизни. Народ требует побить камнями того, кто произвел такое чудовище.

¹ Сикль (шекель, вес) — во времена исхода мера веса. В дальнейшем монета. Сейчас — единица современной израильской валюты.

— Отец за сына, сын за отца не отвечает, каждый только за свое.

— Но разве не следует хоть как-то наказать отца за то, что плохо воспитал сына?

— Дети часто смотрят на родителей свысока и не желают внимать их наставлениям...

... — У этого вол забодал до смерти соседского вола.

— Пусть продадут живого вола и разделят пополам его цену. Также пусть разделят пополам тушу убитого. Погоди, был вол бодлив и вчера, и третьего дня?

— Да.

— Тогда хозяин виноват в том, что не стерег его. Пусть отдаст вола за вола, а убитого возьмет себе...

... — Этот женатый блудодействовал с этой замужней.

— Побить камнями обоих, дабы истребить мерзость в Израиле...

... — Этот украл овцу и заколол ее, чтобы накормить свое семейство. Общество просит за него, ибо он очень беден.

— Нельзя потворствовать бедняку, и нельзя отступать от правды, следуя за большинством...»

Все эти решения Моисей принимал единолично, ибо обладал непререкаемым авторитетом. Но, хотя работоспособности пророка могли позавидовать многие юноши, даже он не успевал рассудить всех.

Бабушка Елисавета

Бабушка Елисавета, жена Аарона, не была столь знаменита в народе, как Мариам. Однако дома, среди родственников, ее любили, как никого в семье, ибо чаяниями Елисаветы дети и внуки воспитывались здоровыми и умными и каждый находил у нее утешение.

Очень часто на наши праздники бабушка Елисавета го-

товила такие блюда, что слава о них шла по всем коленам, и я до сих пор помню их сказочный вкус.

Когда бабушка начинала стряпать, вокруг нее всегда возникала невообразимая суета, беготня и спешка. Елисавета всегда боялась опоздать к началу праздничной трапезы или обделить кого-нибудь из гостей, которых обычно набиралось никак не меньше двух сотен. Несмотря на обилие помощников, почти все бабушка Елисавета делала сама.

— Где мед? — кричали из одного конца шатра. — Куда запропастился мед? Это, наверняка, проказник Финеес съел...

Заслышав столь несправедливые упреки в свой адрес, я старался скрыться подальше от взрослых.

— А орехи?.. У нас было полным-полно орехов...

— Кто-нибудь, порубите мелко яблоки. Неужели трудно порубить яблоки?

— Опять Авиуд утащил последнюю смокву. Пусть он сходит к соседям и попросит в долг...

И в такой суете бабушка Елисавета исхитрялась кормить гостей так, что попасть на праздники в наш дом считалось большой удачей.

Елисавета никогда не таила никаких секретов, но когда из тех же продуктов, тем же способом, что и бабушка, готовил кто-то другой — вкус блюда был совсем не тот. Почему это происходило, для меня до сих пор остается загадкой.

В детстве я очень любил сладкое блюдо, которое было очень похоже на глину и служило напоминанием о египетском рабстве и тяжелых строительных работах в те же времена.

Для приготовления этого блюда бабушка брала мед, два яблока, полчашки орехов, одно райское яблоко и четверть чашки красного вина.

Она мелко рубила яблоки, растирала орехи в муку. Райское яблоко вместе с кожицей растирала, удалив косточки.

Затем добавляла мед и красное вино. А потом просила, чтобы кто-нибудь из родственников все это перемешал. Кстати, это единственная работа, которую Елисавета не боялась доверить посторонним...

Теперь, когда наш народ ведет оседлый образ жизни, строит кирпичные и глиняные дома, я часто вспоминаю время, когда мы жили в шатрах и каждый день готовились к новому переходу в пустыне.

Казалось бы, новая жизнь предполагает и новые яства. Но все осталось прежним; вот только мне очень не достает тех пирогов, что пекла на праздники бабушка Елисавета.

— Гость в доме — счастье в доме. Наш дом рад каждому, — любила говорить Елисавета, принимая гостей. — Проходите и отведайте то, что я с Божьей помощью для вас приготовила...

Отведав яств, гости принимались за прекрасное вино.

Пропустив чашу сладкого напитка, все начинали скорбно вздыхать, вспоминая тяжкие работы в Египте.

— Сколько наших людей полегло в Египте, — с горечью говорили взрослые. — Сколько без вины погибло от рук надсмотрщиков!

К счастью, подобные воспоминания продолжались не очень долго, после чего гости начинали славить Моисея, который вывел народ из Египта.

— Великий и могучий, — кричали они после второй чаши. — Без тебя мы сгнули бы в работах египетских. Без тебя мы бы полегли под бичами надсмотрщиков.

Во время этих трапез Моисей сидел в углу шатра, ничего не ел и не пил, и только изредка одергивал гостя, если тот переходил пределы приличий.

Лишь изредка он прикладывался к чаше с вином, не забывая при этом воздать хвалу Создателю и тем, кто выращивал и собирал виноград, давил сок и готовил веселящий напиток.

Нам, детям, тоже давали вино, конечно, разбавив его водой.

Тогда я впервые услышал слова, на всю жизнь врезавшиеся мне в память, слова, которые я теперь повторяю своим внукам в праздник Пасхи:

— Пусть каждый еврей в каждом поколении ощущает себя вырвавшимся из египетского рабства!

Мудрый совет Рагуила

Вернувшись в наш шатер далеко за полночь, Моисей застал Рагуила бодрствующим, возлежащим за кувшином доброго вина из запасов бабушки Мариам.

— Ты слишком много взвалил на свои плечи, Моисей, — сказал Рагуил. — Я вижу, как тебе тяжело, и хочу дать совет, который принесет облегчение и тебе, и твоему народу.

— Ты прав, — сказал Моисей, — мне тяжело судить свой народ. Но люди идут ко мне, зная, что мой суд справедлив, ибо он — Божий. Если я не стану этого делать, в народе воцарится власть не Бога, но силы.

— Это тяжело и не нужно, — сказал Рагуил. — Ты утомишься сам и утомишь народ, ибо то дело, которым ты занимаешься, велико, как небесное светило, и ты, в конце концов, не сможешь совершать его. Послушай моего совета, и ты облегчишь жизнь себе и израильтянам.

— Люди идут ко мне, и я не могу оставить их без суда.

— Ты должен научить других делать то, что они могут делать вместо тебя. Выбери из народа самых мудрых, честных и богобоязненных. Поставишь их судить и править. Если же дела будут сложные для решения, судьи будут обращаться к тебе; и ты, с присущей тебе мудростью и рассудительностью, сможешь разрешить тяжбу в ту или иную сторону. Люди не будут неделями ждать правосудия, а ты

сможешь больше времени уделять служению Господу и важнейшим делам, которые способен разрешить только ты.

— Это добрый совет!

— А еще пересчитай свое войско и раздели его на десятки тысяч и на тысячи. Затем подраздели войска на отряды в пятьсот, сто, пятьдесят, тридцать и десять человек и отдай каждый из них под начало одного, который и будет именоваться сообразно численности порученного ему отряда. И будут начальники судить по совести вверенных им людей.

— И это добрый совет, — промолвил Моисей. — Ты подарил мне время для служения Господу.

После этого разговора Моисей выпил с тестем вина. А Рагуил, получив наставления в вере, тепло попрощался с зятем и ушел в Мадиямскую землю, нести заповеди Господа своему народу.

По возвращении Рагуила к своему племени израильский народ двинулся дальше, к величественным высотам Синайских гор, где должно было свершиться великое дело.

Бог заключает Завет с Израилем

По велению Моисея евреи устроили привал у подошвы горы. Установив шатры, народ приступил к трапезе и отдыху после долгого пути.

В тот вечер Аарон заколол ягненка, и мы отведали чудесного мяса, приготовленного женщинами нашей семьи. Мне досталась баранья лопатка, которую я грыз, слушая рассказ дедушки Аарона о том, как фараон повелел убивать всех новорожденных израильских мальчиков.

Оказывается, фараон, удрученный быстрым ростом еврейского населения, пытался тяжкими работами уменьшить плодovitость израильтянок. Однако эта затея не имела успеха, и тогда Рамсес вызвал для совета одного из тайновед-

цев, который рассказал египетскому правителю, что видел вещий сон. Дескать, среди израильтян родится необычайный младенец, который победит фараона и сам станет выше царя египетского. И тогда Рамсес отдал приказ уничтожать всех новорожденных еврейских мальчиков. Это было вскоре после рождения дедушки Аарона.

Аарон рассказывал о чудесном спасении Моисея, его скитаниях, в общем, обо всем, что я поведал в самом начале этой книги.

Дедушка говорил о деяниях брата так долго, что я заснул и видел во сне Ангела Господня.

Когда я проснулся, мне сказали, что Господь воззвал к Моисею с горы:

— Вы видели, что Я сделал для вас. Если будете слушаться Моего гласа и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, народом святых, народом священников.

Спустившись с Синая в долину, Моисей возвестил народу о драгоценном даре Господа. Он пересказал нам слова Предвечного и спросил, готовы ли мы исполнять Его законы и уставы.

— Все, что сказал Предвечный, выполним и будем послушны Его воле, — в один голос ответил народ¹.

Моисей записал все, что накануне услышал от Господа и поручил каждому из двенадцати колен установить отдельный жертвенник в честь предстоящего великого события, затем он кровью жертвенных агнцев окропил израильтян в знак того, что они заключили союз с Предвечным.

Аарон, Надав, Авиуд и семьдесят старейшин сопровождали пророка, но они издали поклонились Господу и остановились на склоне, а на вершину дозволено было взойти одному Моисею.

Мне до сих пор непонятно, как Моисей, неся на плечах

¹ Исх., 24 : 3.

бремя прожитых лет, смог взобраться на столь крутую и отвесную гору.

Среди ясной погоды вдруг разразился сильнейший гром и хлынул ливень, какой никогда прежде не бывал на Синае. Гора дымилась, как плохо потушенный костер. Сверкали фиолетовые молнии, гремел гром, сотрясавший шатры, и люди затаились в страхе, считая, что Господь поразили их вождя и оставил их сиротами. Они решили, что их ждет та же участь.

Но на самом деле это Господь указал сынам Израиля, что находится рядом с ними и вступил в милостивое общение с Моисеем, дабы через него заключить Завет с Израилем.

Застыв в трепетном ожидании, весь народ в праздничных одеждах выстроился вдоль запретной черты и приготовился к встрече необычайных событий. Так прошло два дня, и великое событие наступило!

В середине весны ранним утром огромная туча вдруг закрыла вершину горы, сверкнула молния, превратив всю гору в огненную печь, загрохотал гром, раскатываясь от утеса к утесу и повторяясь многократным эхом.

Все мы, от мала до велика, пали наземь и в ужасе закрыли руками глаза. Но как ни потрясающе было открывшееся зрелище, еще величественнее были слова, которые услышал Израиль — простые и всем понятные слова, полные глубочайшего значения.

Это были Десять заповедей, в каждой из которых открывалась вековечная истина и Божественная воля.

Десять заповедей

Вот Первая из них: «Я — Господь, Бог твой, да не будет у тебя других богов». Всемогущий, Предвечный, Бесконечный предстает перед нами как Творец каждого из нас —

повелевающий, взыскивающий, требующий и карающий. От Него мы получили жизнь и все необходимое для нашего существования. Нелепо и отвратительно одно предположение о том, вправе ли мы не признавать Бога, отвергнуть Его, сомневаться, стоит ли Его принимать, а если принять, то этого ли Бога или какого-то другого. Вместе с тем Бог не только Создатель, но и Отец. Он говорит о себе, что Он — наш, т.е. каждого из нас, мы не чужие Ему, Он любит нас и подтвердил эту любовь тем, что вывел нас из Египта, освободил от рабства.

Эта заповедь — основа нашей веры, наших поступков, всей нашей жизни, и всем нам она кажется самоочевидной, самой простой и всем понятной. Но это не совсем так. Во времена моего детства и юности даже среди народа Израиля — избранного народа! — далеко не каждый глубоко, всем умом и сердцем, верил, что Бог — един. Увы, многие из нас считали, что Предвечный — всего лишь один из многих богов (пусть даже самый могущественный). А иные в губительном ослеплении доходили до того, что отвергали Предвечного (подробнее об этом я расскажу дальше). Если такими оказывались потомки Авраама, Исаака и Иакова, что же говорить о жалких язычниках! Гордящиеся своей ученостью египтяне творят богов из всего, что видят вокруг себя и что человек не может объяснить. У них и Солнце — бог, и Луна — бог, и небеса — бог, и Нил — бог. По их верованиям, божественную сущность имеют и поэтому достойны поклонения озера, рощи, звезды, животные и так далее. А на северо-западе, в стране Иаван¹, говорят, обитает народ, который творит богов даже из людских пороков и болезней. Я знаю, вам трудно будет в это поверить, но у иаванцев есть боги гнева, лжи, алчности, похоти, мошенничества, безумия! Поистине, нет предела человеческой глупости!

¹ Греция.

Вторая заповедь запрещает делать себе кумира или каких-либо изображений того, что мы видим вверху на небе, внизу на земле, под землею и в воде. Нельзя молиться этим изображениям, приносить им жертвы и служить любым образом. Тот, кто служит богам другим, которых не знали наши отцы, кто поклоняется идолам чужого народа, разрывает свою связь с истинным Богом, не хочет признавать Его как единственного Создателя и Царя вселенной. Тем самым он отказывается и от своего народа. Таких мы обязаны убивать, даже если это будет брат, сын, лучший друг¹.

Долгая жизнь научила меня, что в кумира грешный человек способен превратить не только изваяния, какие-нибудь литые фигуры или изображения на камне, но и деньги, богатые одежды, любимую наложницу. Кумир — это все, ради чего мы готовы забыть Предвечного, отступить от Него, нарушить Его запреты, идя стезей зла. «Я Господь, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода», — так говорит Предвечный ненавидящим Его².

Иногда ученики меня спрашивают: «Как может наш милостивый и человеколюбивый Господь карать сына, внука, правнука за то зло, которое совершили не они, а их отец или более отдаленный предок? И не Сам ли Он говорит, что дети не наказываются смертью за грехи отцов?»³ Разве у грешного отца не может быть праведный сын?»

Нет, друзья мои, Всемогущему нет нужды мстить ослушнику, наказывая его потомство: грешник сам наказывает своих детей, ведь они идут по стопам родителей, перенимают их пагубные привычки и таким образом становятся как бы соучастниками всевозможных нечестивых деяний.

¹ Втор., 13 : 6 — 11.

² Исх., 20 : 5.

³ Втор., 24 : 16.

Третья заповедь гласит: «Не произноси напрасно имени Божия». Это установление тоже вызывает у моих юных слушателей вопросы, и прежде всего о том, что значит «напрасно», «всуе». Спрашивают также, почему Господь придает такое значение этому требованию и возводит его в степень самых важных.

Обычно я отвечаю примерно так. Мы любим и чтим нашего Бога, поэтому и к святому Его имени должны относиться благоговейно и трепетно. Имя Свое Он открыл Моисею по его просьбе и с определенной целью, ибо знание Имени было одним из доказательств особой роли Моисея как исполнителя Божьих предначертаний. Имя Его, выраженное в четырех знаках, подобает славить и хвалить, призывать на помощь в самые трудные минуты. Употреблять Имя в повседневных речах, в клятвах и свидетельствах (уже не говорю о проклятиях) — значит проявлять неуважение к Благословенному. Я думаю, следует произносить имя Предвечного как можно реже и в особые дни, подобно тому, как не носим мы в будни дорогие праздничные одежды, чтобы не истрепать их и чтобы отделить праздник от прочих дней.

Некоторые умные и уважаемые люди считают, что в самом Имени заключена некая волшебная сила и что простому народу не следует произносить Имя не только попусту, всуе, но и вообще, никогда. Я полагаю, это небезосновательное суждение, ибо Господь говорит, что не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Следовательно, если возникло хоть малейшее сомнение, «напрасно» или «не напрасно», лучше от произнесения Имени на всякий случай воздержаться. Но сейчас я не хотел бы вдаваться в обсуждение этого вопроса, он требует отдельного обсуждения.

Четвертая заповедь повелевает помнить и святить день седьмой — Субботу. Шесть дней мы должны трудиться и делать всякие наши дела (заметим, трудиться, точнее, лю-

бить труд и находить в нем радость — тоже Его заповедь!), но Суббота принадлежит только Богу. День субботный соблюдал праотец наш Авраам и весь наш народ еще до исхода, пребывая в рабстве, и египтяне не осмеливались покушаться на этот обычай. Но с дарованием Израилю Закона установилось и самое суровое наказание для осквернителей Субботы¹. Впрочем, нарушителей этой заповеди я за свою жизнь могу припомнить только двух или трех. И не удивительно. Суббота — один из способов чтить Создателя, почившего от дел, как всем известно, в день седьмой от сотворения мира. Через соблюдение Субботы мы приходим к соблюдению всего Закона и получаем от Господа благословение на грядущую неделю, укрепляем и обновляем свою душу для предстоящих дел. Можно сказать, Суббота нам нужна для того, чтобы уйти от мелочных повседневных забот, осмыслить, чего от нас хочет Бог, во имя чего мы трудились предыдущие шесть дней и ради чего будем трудиться шесть дней следующих.

В субботу нам надлежит покоиться, как если бы все дела наши были уже исполнены. Желательно даже в мыслях не обращаться к мелким повседневным заботам. Пусть все в природе идет своим чередом, как если бы нас не было!

Конечно, изощренный ум грешника поспешит отыскать лазейку в некоторой неопределенности понятий «дело», «работа», «покой». Мол, как провести грань между работой и покоем? Если позволительно в Субботу ходить, разговаривать, вкушать пищу и совершать супружеское соитие, а изучать Тору даже похвально, то почему нельзя, например, печь хлебы? Нелишне поэтому напомнить, хотя бы в общем виде, безусловно запрещенные в седьмой день занятия: все полевые работы, охота, выделывание шкур и шерсти, вымешивание теста, печение, шитье, прядение,

¹ Исх., 20 : 9; 31 : 14; 35 : 2.

ткачество, переноска грузов, битье молотом, развязывание и завязывание узлов, зажигание и тушение огня.

Четыре эти заповеди определяют отношения человека к Господу, и в исполнении их находит выражение наша любовь к Богу. Остальные шесть касаются наших отношений в семье, с нашими родными и соплеменниками. В этих заповедях выражается наша любовь к ближнему.

Пятая заповедь: «Почитай отца своего и мать свою, и хорошо тебе будет, и долго проживешь на свете». Тут, кажется, все ясно. Родители для нас — прообраз Бога в семье: жизнедатели, заботливые покровители, любящие защитники, но и судии, наказующие нас для нашего же блага. Почему Господь ставит почитание старших непременным условием нашего счастья и долголетия? Думаю, ответ прост. Как мы относились к своим родителям, так и наши дети будут относиться к нам. Они, наши дети, суть нам лучшая награда за праведность или злейшее наказание за нечестивые дела, в них наше счастье и утешение в старости, да в них и сама возможность спокойно дожить до преклонных лет. Напомню, что Закон предписывает почитать не только наших родителей, но и вообще стариков¹.

Почитание родителей для нас сызмальства становится законом не столько Божеским, но как бы данным самой природой, прирожденным человеку. Однако он не является чем-то заложенным в нас от рождения. У некоторых народов дети обрекают на голодную смерть своих беспомощных стариков, чтобы не кормить лишний рот. У других умерщвление престарелого отца является почетной обязанностью старшего сына. Есть племена, где уважением и особыми правами пользуется только отец, но не мать, которая после смерти главы семейства поступает в полное подчинение сыновьям.

¹ Лев., 19 : 32.

Вернусь к случаю, о котором упоминалось выше. Однажды Моисею, судившему народ, привели юношу, зловившего свою мать. Для любопытствующих сообщу, что он называл ее блудницей. По Закону такое дело наказывалось смертью¹. Казнь чрез побивание камнями карается не то что оскорбление родителей, но даже непокорство по отношению к ним². Но тут дело осложнялось тем, что мать сего юноши и в самом деле была блудница и прижила сына от неизвестного египтянина. Судьи не могли разобраться самостоятельно и обратились к Моисею, предлагая прибегнуть к более мягкому наказанию и пощадить молодого человека. Однако Моисей был тверд: «Истребить мерзость, чтобы все израильтяне услышали и убоялись».

Шестая заповедь: «Не убивай». Жизнь дана нам Богом, по образу и подобию Которого мы сотворены. Никто не вправе по своему произволу лишать другого жизни, ибо не может ее дать или вернуть, заменить или восполнить. Я толкую шестую заповедь расширительно: Бог запрещает не только убийство, но и все, что ему обычно предшествует и может к нему привести, то есть обиду, гнев, вражду, ненависть. Прямое указание на это содержится в Законе³. Никто из израильтян не должен хранить у себя яд или иное вредоносное снадобье. Если оно будет найдено, то хранитель яда подлежит такой же смерти, какой собирался извести другого.

Я считаю, и многие со мной в этом согласны, что даже вынужденное убийство на войне — тяжкое бремя для души. И не следует ликовать, когда враг повержен. Напомню, что в праздник Пасхи мы отливаем из бокала десять капель в знак сочувствия к египтянам, подвергнувшимся десяти казням.

¹ Исх., 21 : 17; Лев., 20 : 9.

² Втор., 21 : 18—21.

³ Лев., 19 : 17—18.

Седьмая заповедь запрещает предаваться блуду. Излишне пояснять, что супружеские узы, как и любовь мужчины и женщины, — от Бога. О том, какое значение Он придает супружеству, свидетельствует хотя бы Его предписание о том, что молодожен в первый год после свадьбы не должен идти на войну, но увеселять жену свою¹. Всяческий разврат есть мерзость в очах Бога. Он велит казнить смертью прелюбодеев, скотоложцев, содомитов, насильников, а также сожительствующих с близкими родственниками. Увы, должен признать, что дела, связанные с прелюбодейством, были одними из самых частых в бытность мою судьей.

Справедливости ради скажу, что не только законы против блудодеев, но и сами понятия о блудодействе у Израиля несравнимо строже и определеннее, нежели у любого другого народа. Кровосмесительство, скотоложство, сожительство мужчины с мужчиною и прочий гнуснейший разврат у иных племен считается делом не только вполне обыкновенным, но и, страшно вымолвить, священным! В этом они берут пример со своих богов, которые предаются самому постыдному и презренному разврату. Уму непостижимо, сколь велика может быть языческая разнузданность!

Добавлю, что исполнение седьмой заповеди предполагает целомудренное семейное воспитание и недопущение к блуду сыновей и дочерей².

Восьмая заповедь запрещает красть. Еще свежи в моей памяти картины того, как Господь обрушил свой гнев на сынов Израиля за то, что они не истребили из своей среды одного святотатца, который взял запретное, и украл, и утаил, и положил между своими вещами. Наше войско тогда потерпело тяжелое поражение. Господь сказал, что не бу-

¹ Втор., 24 : 5.

² Втор., 23 : 17.

дет более с нами, если мы будем терпимы к воровству¹. Нарушение восьмой заповеди — прямой путь к нравственному падению народа и его гибели.

Неправы те, кто понимают кражу как простое воровство, или грабеж, или разбой. Тот, кто удерживает плату у своего работника, — тоже вор². Как и тот, кто присваивает потерянное другим, берет взятки или несправедливые дары, пользуется в торговле неправильной мерой или гирей³.

Если кому-нибудь отдана на сохранение чужая вещь, то получивший должен беречь ее, словно она принадлежит самому Господу. Нельзя помыслить о том, чтобы продать ее или воспользоваться ею иным способом, даже если такая проделка сулила большую выгоду и, за неимением улик, могла бы остаться нераскрытой.

Девятая заповедь запрещает произносить ложное свидетельство. Все наше правосудие исходит из того, что свидетельство — истинно. Лжесвидетель идет против Бога, попирает справедливость, губит невинного и уводит от наказания преступника. Нарушают девятую заповедь и клеветник, лстец, и сплетник. Скажу более: умалчивающий правду — тоже, по сути, лжесвидетельствует.

И последняя, десятая заповедь, запрещает и желать того, что принадлежит твоему ближнему, будь то его жена, или поле, или раб, или какое-нибудь домашнее животное, или другое имущество. Эта заповедь запрещает не только злые действия, но даже помышления о них. Ведь зависть, досада, вызванная благополучием другого, ведет к вражде, ненависти, распрям, ссорам, к убийствам, воровству, лжесвидетельству, т.е. нарушению других запретов.

¹ Ис.Нав., 7 : 11—12.

² Втор., 24 : 15.

³ Лев., 19 : 35, 36.

Размышляя над Десятью заповедями, нельзя не возблагодарить Господа. В Его требованиях нет ничего непосильно тяжкого, ничего, что превышало бы возможности обычного человека, любого из нас. Что легче — одному Богу служить и поклоняться или множеству богов? Что легче — произнести слово или промолчать? Покоиться в субботу или хлопотать? Совершить насилие или воздержаться? Повиноваться родителям или идти им наперекор? Говорить правду или лгать? Быть довольным своим положением или изводиться в зависти и тоске?

Поистине, только глупцы или нечестивцы способны роптать, называя Божьи установления слишком суровыми. Нет, не потому люди нарушают заповеди, что те обременительны, но потому, что отдали душу свою низким страстям и охотнее служат плотским похотям, нежели своему Господу.

Вы спросите, как мог жить народ Израиля, многие его поколения, не зная Заповедей Божьих? Как вообще могло выжить общество, не превратившись в стаю диких зверей, не имея установленных Богом нравственных правил?

Ответ прост. Если не весь народ, то во всяком случае лучшие его люди, праведники, знали Заповеди и свято соблюдали их задолго до того, как они были записаны. Так, отец наш Авраам исполнял повеления и уставы Бога¹. Есть основания считать, что Заповеди были известны еще Адаму. Он знал их — и нарушил. Адам захотел уподобиться Богу. Он сделал из яблока кумир — обладание им обещало ему более, нежели Бог. Он поступил вопреки воле Отца своего. Он взял не принадлежавшее ему вопреки воле Хозяина, то есть украл. И он пожелал чужое...

¹ Быт., 26 : 5.

В отсутствие Моисея

Итак, сам Всемогущий сошел на Синай и призвал оттуда Моисея и Аарона, предупредив, чтобы никто, кроме них, не смел подходить.

Моисей взобрался на склон, и вскоре клубящийся дым скрыл его.

Как мы позже узнали, на вершине Синая наш пророк получил от Предвечного законы и уставы, которые отныне должны были стать основой нравственности, законодательства и всей жизни сынов Израиля.

Но вернемся с горы Синай в стан израильтян. Что происходило здесь, пока Моисей разговаривал с Богом?

Народ не был готов к столь длительному отсутствию своего вождя. Кое-кто решил, что, если Моисея так долго нет, он и не вернется. Между тем, народное чувство жаждало каким-то образом выразить благодарность Всевышнему, Который освободил Израиль из рабства. Представление о невидимом и лишенном телесных проявлений Предвечном было еще непривычно для израильтян, на сознание которых неизгладимый отпечаток наложило вековое рабство и связанное с ним влияние египетских верований и обычаев. Не забудем, что в стане Моисея была масса неевреев или евреев только наполовину, на четверть — людей, в сущности, чуждых нашим традициям. Им нужен был не Истинный Бог, а божок, наглядный и вещественный, которому можно было бы поклоняться.

Теперь, когда Моисея рядом не было, люди почувствовали себя вольнее и быстро дошли до распущенности. К Аарону пришла большая толпа, все громче и настойчивее зазвучали требования: «Сделай нам золотого тельца!»

И напрасно Аарон напоминал о том, что служение идолам запретил Предвечный — Тот, Который вывел всех нас из дома рабства и повиноваться Которому все совсем недавно поклялись. Напрасно мой дед пытался пригрозить —

мол, вскоре вернется Моисей и сурово накажет идолопоклонников. Возможно, и сам Аарон был растерян и напуган столь долгим отсутствием Моисея и народ почувствовал в его речах некоторую неуверенность.

— А где он, этот Моисей? — возражали Аарону. — Что с ним случилось, неизвестно. Может, он уже умер и Господь взял его к себе на небо.

Золотой тельец

Под влиянием нравов и верований египтян в нашем народе с давних пор были распространены и любимы изображения быка. Золотого тельца называли «опорой Израиля», и поклонявшиеся ему искренне полагали, будто молятся Предвечному, и не рассматривали этот древний обычай как служение чужеплеменному идолу. Простые люди в слепоте сердца своего видели в изваянии быка символ могущества, мужского начала, плодородия, благодати. Более того, они верили, что жертвы Тельцу угодны Предвечному. Так велико и пагубно бывает человеческое заблуждение! Им даже не приходило в голову, что, служа тельцу, они продолжают пребывать в рабстве, духовном рабстве у египтян, среди богов которых особым почетом пользовался именно тельец.

Аарон, искусный примиритель и мастер убеждать, на сей раз был бессилен отговорить народ. Хоть и не без внутреннего сопротивления, хоть и скрепя сердце, он уступил мощному напору, посчитав это меньшим злом, нежели раздоры в стане, раскол и открытое противостояние праведных со значительной частью народа (во всяком случае, с большинством мужчин, ибо женщины Израиля в истории с золотым тельцом участия не принимали).

Аарон приказал собрать золотые серьги и другие украшения. Мужчины легко расставались с безделушками (как

правило, это были те самые вещицы, которые перед самым исходом были выпрошены или выменяны у египтян), и заставили своих жен и дочерей, несмотря на их сопротивление, расстаться с украшениями.

Когда набралась целая горка золота, Аарон вырезал из дерева подобие быка и покрыл его толстым слоем позолоты.

— Вот наш Бог, наш Господь, который вывел нас из земли Египетской! — раздались ликующие крики. Стали требовать, чтобы Аарон немедленно провел праздничное действо.

Мой дед, однажды пойдя против совести, вынужден был и дальше идти по ложной стезе. Он решил отсрочить нежелательное событие в надежде, что вот-вот Моисей придет и прекратит бесчинство, пророка-то не осмелятся ослушаться! Аарон объявил, что праздник надлежит устроить завтра, и несколько раз повторил, что сей праздник будет посвящен не тельцу, а Господу Предвечному.

Ранним утром следующего дня мужчины принесли жертвы, потом начался праздничный пир, перешедший в гнусное и богопротивное гульбище. Под звуки труб, гуслей, бубнов мужчины непристойно плясали и пели вокруг истукана. Только левиты и благочестивые женщины остались в стороне, с ужасом и презрением взирая на своих сородичей, вернувшихся к языческому идолопоклонству.

— Поспеши сойти, — сказал Господь Моисею. — Народ, который ты вывел из земли Египетской, развратился. Быстро же они уклонились от пути, который Я заповедал им. Вижу Я, что народ сей — жестоковыйный. Итак, не мешай Мне, и воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, а от тебя произведу новый великий народ.

Но Моисей стал умолять Предвечного:

— Неужели Ты допустишь, чтобы египтяне злорадно говорили: «На погибель вывел евреев их Бог, чтобы убить их в горах, истребить с лица земли»?! Отврати пламенный

гнев Твой, не погуби народ Твой, вспомни обещания, которые Ты дал рабам Своим Аврааму, Исааку и Иакову. А Ты ведь клялся умножить их потомство, подобно звездам небесным...»

И отменил Господь по просьбе Моисея погубление, которое хотел навести на Израиль.

Моисей карает нечестивых

Трудно передать то душевное смятение, ту тревогу, в которой пребывал Моисей. Он спускался по горной тропинке, бережно держа две каменные плиты, с обеих сторон которых рукою Всевышнего были начертаны Десять заповедей, и рисовал себе картины одну другой мрачнее. На склоне горы его поджидал Иисус Навин. Он принялся уговаривать Моисея остановиться передохнуть или хотя бы дать ему, Иисусу, как более молодому понести одну скрижаль. Моисей, не отвечая, шел так быстро, словно тяжесть скрижалей была ему нипочем. Спутник едва поспевал за ним.

По мере того, как они спускались в долину, все слышнее из стана израильтян доносились шум и громкие крики. Тропинка извивалась по склону так прихотливо, что видеть происходящее там было невозможно.

— Кажется, на наш лагерь напали, идет сражение, — с беспокойством сказал Иисус.

Моисей прислушался, лицо его еще больше помрачнело:

— Нет, — сказал он. — Это не торжествующие крики победы и не предсмертные вопли побежденных. Это голоса поющих, и песни эти мне совсем не нравятся...

Тропа вывела их к подножию горы, отсюда хорошо был виден лагерь, и сразу стало ясно, что творится там нечто неладное. Толпа плясала и бесновалась вокруг какой-то фигуры, стоящей на земляном возвышении.

— Так-то они держат клятву, данную Господу! — в страшном гневе вскричал Моисей. — Так-то верны слову исполнять все заповеди и слушать Бога!¹

Завет, который Предвечный заключил с Израилем, отныне был разрушен!

Пророк в бешеном порыве бросил скрижали на скалу. Хрупкий камень раскололся на несколько кусков...

Было это в семнадцатый день первого летнего месяца. Поистине, один из самых несчастливых дней в истории нашего народа.

Они сошли в долину и устремились к лагерю. Им навстречу попалась немолодая женщина. Она подробно рассказала о том, что произошло в отсутствие Моисея.

— Аарон сделал им бога, и они радуются. А нам, женщинам, не по душе эти игрища.

Моисей ворвался в стан израильтян, как вихрь, расталкивая толпу, подошел к изваянию тельца и бросил его в огонь. Позже, когда деревянная статуя сгорит, пророк размешает пепел в воде и заставит народ отпить, дабы все ощутили горечь своей вины.

— Аарон, разве ты враг своему народу, что ввел его в такой страшный грех? — с болью спросил он брата. — Для того ли мы с Божьей помощью освободили израильтян из рабства, чтобы отвратить их от пути Господа?

— Не сердись, Моисей, господин мой, я сейчас все тебе объясню, — виновато и чуточку жалобно отвечал Аарон. — Ты же знаешь этот народ, как он буен и непокорен. Людям нужен божок, они хотят поклоняться чему-то, что перед глазами, что можно потрогать. Тебя так долго не было... Народ растерялся и почувствовал себя брошенным. Они приступили ко мне, требуя сотворить им кумира. Если бы я отказался, меня бы растерзали на клочки — грубые, необузданные люди. Подумай, ведь это хорошо, что они обра-

¹ Исх., 19 : 8; 24 : 7.

тились ко мне, твоему брату, а не к кому-нибудь другому. Значит, они нас уважают, этим надо дорожить... Пусть себе пляшут вокруг быка, резвятся, тешатся. У нас будет еще время воспитать их и обратить на пути Господа.

Моисей не мог поверить своим ушам. И это говорил его брат, ближайший к нему и второй после него человек в Израиле!

— Главное — быть вместе с народом, сохранить его доверие и влияние на него, — продолжал Аарон, слегка ободренный молчанием брата. — Сохранив влияние, мы сможем постепенно отвлечь людей от ложных обычаев. Вождь, имеющий дело с таким строптивым и необузданным народом, должен уметь идти на временные уступки...

— Народ необуздан потому, что ты допустил его так опозориться перед нашими врагами. Вождь, имеющий дело со строптивым народом, должен уметь смирить и обуздать его! — устало возразил Моисей. — Лучше я останусь один, чем пойду вслед за своим народом на плохое дело. Но никогда не останется одиноким в народе тот, с кем Бог и правда. Не все плясали вокруг идола, многие стояли в отдалении, глядя на эту мерзость с осуждением. Почему ты не с ними? Почему не во главе их?

С этими словами пророк призвал к себе всех, кто стоит за Господа. На призыв отозвались только сыны колена Левия — самого малочисленного, но и самого сплоченного и сильного духом и наиболее твердого в вере.

— Пройдите по стану, от ворот до ворот и обратно, — обратился к ним Моисей, — и убивайте упорствующих отступников и поражайте нечестивых мечами, даже если это ваши братья, ваши друзья, ваши ближние. Ибо так требует Господь, Бог Израиля.

И сделали левиты по слову Моисея, и пало в тот день из народа около трех тысяч человек.

Поистине, то был страшный день — семнадцатый день

первого летнего месяца! Но только такой великой жертвой можно было искупить великий грех.

На другое утро Моисей сказал народу:

— Вы сделали великий грех. Я взойду к Господу, постараюсь смягчить Его и загладить ваш грех.

Он возвратился в Синай и обратился к Предвечному со словами стыда и мольбы:

— Ах, виноват народ мой, безмерно виноват пред Тобою! Простишь ли им сей грех? А если нет, изгладь меня из свитка Своего, в который Ты вписал каждого живущего.

Говоря так, Моисей, как вы понимаете, проявил высшее благородство и высшую степень ответственности, которую только может принять на себя Вождь: готовность принять на себя вину своего народа и разделить его судьбу, пострадать вместе с ним. Моисей прекрасно понимал, сколько многим он рискует. А ведь другой бы на его месте, возможно, рассуждал бы примерно так: лично я ни в чем не виноват пред Господом, я не участвовал в греховных делах. Пусть Всемогущий накажет других, почему я должен за них отвечать?

Прошло сорок дней, и только тогда Господь ответил на мольбы Моисея:

— Тех, кто согрешил, Я изглажу из Моего свитка.

Грешники, целое поколение, были наказаны долгими и мучительными скитаниями, и все умерли, так и не вступив в Землю обетованную.

Бог повелел Моисею продолжить поход, подтвердил прежнее обещание дать народу землю, текущую молоком и медом, сказал, что пошлет пред Моисеем Ангела Своего и прогонит враждебные племена. Однако Господь решил не идти более Самому среди народа, дабы впредь, разгневавшись, не погубить в одну минуту Израиль на пути. Ибо, сказал Господь, вы народ жестоковыйный.

И передал Моисей народу сии грозные слова, и горько возрыдал народ.

О, как быстро и легко все мы от буйства переходим к отчаянию! А между тем, насколько проще удержаться от греха, чем потом нести за него неизбежную расплату...

«Кто милостив к нечестивым, будет жесток к праведным», — эти слова я слышал от Моисея. Возможно, это большой грех, но люди, погибшие тогда за поклонение золотому тельцу, до сих пор вызывают в моей душе не только отвращение, но и жалость. Хотя нет сомнений в том, что свою участь они заслужили.

Построение Скинии

Как при горящей купине Моисей хотел получить видимый знак Божьего благоволения и залог помощи Предвечного, так и теперь, со свойственным ему упорством, пророк стремился заручиться обещанием Господа не покидать народ. Моисей попросил Предвечного явиться перед ним во всем Своем величии, и он удостоился стать первым и последним из живущих на земле, кто узрел Его славу.

Пребывая в ущелье горы Синай, наш пророк и учитель стал свидетелем того, как Сам Творец прошествовал рядом и, трепеща от ужаса и благоговения, услышал глас, возвещавший о Его присутствии.

С этого часа начался как бы новый отсчет времени в жизни Моисея, в его служении Господу и Израилю. Вновь были вытесаны на каменных досках-скрижалях Десять заповедей, дабы они свидетельствовали о возобновлении Завета.

Пророк вновь взошел на священную гору, где оставался на протяжении сорока дней, не вкушая ни воды, ни пищи. На сей раз народ был верен Закону. Увидев Моисея, спускавшегося с горы, израильтяне были поражены тем, что его лицо светилось словно бы отблеском неземного огня так, что страшно было смотреть, а лучи, исходявшие от

лика пророка, многих из народа просто ослепляли. Постепенно сияние померкло, и мы могли смотреть в лицо Моисея без страха лишиться зрения. Однако всякий раз, когда пророк возвращался к нам после общения с Предвечным, божественный блеск возобновлялся с прежней силой, так что Моисей обычно прятал лицо под покрывалом.

После восстановления Завета Господа со Своим народом главной заботой Моисея стало устройство храма, который должен быть стать местом, где и сам пророк, и каждый из нас мог бы говорить с Творцом Вселенной, который будет спускаться к нам с небес. Раньше таким святым местом был шатер Моисея.

По повелению нашего учителя израильяне принялись за сооружение Скинии. Для этого в одно место были снесены различные ценные вещи: золото и серебро, шкуры и кожи, доски и куски мрамора. Кроме того, было собрано немало драгоценных камней и благовонных трав.

Руководить постройкой Скинии и ее обустройством Моисей назначил Веселиила, своего племянника, и Аголиава из колена Дана. Сынов Израиля давно восхищало умение Веселиила и Аголиава вырезать из дерева и камня и отливать из металла всякие украшения, так что Моисей не мог сделать лучшего выбора.

Для строительства отвели участок в пятьдесят локтей ширины и сто — длины. Как известно, земля в наших пустынях сплошь безводна, камениста и покрыта колючим кустарником. А посему в первую голову народ принялся за расчищение площадки, выравнивание почвы и освобождение ее от растительности и камней. Когда эта работа была выполнена, было поставлено по два десятка столбов по длинной стороне и по десять — с короткой. На верхних концах столбов прикрепили кольца, сквозь которые продевались канаты, закрепленные на крюках, вогнанных в землю, что удерживало ограждение при сильном ветре.

Между столбами тянулись занавеси из мягкого виссо-

на, спускавшиеся тяжелыми складками до самой земли; и так были устроены три стороны. Четвертая — лицо и ворота сооружения, по краям которых возвышались две колонны из серебра. От одной колонны до другой тянулся ковер из пурпура, красно-фиолетовой шерсти и виссона, на котором наши мастерицы выткали изящные и неповторяющиеся узоры.

За входом помещался большой медный сосуд, из которого священники могли совершать омовения рук и ног.

Во время строительства и обустройства Скинии в нашем стане не было ни одного празднующегося, если не считать маленьких детей, которые все время путались под ногами у строителей и их помощников. Помнится, мне перепало немало подзатыльников от родственников и их друзей.

— Вам бы лучше не мешать взрослым, — говорила Мариам, укоризненно глядя, как мы со свойственным детям любопытством склоняемся над золотыми и медными плавильнями, — отойдите в сторонку и смотрите. Смотрите и запоминайте, потом будете рассказывать вашим детям и внукам, как на ваших глазах выросла Скиния!

Над работающим человеком возвышался стоящий на громадной глыбе Моисей и громовым голосом командовал снующей толпой.

— Эй вы! — кричал он. — Да-да, со столбом. Слой меди должен быть не тоньше, чем в два пальца! Силачи, поднимайте столб. Копатели, не забудьте, ямы должны быть не меньше пяти локтей, иначе столбы не выдержат напора ветра. Я потом сам проверю. Вход в Скинию делайте строго на восток, дабы первые же лучи солнца освещали ее внутри.

Старики и дети заворуженно наблюдали за слаженной работой. Место строительства походило на растревоженный муравейник. Туда-сюда сновали женщины и мужчины, которыми командовали Веселиил и Аголиав. Не поднимая

головы ткали ковры женщины. Даже дети, достигшие десятилетнего возраста, старались быть полезными взрослым.

Моисей же без устали воодушевлял народ, стоя на высоком камне. Его седая борода развевалась на ветру, глаза горели неземным пламенем, а с уст срывались слова, придававшие строителям новые силы:

— Сыны Авраама, Исаака и Иакова! — говорил он. — Вы совершаете великое дело — строите дом Господу. Вы возводите храм, где каждый из вас сможет обратиться к Творцу Вселенной, и Он вас обязательно услышит. Не об этом ли мечтали наши предки?

Люди загорались, слушая речи Моисея, и работали почти без перерыва, имея отдых лишь в святую субботу.

Пока Моисей подбадривал сынов Израиля, Аарон помогал плотникам вытесывать столбы. Он был крепким стариком, и работа у него спорилась. С любовью глядя на него, люди радостно говорили друг другу:

— Вот — Аарон, брат пророка и наш друг. Он со своими детьми трудится как вол наравне с простыми людьми. Так неужели мы позволим себе лениться?

Семь месяцев народ работал, не жалея сил, и вот, почти все было готово.

Кстати, мне вспомнилось: как-то Аарон сказал, что золота, серебра и драгоценных камней при строительстве Скинии было израсходовано столько, что на них можно было купить пару египетских пирамид. Росписи же, которыми Веселиил и Аголиав покрыли Скинию, доселе служат образцом для всех израильских художников.

По Божьему указанию Скиния разделена на три части: внешний двор, святилище и Святая Святых. Внешний двор представлял собой правильный четырехугольник, пространством в сто локтей длины и пятьдесят ширины. Его обнесли со всех сторон загородью в пять локтей высотой и с восточной стороны установили входную дверь, имеющую

двадцать локтей ширины, которая закрывалась изящно расшитыми и разноцветными занавесями.

В передней части двора находится жертвенник всесожжения, на котором приносятся все жертвы, кроме жертвы за грех, приносящиеся вне стана¹. Жертвенник подобен ящику в пять локтей длины, столько же ширины и три высоты. Лучшие мастера Израиля вытесали его из дерева ситтим, обложили кововой медью и разместили внутри медную решетку для дров, а по бокам — кольца, чтобы носить его на шестах.

Выдававшиеся по углам возвышения (их называют «роги») являются особенно важным местом. Взяться за роги Скинии — значит выразить желание всецело предаться милосердию Божьему. В то же время это обеспечивает неприкосновенность ищущим спасения от мщениа.

Между жертвенником и Скинией находится медная умывальница для омовения священников. Следующая дверь ведет в святилище, которое занимает две трети пространства Скинии и есть вторая ступень в приближении к соприутствию с Богом. В святилище содержатся кадильный жертвенник (он находится в самой середине); трапеза по правую и светильник по левую сторону. Кадильный жертвенник напоминает стол размером в два локтя вышины и по одному локтю в ширину и длину. Он обложен золотом и также имеет по бокам кольца, чтобы удобнее было носить на шестах. В нем каждое утро и вечер священники курят благовонные травы. В самых торжественных и важных случаях это делаю я как первосвященник.

Огонь для курения берется с жертвенника всесожжения, и возжигание его означает ходатайство священника перед Богом за народ, который в это время молится во дворе. Вносить чуждый огонь или присваивать себе сан священника — великое преступление.

¹ См. о жертвоприношениях в приложении 7.

Трапеза представляет собой продолговатый стол с ножками — в два локтя длины, один — ширины и полтора — высоты. На этом столе находятся двенадцать посыпанных ладаном хлебов, которые называются хлебами предложения. Каждую субботу хлебы заменяют священники, которые съедают старые в святилище. Никто, кроме левитов, не имеет права вкушать от них.

По южную сторону кадильного жертвенника стоит светильник, сделанный из кованого золота и весящий около десяти тысяч сиклей. Он подобен древу с шестью ветвями, которые с главным стволом составляли семь отдельных светильен. Светильники зажигаются во время вечернего возношения, а главная светильня — неугасима. Светильник освещает все пространство святилища, но его свет не проникает через плотную завесу, отделявшую от святилища вторую и святейшую часть Скинии — Святая Святых, занимавшую треть Скинии.

Внутренность этого отделения погружена в непроницаемый мрак, и в нем находится Ковчег завета, сделанный из дерева ситтим, выложенный золотыми пластинами и представляющий собой небольшой ящик в полтора локтя длины и по полтора — ширины и высоты. На крышке из чистого золота — два херувима со склоненными друг к другу лицами, соприкасающиеся крыльями. Между ними — престол Господа, обитавшего между херувимами. Это место называется также местом умилоствления, ибо там Господь открывается в день очищения как Прощающий беззаконие, преступление и грех.

Внутри ковчега находятся скрижали Завета, а рядом — золотой сосуд с манной и жезл Аарона. Золотые кольца у нижних углов ковчега служат для ношения его на шестах во время странствования.

Я бы мог еще очень долго рассказывать о том, как устроена Скиния, описывать расположение комнат и размеры жертвенников, тем более, что мне как первосвященнику приходится бывать в ней каждый день на протяжении многих лет. Скажу лишь, что никогда до того народ Израиля не имел такого прекрасного места для общения с Господом, как сооруженный по велению Господа и под руководством Моисея.

Утром в пятницу усталые, но счастливые израильтяне закончили работу. Казалось, даже Моисей не до конца верил, что нам удалось создать столь великолепный и дивно украшенный храм.

— В таком месте не зазорно встречаться с Господом, — тихо сказал Аарон своей сестре. — Думаю, Он будет нами доволен.

В тот день, когда последний ковер был повешен на столбы, Моисей объявил народу, что Господь повелел назначить Аарона, моего деда, первосвященником. Его наследниками и первосвященниками назначались сыны Аарона — мои дяди Надав, Авиуд и Афамар, мой отец Елеазар. Все му потомству Аарона также надлежало стать священниками. Что же касается наших сородичей из колена Левия, или левитов, им была заповедано помогать священникам в их служении Господу.

Отныне Аарон в законном порядке был объявлен первым и главным служителем Бога, а потому для него были изготовлены новые одежды, дабы народ легко мог отличить его из толпы и вверить ему свою судьбу пред лицом Всевышнего. Лучшие мастерицы Израиля соткали для деда наряды из золотых и серебряных нитей. Эти одежды отныне должны были переходить от отца к сыну, от сына к вну-

ку — и так из поколения в поколение. Уже давно они находятся у меня.

Эти одежды Аарона гораздо красивее, чем у простых священников. Поверх обычных одежд я надеваю безрукавную верхнюю ризу из пурпурно-голубой шерсти с отороченным воротом, украшенную разноцветными яблоками и золотыми колокольчиками.

На ризу надевается короткий эфод с золотыми застежками на плечах, на каждом из которых по ониксу с вырезанными на них именами двенадцати колен Израиля. Эфод стягивается поясом, а к груди голубыми шнурами и золотыми кольцами прикрепляется наперсник с двенадцатью драгоценными камнями, врезанными в золото.

Рядом с наперником находится урим и туммим¹, посредством которых первосвященнику сообщается Божья воля.

К головному кидару² первосвященника пришита золотая дощечка с надписью «Святыня Господня».

Службу в Скинии дозволяется вести только левитам. Избранное колено делится на три части, как на три части делится Скиния, левитов, священников и первосвященника. Левиты — служители, выполняющие менее ответственные обязанности. Они несут Скинию в походах, наблюдают за порядком, чистотой и сохранностью священных предметов и сосудов; готовят священнодействие и следят за поступлением доходов на содержание Скинии.

Левитами считаются все мужчины колена Левия, кроме семейства Аарона, в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Они разделяются на три рода, сообразно с происхож-

¹ Советы и совершенства.

² Кидар — головное украшение первосвященника в виде чалмы из виссона (тонкого, чистого белого волокна), которым обвивалась голова. Впереди голубым шнуром прикреплялась надпись «Святыня Господня». (Исх., 28; 4 : 36—38).

дением от сынов Левия — Гирсона, Каафа и Мерари. Каждый род имеет особые обязанности при служении и несении Скинии.

Перед началом службы левиты проходят посвящение, состоящее в очищении их, рукоположении и принесении жертв.

Мы, сыновья и внуки Аарона, на служение посвящаемся через окропление священным мирром¹, смешанным с кровью. В определенное время мы приносим жертвы во дворе Скинии, курим в святилище и ежевечерне зажигаем в нем светильники. Каждую субботу мы перемещаем хлеба предложения, трубим в трубы для созывания народа, очищаем прокажу и другие скверны и поучаем народ в законе Божьем.

Моисей передал Аарону священные книги и Ковчег завета, в который он положил на двух скрижалях Десять заповедей.

С тех пор каждый, кто хотел обратиться к Господу с какой-нибудь просьбой или с молитвой, приходил к Скинии. Когда же в Скинию входил Моисей, на нее спускался огненный столб, и каждый из нас знал, что сейчас пророк общается с Всевышним, молится о нас и просит о заступничестве. Отныне Моисей говорил со Всевышним в Скинии и не ходил на гору Синай.

Обучение войска

Наступило время перейти к созданию настоящего войска, ибо победа над амаликитянами показала, что мужества и бесстрашия у наших бойцов пока, к сожалению, гораздо больше, чем выучки и дисциплины.

Главным помощником в этом нелегком деле, как все-

¹ Мирр — благовонное вещество.

гда в последнее время, пророк избрал Иисуса Навина, ибо тот уже приобрел опыт в битве с амаликитянами.

Моисей рассказывал будущему военачальнику об основах устройства египетской армии, о военных хитростях, о том, как засылать к врагам соглядатаев и вести разведку перед сражением. Он также передал ученику те правила ведения войны, которые открыл перед ним Господь.

— Всякая война пусть ведется вне пределов вашей страны. Собираясь начать войну, посылайте к врагам глашатаев, ибо, начав переговоры и убедив противника, что ваше войско сильнее, вы победите, не причинив ущерба противнику; ибо иметь мирные отношения с соседями — благо для вас и ваших детей. Если враги предпочтут вступить с вами в схватку, смело ведите на них войска, вознося молитву Господу. Своим военачальником выберите человека храброго и мудрого. Не допускайте многоначалия, ибо оно только вредит, особенно когда предстоит действовать решительно и смело.

На войну следует отправлять войско отборное, состоящее из мужей сильных, храбрых и искушенных в сражениях; все слабодушные должны быть отделены от войска, дабы не смущать своим бегством соплеменников.

Все, кто недавно построили себе дома и меньше года жили в них; кто развел виноградники, но не вкусил их плодов; кто обручился или недавно вступил в брак, — все такие люди должны быть освобождены от участия в войне, чтобы сладкие воспоминания не заставляли их притворяться слабодушными с целью вернуться к домой. Это не относится, однако, к заповедным войнам за Ханаан, на которые должен идти и жених сразу после свадьбы.

Убивайте всех, кого победите в бою с оружием в руках. Остальным даруйте жизнь, наложив дань, исключая хананеян: этих следует истребить без пощады.

Следите всегда, особенно во время войны, за тем, что-

бы женщина не надевала мужского платья, а мужчина — женского...

Иисус был весьма способным учеником и уже через несколько недель сам начал обучать молодежь военному искусству. Юноши учились стрелять из луков, биться на мечах и метать копья, уверенно держаться в седле и метать из пращи камни на большие расстояния. Многие, благодаря частым занятиям и Божьему дару, в короткий срок добивались блестящих результатов. Так, один воин из колена Вениаминова мог с расстояния в пятьдесят локтей девять раз из десяти попасть камешком из пращи внутрь золотого колечка.

Нам, детям, очень нравилось наблюдать, как проходит обучение израильского войска. Кроме владения оружием, воины познавали искусство останавливать кровотечение и перевязывать раны. А самое интересное для нас — мгновенный сбор воинов по тревоге под звук боевой трубы, когда тысячи мужчин бежали к месту сбора, на ходу облачаясь в военные доспехи.

Когда подготовка была в основном завершена, Моисей обратился к воинам с речью.

— Сыны Израиля, — сказал он, — Дай Бог, чтобы вы без войны овладели страной, которую даровал вам Господь. Дай Бог, чтобы чужеземцы обходили вашу родину стороной и чтобы вас не обуяли раздоры, во время которых вы могли бы нарушать данные предкам вашим предписания. Держитесь законов, дарованных вам Предвечным, — в них ваше благо.

Моисей поручил старшинам колен, кроме Левина, точно выяснить число способных носить оружие в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Таковых оказалось шестьсот три тысячи шестьсот пятьдесят человек.

Завершилось и сооружение походного лагеря. Скиния помещалась в его середине; с каждой ее стороны стояли по три колена, отделенные друг от друга дорогами, пересекавшими весь стан.

Рядом со Скинией, на площади размещался рынок, где торговцы бойко вели свои дела, а ремесленники изумляли своим искусством. Ближе всех к Скинии жили священники, чуть поодаль — левиты, числом двадцать две тысячи восемьсот восемьдесят человек.

Пока облако стояло над Скинией, люди оставались на месте, уверенные, что Всевышний пребывает рядом. Как только облако начинало уходить, следом за ним перемещался и лагерь.

В то время Моисей изобрел серебряную трубу-асосру: она чуть меньше локтя, ее трубка узка, а наконечник — объемист. Оканчивалась она широким, в два пальца, отверстием. Таких труб сделали две: одной созывали народ на общее собрание, другой приглашали старейшин на совещание. Если трубили две трубы одновременно — израильтяне знали, что облако смещается и пора переходить на другое место. Первыми снимались с места те, кто жил на восточной стороне, далее — кто к югу. Затем торжественно собирали Скинию, которую помещали между двенадцатью коленами.

Охраняли и несли Скинию левиты.

При третьем трубном звуке выступали жители западной стороны, а четвертый служил сигналом к выступлению тех, кто занимал северную сторону. Этими же трубами пользовались по субботам и другим дням для созыва народа к жертвоприношениям.

Тогда же Моисей впервые после выступления народа

из Египта принес в пустыне и так называемую пасхальную жертву.

Разведка в Ханаан

Больше года стояли мы лагерем у горы Синай. Благодаря трудам Моисея, неустанным молитвам священников и любви Господа к Израилю, в народе произошли заметные перемены. Вчерашние рабы, радовавшиеся вечерней похлебке, ныне ощутили себя единым сильным народом, способным дать отпор любому врагу. Сыны Израиля поверили в себя, вчерашние пастухи и строители превратились в воинов, неплохо владеющих оружием. А самое главное — мы обрели четкое понимание своей роли в истории, среди других племен. Люди помнили слова Господа о том, что наш народ призван понести свет истинной веры по всей земле. Тот, кто недавно думать не думал о Боге, теперь ревностно старался выполнять все Его Заповеди, приучая к тому и своих малолетних детей.

Между тем, пора было выполнять указание Господа и идти в Ханаан. К сожалению, в нашем лагере никто толком не представлял себе, как довести израильтян до Земли обетованной. Лучше других знал дорогу некий Ховав, сын Рагуила и брат Сепфоры. Но он был капризен нравом и несговорчив.

— Я стар, — брюзжал он. — Я плохо помню пустыню, ибо был здесь давным-давно, когда многих из вас еще не было на свете. Оставьте меня в покое, ибо мой возраст не позволяет мне идти во главе колонны.

— Ховав, — терпеливо говорил ему Аарон. — Ты должен указать нам путь, ибо, кроме тебя, этого сделать просто некому.

— Пусть ведет Моисей. Он избран Богом, он должен знать дорогу.

— Моисей не может разорваться на части. Моисей — мост между нашим народом и Господом, по которому Он ходит к нам, а мы ходим к Господу.

— Я не могу этого сделать, мне хочется идти среди родственников, ибо они поддерживают мой дух.

— Мы поддержим твой дух не хуже родственников. А еще мы дадим тебе золота и драгоценных камней. Этого хватит на то, чтобы обеспечить и тебе, и твоим родственникам безбедное существование.

Аарону стоило больших трудов убедить Ховава стать нашим проводником. Но в конце концов упрямец согласился.

На рассвете заиграли серебряные трубы, израильтяне свернули шатры и двинулись в путь. Впереди, как всегда, левиты несли гроб с останками Иосифа.

Три дня мы шли под палящими лучами солнца. Дорога выдалась нелегкая, ибо в течение всего пути запрещалось закалывать скот и люди питались одной манной.

В стане вновь возникло недовольство, возбуждаемое строптивцами и маловерами.

— Когда же прекратятся наши бедствия? — стнали они. — С тех пор, как мы вышли из Египта, мы ни разу не видели рыбы и овощей. Только один раз нам довелось отведать перепелов. А ведь в Египте мы ели огурцы и дыни, зелень и лук... Если бы нам дали хоть чуть-чуть мяса...

— Люди, терпите, — убеждал их Моисей. — Мы придем в Ханаан, и там у вас будет все, что вы только захотите! Та страна течет молоком и медом...

— Мы не дойдем до Ханаана... Мы умрем от голода и лишений. Но прежде мы расправимся с тобой! Ненавидим тебя и твоего брата за то, что вы лишили нас крыши над головой и сытной пищи, какая была у нас в Египте.

— Вспомните, — увещевал Моисей, — какими милостями осыпал вас Господь. Он дал вам пищу и воду, Он вывел вас из рабства, Он сделал вас воинами, способными

защитить себя и своих детей. Вы — Его любимый и избранный народ!

— Твои речи хороши на сытый желудок, — возражали ему недовольные. — Пусть Он нас накормит, и тогда мы увидим, сколь Он хорош и как любит народ Израиля.

Услышав эти слова, Господь разгневался и ниспослал огонь на край стана, где располагалось колено Ефремово, роптавшее более других. Ужас и страх воцарились среди евреев, и просил народ прощения у Моисея.

Вечером Моисей обратился к Господу с молитвой.

— Господи, — сказал Он, заливаясь слезами, — зачем Ты столь часто испытываешь меня? Ты хочешь, чтобы я один радел за народ, но мне это не под силу. Возьми на себя тяготы моего народа, ибо я больше не могу выносить его страданий. Они просят есть, а я не могу их накормить. У меня нет мяса и нет рыбы. Лучше умереть, чем видеть, как страдает Израиль!

— Завтра собери старейшин в Скинии, — сказал Господь, — я сниму с тебя бремя и разделю меж ними и тобой. Еще скажи людям, что завтра они получают, что желают — у них будет мясо. И не только завтра, но и послезавтра, и на третий день, и через неделю. И через месяц они будут есть мясо, пока оно не встанет им поперек горла. И тогда народ поймет, какой грех хулить Господа, Который вывел его из Египта.

— Где мне взять мяса на шестьсот тысяч человек? — спросил пророк. — Даже если я велю зарезать весь скот и переловить всю рыбу в море...

— Я — Тот, Который Был, Есть и Будет, — ответил Творец Вселенной. — Выйди к народу и объяви мои слова, и увидишь, сколь скоро они сбудутся...

Моисей вышел к народу и пересказал слова Всевышнего, а затем собрал в Скинии семьдесят старейшин, и Господь спустился на них в виде облака и приказал старейши-

нам способствовать Моисею в преодолении трудностей, помогать советом и утешать добрым словом¹.

Однако в стане нашлись двое, Елдад и Модад, которые были среди тех, кто получил указания Господа оказывать помощь Моисею, но вместо этого пошли пророчествовать в стан. Я помню этих старцев, которые расхаживали среди израильтян и рассказывали о заповедях, святой субботе и многих других интересных вещах.

О деяниях Елдада и Модада Моисею сообщил его любимец Иисус Навин.

— Моисей, — быстро говорил Иисус, — среди народа появились люди, которые говорят от имени Господа. Они рассказывают о заповедях, обычаях и Господе. Они хотят, чтобы их почитали, как тебя.

— Не обращай внимания, мой мальчик, — ответил Моисей. — Ты зря ревнуешь меня к собственному народу. Если бы все евреи были пророками и учили самих себя и других соблюдать заповеди — не было бы для Господа более приятного известия...

На следующее утро стан стал наполняться перепелами. Они в изнеможении садились на землю, и израильтяне принялись ловить их руками, издавая при этом радостные крики и вознося хвалу Господу.

Они собирали перепелов в корзины два дня и две ночи. И собрали их столь много, что самый жалкий неудачник принес в свой шатер не меньше полусотни.

В тот же день народ устроил знатный пир. Однако радость была недолгой. Не успели люди разжевать мясо, как многих из них поразили страшные судороги. Больные корчились в муках и умирали, проклиная тот день, когда возроптали на Творца Вселенной.

Многие нашли свою могилу в том месте, и нарекли его

¹ Прообраз синедриона (сангедрина) — высшего религиозного и судебного учреждения древней Иудеи.

Кивроф-Гатаава, что значит Могила похотения. Похоронив умерших, народ решил уйти с этого места и отправился в Хацероф, где и оставался в течение длительного времени.

Аарон и Мариам впадают в грех

В те дни случилось событие, которое стало тяжелым испытанием для всей нашей семьи и могло иметь пагубные последствия для Израиля, если бы не своевременное и решительное вмешательство Господа, предотвратившего смуту в народе.

В один прекрасный весенний день Мариам и Аарон тихо беседовали на ковре у входа в наш шатер.

В это время из шатра Моисея, который находился рядом, вышла старая Фарбис, жена пророка и дочь давно ушедшего к предкам эфиоплянского царя. Она отправилась за водой, придерживая кувшин на плече, что не принято у наших женщин.

Уже больше полувека Фарбис находилась среди сынов и дочерей Израиля, но так и не стала полноправным членом нашей семьи. Кажется, она не очень к этому и стремилась, предпочитая замкнутую жизнь. Она редко покидала свой шатер и, как я теперь понимаю, видела свою главную задачу в том, чтобы полностью оградить Моисея от земной суеты и забот по дому.

Дочь царя, как видим, сумела переломить свою гордость и с усердием занималась делами, которые жены правителей обычно поручают служанкам и рабам. Она была самым незаметным человеком в стане, и когда я, много позже, просил стариков, встречавших ее, вспомнить о ней хоть что-нибудь, те только пожимали плечами.

У меня в памяти запечатлелась ее статная фигура, твердая походка и глубокие глаза, в которых иногда вспыхивали искры.

Из всех израильтян Фарбис общалась, хотя и очень редко, только со мной, да и то до тех пор, пока я был ребенком. Она останавливала меня, садилась рядом на корточки и, глядя мне в глаза, медленно и как-то гортанно, говорила, тщательно подыскивая слова:

— Ты, Финеес, хороший мальчик... Да, ты хороший мальчик. Жаль, что ты не мой сын... Когда-то я мечтала, что у меня будет сын... Я принесла тебе фиников, вот, возьми.

Она протягивала мне плоды. Я, потупясь, брал их и убегал, чувствуя на себе взгляд ее печальных глаз.

Рассказывают, что во время вынужденного пребывания Моисея в земле Мадямской Фарбис оставалась в Египте и, несмотря на грозящую ей опасность, — а у фараона было в обычае умерщвлять всю семью своего врага — ждала пророка долгих сорок лет. Все это время она жила в отдельной хижине, которую ей построили близкие родственники Моисея.

Когда пророк вернулся с Сепфорой и сыновьями, Фарбис с улыбкой вышла к мужу и преклонила перед ним колени. Скупой на выражение чувств Моисей поднял свою темнокожую жену с земли, обнял, благословил и пообещал не расстаться с ней до самой смерти.

... Проводив глазами Фарбис, Мариам, не стесняясь присутствия детей, громко произнесла:

— Ты только взгляни на эту женщину... Она ведет себя так, будто нас не существует. Я один раз спросила у нее, как она завязывает волосы на голове, но она даже не удостоила меня ответом...

— Прекрати, сестра, — сказал Аарон. — В тебе говорит зависть.

— А чему я должна завидовать? Ты только посмотри на нее — кожа да кости... Просто я не понимаю нашего брата Моисея.

— Не думаю, что он нуждается в нашем понимании. Может быть, наоборот.

— Он нуждается в том, чтобы услышать от нас слова осуждения, ибо кто, как не он, нарушает заповеди, которые сам же и установил. Сколько раз он повторял народу повеления Предвечного о том, кого следует брать в жены, а кого не следует? Сколько раз он возвещал, что увлечение иноплеменными женщинами к добру не приведет?

— Эти законы установлены не Моисеем. Они заповеданы нам Господом, а Моисей — Его уста.

— С этим я не спорю. Я люблю Господа не меньше, чем Моисей, но в отличие от него я строго следую заветам и предписаниям.

— Значит, ты просто перестала любить нашего брата?

— Как ты можешь говорить такое? Разве не я спасла его от фараона, который повелел топить еврейских младенцев? Разве не я постаралась, чтобы он воспитывался в доме Рамсеса? Разве не я во всем поддерживала его в смутные времена исхода, когда многие наши соплеменники выказывали сомнения? Разве не я первой становилась на его сторону, когда народ роптал на него?

— Так что же случилось?

— Я очень люблю нашего брата. И как раз поэтому мне очень обидно, что он не исполняет заветы, которые сам же и утверждал...

— ... по велению Господа...

— ... именно по велению Господа! Нет, ты только посмотри на эту женщину. Еще в Египте я заметила, что она презирает нас. Как же — дочь царя! Но тогда я жалела ее, потому что она осталась в одиночестве и хранила верность нашему брату. Но теперь, когда Моисей стал нашим вождем, ее поведение просто возмутительно.

— Но она никогда никого не задевает и ее присутствие незаметно.

— В том-то и дело, что она ставит себя выше нас и не хочет знаться с нами. А ведь она даже не израильтянка.

— Тут ты права.

— Моисей взял ее в жены, хотя если бы так поступил кто-то другой, наш брат судил бы отступника.

— Моисей — наш пророк. То, что делает он, заповедано Господом. Все его поступки сверены с волей Создателя. Если бы его супружество с эфиоплянкой было неприятно Богу, Моисей немедленно выставил бы ее из шатра. Если бы присутствие Фарбис в стане было неуютно Господу, Моисей бы вывел ее из стана.

— Может быть... Но я вижу, что в последнее время Моисей начал ставить себя выше нас. Он перестал прислушиваться к нашему мнению.

— Потому, что Господь избрал его.

— Но Он избрал и нас!

Аарон как мог пытался образумить Мариам, но она не слушала брата, обрушивая на пророка все новые и новые упреки.

— В Израиле я всегда считалась пророчицей не хуже Моисея. Видел бы ты, как встречают меня на улице женщины из других колен. Когда я иду по стану, каждая из них кланяется мне в пояс и говорит приятные для слуха слова. Они почитают меня как пророчицу.

— Не знаю... — недовольно протянул Аарон. — Возможно, Моисею не следовало ставить себя над нами.

— А ты? Господь назначил тебя своим пророком и поставил тебя главой священников, а это что-нибудь да значит. Неужели ты не можешь прямо сказать Моисею, что он ведет себя неподобающе?

— Но эту женщину, Фарбис, не видно и не слышно.

В это время Моисей подошел к спорящим и уселся рядом с ними.

— Вот твой брат, Моисей, — сказала Мариам, положив руку на грудь Аарону. — Он равен тебе, ибо Предвечный избрал не только тебя, но и его...

— Не гневите Господа, — сказал пророк. — Ваши слова будут неприятны Всевышнему.

В тот же миг над шатром загремел гром и все, кто был внутри, услышали глас Божий:

— Моисей и Аарон, идите к Скинии, дабы я там разрешил ваш спор.

В Скинии на братьев опустился облачный столп:

— Были, есть и будут пророки в Израиле, — услышали Моисей и Аарон голос Создателя, — и им Я открываюсь в снах или в видениях, ибо они пользуются моим доверием. Но только Моисей зрит отблеск Моего истинного облика, и только Моисей имеет право говорить с людьми от Моего имени. Только он способен слышать Мой истинный голос и говорить со Мной не в мире сновидений и гаданий, а наяву. Вы же, несчастные, посмели сомневаться в избранничестве вашего брата!

Вслед за этими словами столп облачный отошел от Скинии.

Вернувшись в шатер, Мариам увидела, что ее тело быстро покрывается проказой.

— Моисей, — закричала она, — спаси меня! Я виновна пред тобой и Господом.

— Господь только что изгнал тебя из стана, — сказал пророк. — Иди, я буду за тебя молиться и просить Предвечного вернуть тебе здоровье.

Моисей выполнил свое обещание и молился за Мариам, а Господь простил сестру пророка, исцелив ее.

Спустя семь дней Мариам было разрешено вернуться в стан.

Разведка в Ханаан

Из земли Хацероф израильтяне, следуя за Ховавом, двинулись в знойную пустыню Форан. После того, как они расположились станом у небольшой речушки, Моисей обратился к ним с речью:

— Господь одарил вас свободой и вскоре приведет в пло-

дородную страну. Сейчас мы подошли к ее границам. Никто не помешает сынам Израиля занять землю своих праотцев. Ханаанские воины не устоят перед израильтянами, а укрепления падут под ударами наших армий. Но мы не должны уповать только на Господа. Мы обязаны быть готовы к кровавым сражениям, ибо никто не отдаст нам Ханаан без боя. Теперь мы вышлем вперед разведчиков, дабы они подтвердили наши знания о плодородии этой страны и выяснили, как охраняются ханаанские города.

Народ с одобрением выслушал Моисея, а старейшины решили выделить из каждого колена по одному разведчику, чьи имена навсегда остались в священных книгах.

— Идите на юг и поднимитесь на гору, — сказал Моисей разведчикам, — Осмотрите землю и познакомьтесь с местными жителями. Узнайте, сильны ли они или нет. Постарайтесь сосчитать, сколько всего людей живет в Ханаане и какова там земля — хороша или худа?

В середине лета, в самое пекло, разведчики прошли по всей земле Ханаанской и через сорок дней вернулись назад. С собой они принесли огромную кисть винограда, каждая ягода которого была величиной со сливу. А еще — гранатовые яблоки и смоквы.

— Мы были в стране, где течет молоко и мед, — сказали разведчики старейшинам. — Моисей был прав, когда вывел нас из Египта. Только уж очень силен народ, который населяет те земли. И реки, которые встретились нам на пути, суть глубоководны и широки. Горы же столь высоки, что нам пришлось обходить их вокруг. А самое главное — в той стране живут необыкновенные люди — исполины, сыны Энаковы. Они так велики, что ни один из сынов Израиля не может сравниться с ними ростом.

Когда о рассказах разведчиков узнали в народе, сыны Израиля изрядно опечалились и возроптали на Моисея и Аарона. От дома к дому ходили возбужденные мужчины, рвали на себе волосы и громко кричали, размахивая кулаками:

— Азazel их бог! — сотрясали воздух негодующие крики толпы. — Лучше бы мы все умерли в Египте! В этой проклятой земле нам уготована смерть от мечей исполинов, а наши жены и дети станут их легкой добычей. Нет смысла нам находиться здесь далее. Убьем Моисея, вернемся в Египет и попросим у египтян прощения.

Услышав такие речи, Моисей и Аарон пытались образумить недовольных, но только распалили их.

Иисус, взобравшись на перевернутую плетеную корзину на базарной площади, обратился к толпе:

— Братья! Вы неправильно поняли речи наших разведчиков. Конечно, реки в Ханаане глубоки, горы высоки и воины сильны. Но это не должно быть препятствием для нашего народа. Мы избраны Господом, и Он не даст нас в обиду ни исполинам, ни другим ханаанским племенам. Он поможет нам разрушить самые крепкие стены и завоевать самые неприступные города. Он не даст нам утонуть в реках и заблудиться в горах... Будьте мужественны, ибо с нами Господь!

Но люди не дослушали Иисуса, сбросив его с корзины и наградив ударами.

Увы, из двенадцати разведчиков, посланных Моисеем, только у одного хватило мужества пойти против толпы и поддержать пророка. Это был Халев, из колена Иуды.

— Что вы делаете, люди! — закричал он, поднимая Иисуса с земли. — Не слушайте боязливых, мы должны идти в Ханаан. Если мы остановимся, Господь покарает нас за нерешительность!

Но мало кто прислушался к этим разумным словам.

— Забросаем Аарона и Моисея камнями! — кричали нечестивцы. — Кто поставил их начальниками над нами? Вернемся в Египет! Там мы будем иметь крышу над головой и хорошую пищу.

То был воистину страшный день! Мои родители боялись выйти на улицу, ибо обезумевшая толпа готова была смести все на своем пути, выкрикивая ужасные угрозы в

адрес Аарона и Моисея. Многие в толпе были вооружены мечами и копьями. Казалось, вот-вот прольется кровь и начнется бессмысленная резня.

Но вот в толпу бесстрашно вошли Моисей и Аарон. Их шитые золотом одежды развевались на ветру, глаза горели гневом, а руки были простерты к небу.

— Несчастные, — закричал Моисей. — Что вы делаете? Не гневите Господа, иначе Он покарает вас и погубит семя Израиля. Вы все умрете, и умрут ваши дети...

Услышав голос пророка, бунтари сникли, и над площадью перед Скинией, и на улицах, отделявших колена Израиля друг от друга, установилась мертвая тишина.

Устами Моисея с народом говорил Творец Вселенной.

Господь сказал Моисею, что разгневан поведением неблагодарных, которые снова и снова идут вопреки воле Того, Который был, есть и будет. И Он предложил Моисею уничтожить народ Израиля, и произвести вместо него новый, начало которому дал бы Моисей.

Но пророку и на этот раз удалось спасти своих соплеменников:

— Господи, — взмолился он, — египтяне и другие племена знают о Твоей силе и то, как Ты заступаешься за Свой народ. Если Ты уничтожишь его, что скажут о Тебе? Прости евреев, ибо они не знают, что творят. Прощал же Ты раньше, будь милосерден и теперь.

И сказал пророку Предвечный:

— Мне хватает той славы, что есть у Меня. И что Мне до людей, которых Я оберегаю и которые не любят Меня. Они забыли, что это Я вывел их из Египта и освободил из рабства. Они забыли, что это Я спас их от фараоновых армий и помог в сражении с Амаликом. Они не помнят, что Я пою и кормлю их... Сколько раз этот народ проклинал Меня? А потому достоин ли он того, чтобы войти в Землю обетованную, где течет молоко и мед? Запомни, Моисей, что в долине на пути в Ханаан вас уже ждут амаликитяне и ханаанеи, жаждущие вашей крови, а потому

вы должны идти обратно в пустыню. И ходить по ней вы будете до тех пор, пока не умрет последний из тех, кто вышел из Египта двадцати лет и старше. И только раб Мой Халев, сын Иефона, и Иисус, сын Навина, увидят Ханаан, ибо они всегда были преданы Мне и никогда не отвращались от Меня. Скитаться по пустыне вам предстоит сорок лет.

Узнав о приговоре Предвечного, народ стал горько раскаиваться в содеянном. Женщины рыдали, мужчины рвали на себе одежды. Даже всегда спокойные и уверенные в себе левиты не могли сдержать слез, ибо рушилась их мечта — увидеть своими глазами сказочный Ханаан¹.

Поистине скорбный день!

Аарон, как мог, пытался утешить израильтян:

— Не плачьте, — говорил он женщинам, — не рвите на себе одежды, — говорил он мужчинам, — радуйтесь, что Господь не отвернулся от вас. Радуйтесь этому, ибо ваши дети и внуки ваши будут жить в Земле обетованной. Господь простил вас, и на ваших детях не лежит проклятия!

Однако израильтяне были безутешны и просили Моисея похлопотать за них перед Господом.

— Господь наказал вас, — строго отвечал Моисей. — Вы смели отречься от Него, и вас настигла заслуженная кара!

Но люди продолжали упорствовать:

— Мы хотим в Ханаан и пойдем туда. Мы не можем ждать сорок лет, когда все мы умрем. Какая нам разница, что будет после нашей смерти?

И народ решил идти в Ханаан, несмотря на строгий запрет Моисея, несмотря даже на то, что он предупредил о засаде, устроенной в долине амаликитянами и ханаанеями.

¹ *Комментарий к Торе* : колено Левия было пощажено. С. 47.

Поражение

Почти сразу за всеобщим унынием израильтяне возликовали великой радостью, охваченные надеждой войти в Ханаан без особых затруднений. Старые воины вытащили свои мечи и копья и, сопровождаемые громкими подбадривающими возгласами женщин, отправились прокладывать дорогу в Землю обетованную.

Аарон приказал всем коленам готовиться к походу, хотя и предвидел, что очень скоро битва будет бесславно окончена. Так и получилось...

Не успело солнце скрыться за горизонтом, как насмерть испуганные, израненные воины вернулись в стан и рассказали, что битва проиграна и все мы, если хотим сохранить свою жизнь, должны быстро сниматься с места и идти обратно в пустыню.

— Мы попали в ловушку, — рассказывал мне позже один из наших горе-воинов. — Враги ожидали нас у входа в долину, куда ведет глубокое узкое ущелье. Стоило нам оказаться в том месте, как с высоких скал на нас полетели камни, стрелы и копья. Мы ничего не смогли сделать, ибо одно дело кидать камни вниз, и совсем другое — вверх. Мы карабкались на скалы, чтобы вступить в бой, но враги с легкостью сбрасывали нас обратно. И когда ущелье наполнила гора трупов, мы поняли, что Господь отвернулся от нас. Мы отступили в пустыню, только чудом уйдя от преследователей.

Когда обессиленные воины вернулись в стан, Моисей приказал немедленно идти вглубь пустыни в сторону Чермного моря, что и было исполнено. После недолгого перехода мы остановились лагерем у места Хорма.

Здесь произошел случай, который запечатлелся у меня в памяти, хотя мне к тому времени едва минуло семь лет.

Перед нашим шатром на базарной площади судили одного человека, который в субботу посмел собирать дрова. Этим разбирательством занимались Моисей и Аарон, хотя

в последнее время дела подобного рода легли на плечи тысяченачальников.

— Уже не раз, — сказал Моисей, восседая на троне перед Скинией, — мы говорили в народе, что святость субботы нерушима, а нарушители ее должны быть немедленно преданы смерти. Этот человек посмел нарушить Завет и собирать дрова в заповедный день. Неужели жалкая вязанка дров дороже ему, чем Господь, который любит нас. Из-за таких людей Всевышний отвернулся от нас и не дал нам войти в Ханаан. Что мы должны делать с этим человеком?

Толпа вокруг негодуяще загудела, требуя немедленно предать провинившегося смерти.

— Казним его, — кричали евреи, — из-за него мы лишились Ханаана.

— Мы должны его выслушать, — сказал Аарон.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросил Моисей у провинившегося, который был привязан к столбу.

— Я должен был разжечь очаг, — ответил тот, — чтобы приготовить пищу, ибо даже в субботу мне хочется есть, и я ничего не могу с этим поделать.

И тогда Моисей, поднявшись во весь свой могучий рост, сказал:

— Да будет предан смерти этот нечестивый отступник. Его главный грех в том, что он не считает свой поступок тяжким грехом. Именно такие люди точат колена Израилевы, как вода камень. Сегодня этот человек собирал в субботу дрова, завтра кто-нибудь из нас решит сработать себе деревянные сандалии, объясняя это тем, что не может ходить босиком, послезавтра все забудут о святой субботе. Складывая из кирпичей греха пирамиду, мы в конце концов похороним в ней народ Израиля. А посему этого негодного человека надо вывести за стан и там побить камнями.

Толпа приветствовала решение Моисея радостными криками...

КНИГА ТРЕТЬЯ
Годы странствий

Восстание Корея

Т

еперь я должен перейти к рассказу о некоем Корее, нашем родственнике, который возвел хулу на Моисея, за что Предвечный наказал и его, и его многочисленное семейство.

Однажды Дафана и Авирама, сынов Елиава из колена Рувимова, обуяла гордыня и зависть, и они стали говорить против левитов, а значит, и против Господа.

Они пили вино и вели беседы с Кореем, сыном Ицгара:

— Корея, ты хоть и левит, а хороший человек. Ты — такой же, как мы: лишен того, что тебе принадлежит по праву.

— Я вас не понимаю, Дафан и Авирам. У меня все есть, о чем может мечтать каждый...

— Мы — из колена Рувима. Рувим был старшим сыном Иакова, а, как тебе известно, права первородства никто не отменял!

— Но я из левитов.

— Ты из левитов, но всегда понимал наши беды. Скажи: почему мы, вместо того, чтобы по праву старшинства находиться во главе стана и руководить народом, уступили место левитам? Разве это справедливо?

— Но так повелел Господь, — робко возразил братьям Корея. — Грех противиться воле Господа.

— Нет. Так говорит не Господь, но всего лишь Моисей. Почему же мы должны ему верить? Он говорит, что только ему Господь доверяет, что только он избран. Еще он говорит, что его устами с нами разговаривает Предвечный. Но где доказательства?

— Их бесчисленное множество.

— Весьма и весьма странные доказательства... Вспомни велеречивые рассказы о его встречах с фараоном... Ну и что с того? Он всего-навсего показал Мернепте фокусы, которые доступны любому, кто знаком с магией.

— В таком случае, как вы объясните, что воды египетские превратились в кровь?

— Ты уверен, Корей, что это была именно кровь?

— А что же еще?

— Это была красная глина, которую иногда смывает из эфиопских озер в Нил. Она смешалась с водой, и получилось нечто, похожее на кровь. Но не кровь!

— А вредоносные насекомые, которыми Господь наказал египтян?

— Здесь тоже нет ничего необычного. Столетиями египтяне страдали от комаров и песьих мух... И град бывал до Моисея. Такой град, что выбивал все посевы в Египте... И задолго до появления пророка саранча нападала на Египет и уничтожала весь урожай... И огромные тучи песка ложились на страну, закрывая солнце так, что днем становилось темно, как ночью!

— А смерть первенцев?

— Неужели тебе мало наших объяснений? Хорошо, будь по-твоему, мы согласны, что Господь наказал неуступчивых египтян и взял к себе их первенцев. Но при чем тут Моисей?

— Моисей — пророк. Он действовал согласно Божьей воле, и Господь через Моисея освободил евреев из египетского плена.

— Опять ты за свое. Получается, что не Господь освободил нас, а твой дальний родственник?

— Моисей вел нас по пустыне. Он обеспечивал нас пищей и водой. Он защитил нас от диких племен пустыни.

— Да в чем же его заслуга? Он шел впереди колонны и отдавал приказы во время битвы. Но это мог сделать и любой другой еврей. Например, ты! И манной одарил нас

Господь, а никак не Моисей. Пойди, попроси у Моисея пищи. Он скажет, чтобы ты не роптал на Господа и убирался подобру-поздорову. Запомни: манной нас одарил Господь! Так почему мы должны благодарить за это Моисея?

— Мы благодарим Господа.

— А перепела, которых во время каждой молитвы вспоминают священники? Во все времена они летают над пустынями, а утомившись, садятся на песок, чтобы восстановить свои силы. Просто так получилось, что они сели отдохнуть рядом с нашим лагерем.

— Просто так?

— Хорошо, будь по-твоему. Их направлял Господь, чтобы накормить Свой народ. Но вслушайся в наши слова: их направлял Господь, а не Моисей. Кстати, и сам Моисей, и Аарон этого не отрицают.

— Да, но...

— А горькая вода из источника? Неужели, если бы не Моисей, а кто-нибудь из стана бросил в нее ветки, она не стала бы сладкой?

— Не знаю.

— А мы знаем. Потому что пробовали, и у нас получилось!

— Хорошо, допустим, вы правы, и Моисей захватил себе власть без достаточных оснований. Что из этого следует?

— Мы предлагаем прямо спросить у него: кто дал ему право управлять народом? Кто разрешил ему судить нас? Почему он выносит решения, не посоветовавшись с народом?

— А что до этого мне?

— Ты обделен больше всех. Ты должен был как левит быть первосвященником, а вместо этого ты всего лишь служишь при Скинии.

— Но меня это устраивает.

— Тебе это нравится сегодня. Но поверь нам, дорогой Корей, завтра пропасть между коленами будет увеличиваться. Семейка Аарона станет всем, а остальные левиты — ничем!

Собрав друзей и родственников, числом двести пятьдесят человек, Корей, Дафан и Авирам потребовали общего сбора, на котором стали произносить неподобающие речи.

— Почему мы терпим владычество Моисея и Аарона? — вопрошали они. — Довольно! Кто поставил их начальниками над нами? Они такие же израильтяне, как и мы. Так почему они вознесли себя превыше всех остальных? И почему Аарон и его потомки выделили себя из колен Израилевых? Они уверяют, будто лишь они одни могут быть первосвященниками и общаться с Предвечным, а другие якобы к этому не способны. Хотя Рувим был родоначальником не хуже Левия, но его потомки весьма обделены, разве это справедливо?

— Я не понимаю тебя, Корей, — сказал Моисей. — Ты — левит и избран для служения в Скинии. Чего же тебе еще надо?

— Я хочу, чтобы все колена Израилевы были равны пред Господом, и не могу поверить, что только Аарон и его дети могут быть первосвященниками. Почему этого права лишены другие колена? Почему никто из колена Рувима не может стать первосвященником, если они имеют к тому желание и способности? Чем коганы лучше их?

— Это не моя прихоть, Корей, — возразил пророк. — Господь избрал меня и Аарона, и мы только подчинились Его воле. Если бы Предвечный назначил Своим пророком рувимлянина, я бы с радостью воспринял эту весть, ибо любое слово Господа — радость.

— Это ты так говоришь. Но нам Он ничего не сказал. А с какой стати я должен тебе верить? Ты обещал привести нас в страну, где течет молоко и мед, и где эта страна? Вместо того, чтобы наслаждаться ее дарами, мы как не-

прикаянные бродим по пустыне, страдая от жажды, голода и нападаний кровожадных племен. Честно говоря, я готов отказаться от сказочной страны, о которой ты все время твердишь, ради маленького клочка земли с крохотным виноградником... И вообще, в народе давно ходит слух, что ты не из левитов, а всего лишь из колена Ефремова.

— Если ты сомневаешься в моих словах, пусть принесут твои друзья и ты кадильницы к Скинии, каждый по одной, и всыпят в них благовонные курения. Господь отделит нечестивое от праведного.

— Нет. Мы не верим твоему суду, — сказал Корея. — Пусть другие слушают твои речи. Мне они не интересны. Ты опять устроишь один из тех фокусов, которые во множестве показывал фараону.

Весь день по стану ходили люди с мутными от ненависти глазами и выкрикивали проклятия в адрес Моисея и Аарона. Они наносили побои попавшимся под руку ни в чем неповинным левитам и, скрежеща зубами, обещали установить справедливый порядок.

Затем двести пятьдесят мужей, поддержавших Корея, принесли свои кадильницы, развели в них огонь и встали у Скинии в ожидании Господнего суда.

И тогда Моисей и Аарон отошли от смутьянов. Любопытным израильтянам, собравшимся посмотреть, чем все закончится, братья сказали:

— Люди, отойдите от Корея, Дафана и Авирама и к жилищам их не приближайтесь, ибо Творец жестоко наказует их сегодня. И не прикасайтесь к их вещам, чтобы не погибнуть вместе с ними.

Не успели прозвучать последние слова, как случилось нечто, до сих пор вызывающее дрожь у всех, бывших тому свидетелями.

Из-под земли донесся ужасный трубный гул. Почва начала трескаться, словно яичная скорлупа, и разверзлась под семействами Корея, Дафана и Авирама, которые мед-

ленно валились вниз, в преисподнюю. Земля поглотила их дома, и их самих, и их скот, и их имущество.

А через несколько мгновений земная кора вернулась на свое место и закрылась над смутьянами, как будто не было ничего на том месте.

Но еще долго из-под земли слышались крики о пощаде и целых три месяца ночами по стану разносился глухой голос Корея:

— Да будет славен наш Господь! Да святится имя Его!..

В тот же день с небес сошло яркое огнедышащее облако и накрыло тех несчастных, которые посмели поддержать смутьянов и противопоставить себя Моисею и Аарону. Десятки обгоревших тел покрывали стан и смердели так, что нечем было дышать.

И возвестил Господь пророку:

— Скажи Елеазару, сыну Аарона, пусть он соберет кадиланицы сожженных и потушит их, ибо огонь в них был разведен неправедно. Затем пусть разобьет их в листы для покрытия жертвенников в память сынам Израилевым, чтобы не приступал человек посторонний, который не из семейства Ааронова, воскуривать курение пред Господом и не сбилось с ним то же, что с Кореем и его сообщниками.

Однако даже страшные казни не утихомирили строптивцев, и уже на следующий день много людей собралось, говоря неразумные речи:

— Из-за Моисея и Аарона погибли люди, виновные лишь в том, что осмелились спорить с братьями. Кто поставил их начальниками над нами? Почему они на слова отвечают убийством?

— Это не мы отвечаем убийством на слова, — говорил Аарон. — Это Господь карает неразумных. Не гневите Его, ибо Его гнев страшен! Немедленно расходитесь, иначе произойдет нечто, о чем мне не хочется даже думать.

Аарон взял кадиланицу, положил в нее огонь с жерт-

венника и поспешил к обществу. Однако не успел он дойти до собрания, как Господь начал поражение нечестивцев.

И тогда, размахивая кадилом, Аарон смело шагнул в бурлящую толпу и встал между живыми и умирающими.

В тот день умерло четырнадцать тысяч семьсот человек, и только своевременное вмешательство Аарона предотвратило еще большие жертвы.

Увидев, что Господь прекратил поражение строптивых, Аарон вернулся в Скинию, где его ожидал Моисей:

— В народе растет недоверие к нам, — сказал пророк, — а потому, чтобы избежать новых жертв, мы должны преодолеть всякий разброд в стане израильтян. Для этого ты пойди в стан и возьми каждого колена по жезлу, всего двенадцать. Напиши на каждом родовое имя. Утром жезл с твоим именем покроется цветами, и это — знак Господень.

Моисей сообщил о своем решении старейшинам. Те одобрили его, понимая, что обществу как воздух необходим мир:

— Да будет так. Тот, чей жезл покроется цветами, будет первосвященником, ибо это укажет на его богоизбранность.

— Иначе нельзя, ибо пока люди не увидят указания Господа, в народе всегда будут ходить слухи, что Моисей никакой не пророк, а самозванец, который присвоил себе и своим родственникам священство.

— Пусть будет так!

На следующее утро, как и следовало ожидать, из двенадцати жезлов только на Аароновом распустились цветы. Все остальные жезлы остались безжизненными.

И тогда вынес Моисей жезлы из Скинии и показал их народу. Израильтяне в смирении склонили головы перед пророком, признавая, отныне и до скончания веков, его правоту...

Стоянка в Кадесе

Вслед за этими печальными событиями облако поднялось над Скинией и двинулось в сторону пустыни Син, а вслед за ним последовал и Израиль. Мы шли несколько дней, часто останавливаясь на привал. Когда облако замерло в месте Кадес, никто еще не ведал, что здесь будет наша самая длительная стоянка по пути в Землю обетованную. Наши умельцы быстро установили Скинию на новом месте, а вокруг нее вскоре возник целый город из шатров. Наша семья жила рядом со Скинией, и я имел возможность часто видеть Моисея и беседовать с ним.

Первые месяцы в Кадесе прошли в ожидании похода на Ханаан, но огненный столп продолжал стоять над Скинией, освещая прилегающую территорию и днем и ночью, а потому никто не смел и помыслить о том, чтобы собираться в дорогу.

Кадес был не самым лучшим местом в пустыне. Но и не самым худшим. Красно-коричневая почва при тщательной обработке давала неплохой урожай пшеницы и ржи, а колена, расположившиеся по краям стана, смогли высадить и вырастить виноградники на склонах окрестных гор.

И хотя каждый знал, что Кадес — всего лишь временное пристанище перед последним броском на Ханаан, лагерь постепенно превращался в постоянное обиталище.

Здесь молились Богу, благодаря Его за то, что Он вывел нас из рабства и сделал свободным народом.

Здесь рождались и умирали. Здесь женились и выходили замуж. Словом, мечтая о благословенном Ханаане, занимались обычными повседневными делами.

Как я уже говорил, мне по праву рождения предстояло в далеком будущем занять место первосвященника, и когда я был маленьким, очень этим гордился. Моей любимой детской игрой было ходить вокруг «жертвенника», который

я соорудил из камешков, напевая и бормоча, как это делал дедушка Аарон. При этом я водружал на голову и руку некое подобие тфилина¹ из обрывков каких-то веревочек.

Случайно заметив мои забавы, Моисей выразил неудовольствие. Ему показалось, что в моих действиях проглядывает неуважение к священным обрядам.

— Твои действия противны Господу, — сказал пророк, — ибо есть вещи, над которыми нельзя смеяться.

— Я вовсе не смеюсь, дедушка Моисей, — со слезами на глазах лепетал я, оправдываясь. — Я только играю в священника. А разве священник входит в Скинию без тфилина?

— Это плохая игра, — отрезал Моисей. — Все твои сверстники играют в войну с амаликитянами. Повозись лучше с ними.

— Но я не умею играть в войну.

— Выйди из шатра — научишься...

После этого разговора я часто играл с соседскими детьми в войну с амаликитянами. У меня был замечательный деревянный меч и щит, оплетенный виноградной лозой, и я чувствовал себя настоящим воином.

Но когда мне по жребию приходилось изображать из себя злобного и трусливого амаликитянина, а другие мальчишки становились непобедимыми и легендарными израильскими бойцами — с криком «Аллилуйя» брали меня в плен, я не особенно усердствовал в битве. Ибо, если бы я победил соседских ребят — «еврейских воинов», — я нарушил бы ход истории, а это противоречило правилам игры.

Я часто приходил домой в синяках, и бабушка Елисавета, отмывая меня от грязи и прикладывая к царапинам ле-

¹ Тфилин — кожаные коробочки кубической формы с вложенными в них кусками пергамента, на которых написаны четыре отрывка из Торы. Одна такая коробочка при молитве возлагается на голову — тфил шель рош, другая — на руку — тфилин шель яд.

карственные травы, укоризненно качала головой и грозилась пожаловаться на меня родителям, которые всегда старались оградить меня от общения с детьми из других колен.

За нашими «битвами» частенько наблюдал Аарон, с задумчивым видом сидевший на камне у нашего шатра. Мне кажется, он уже тогда предчувствовал, что ему не удастся увидеть Ханаан.

Пока дети гонялись друг за другом, воинственно размахивая деревянными мечами и поднимая клубы пыли, взрослые налаживали жизнь в стане. Площадь перед Скинией с каждым днем принимала все больше и больше торговцев и менял, гончары под открытым небом лепили прекрасные кувшины для вина и родниковой воды, а художники разрисовали их изумительными узорами.

Наш лагерь с высоты окрестных гор походил на растревоженный муравейник. Всю неделю с раннего утра до позднего вечера Кадес хлопотал и суетился, затихая только к субботе.

И вот однажды, когда я в очередной раз вернулся с «битвы с амаликитянами», бабушка Мариам, зайдя к нам в гости, строго сказала, глядя мне в глаза:

— Внук, мои братья Моисей и Аарон ждут тебя во дворе Скинии.

Я подумал было, что сейчас мне влетит за мои игры, но Мариам поспешила меня успокоить:

— Этот день ты запомнишь на всю жизнь, — сказала она. — Сегодня заканчивается твое детство. Ты вступаешь во взрослую жизнь...

Отмытый и наряженный в лучшие одежды, я направился к Скинии, где меня ждали Аарон и Моисей.

Когда я миновал ворота, то увидел Моисея, сидящего на высоком троне, вытесанном из гранита. Рядом, опираясь на посох, стоял Аарон. Братья смотрели на меня так внимательно, что мне стало немного не по себе.

— Финеес, — наконец нарушил молчание Моисей, — Уверен, что ты поймешь всю ответственность нынешнего момента, ибо сегодня ты прощаешься с детством...

— Мне об этом уже сказала Мариам.

— Не перебивай старших... Сейчас, Финеес, и здесь решается и твоя судьба и, кто знает, судьба всего народа. Очень многое зависит от того, кто станет первосвященником после нас и наших детей. Ты — один из претендентов, и, может быть, один из самых вероятных. Аарон несколько месяцев наблюдал за тобой и сказал, что из тебя может получиться наш достойный преемник. А первосвященник для нашего народа — это и царь, и пророк, и судия, и военачальник.

— Ты можешь стать одним из немногих в истории нашего народа, кто войдет в Святая Святых...

— А что находится в «Святая Святых»? — полюбопытствовал я.

— Там Господь, — удивленно вскинул взгляд Аарон. — А разве ты не знаешь?

Я благоразумно промолчал.

— Ты должен учиться, Финеес, — сказал Моисей. — Ты должен знать все обо всем и обо всех.

— Я и так много знаю, — хвастливо произнес я.

— Никогда не говори так, — строго молвил Моисей. — Знаний никогда не бывает слишком много. Особенно для первосвященника. Ты должен постоянно накапливать знания, ибо этого хочет Господь. Ведь ты когда-нибудь будешь служить Ему.

— И вести к Нему народ, — подхватил Аарон.

И с тех пор в течение очень длительного времени меня готовили к самой главной и самой ответственной стезе Из-

раиля. Каждое утро после трапезы, любовно приготовленной бабушкой Елисаветой, я, облачившись в чистые одежды, шел в Скинию, где мудрейшие мужи — старейшины колен и священники — учили меня искусствам, без которых невозможно общение как с Господом, так и с простыми людьми.

Первые занятия со мной проводил сам Моисей. Даже рассказывая о самых простых вещах, он вызывал у меня одновременно чувства страха и благоговения. Он становился передо мной во весь свой могучий рост, в его руках сверкал драгоценными камнями посох, и голосом, который, казалось, проникал в самое сердце, пророк говорил мне о сотворении мира.

— В начале сотворил Бог небо и землю, — гремел Моисей. — Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь...¹

Моисей говорил, и его завораживающий голос приковывал, повергая слушателя в восторг и ужас.

«Господи, — думал я тогда, — лишь бы он на меня не рассердился. Если он такой грозный в спокойствии, что будет, если он прогневаётся...»

Моисей говорил короткими, тяжеловесными и очень понятными фразами, и волосы у меня на голове вставали дыбом:

— И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божьему сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и вла-

¹ Быт., 1 : 1-7.

детельствуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле...¹

У меня в голове возникали мрачные картины: солнце закрыто тучами, холодный пронизывающий ветер, согнутые под тяжким бременем собственной вины Адам и Ева покидают рай. Они входят в грешную жизнь, полную опасностей и невзгод. Адам и Ева знают об этом, как знают и о том, что Господь забрал назад обещание вечной жизни. Теперь они смертны, и их смерть может наступить в любую минуту...

Моисей рассказывал мне историю еврейского народа, и я понимал, что такого учителя, как у меня, не будет больше ни у кого и никогда.

Моим образованием занимался и Аарон. Он также говорил со мной о том, как раньше жили люди, какие события запечатлелись в памяти народа...

Его медовый голос проникал ко мне под кожу, и я чувствовал, что опьянен рассказами деда. Я ясно видел перед собой то, о чем слышал от Аарона.

Передо мной безбрежное море. Яркое солнце освещает одинокий ковчег, лежащий днищем на единственном клочке высокой горы Арарат. На носу ковчега стоит белобородый старик Ной и смотрит вверх. И вот из облаков появляется гочка. Она приближается, и Ной видит, что это голубь, выпущенный им несколько дней назад.

В клюве голубя — лист масличного дерева...

Аарон поведал мне много историй, которые я теперь рассказываю своим внукам и правнукам, и, надеюсь, те не забудут их поведать своим потомкам.

Кроме Моисея и Аарона, со мной занимались многие мудрые люди нашего стана. Но они не были вооружены

¹ Быт., 1 : 27-28.

божественным вдохновением, и их уроки не шли ни в какое сравнение с рассказами Аарона и Моисея.

— Когда у кого появится на коже тела его опухоль, или лишай, или пятно, и на коже тела его сделается как бы язва проказы, то должно его привести к священнику, — говорил мне один из мудрецов. — Священник осмотрит язву на коже тела, и если волосы на язве изменились в белые, и язва оказывается углубленною в кожу тела его, то это язва проказы; священник, осмотрев его, объявит его нечистым... А если на коже тела его пятно белое, но оно не окажется углубленным в кожу, и волосы на нем не изменились в белые, то священник имеющего язву должен заключить на семь дней... В седьмой день священник осмотрит его, и если язва остается в своем виде и не распространяется язва по коже, то священник должен заключить его на другие семь дней...¹

Рассказы о проказе и других поражениях из уст старейшины одного из колен звучали так скучно, что я чуть было не заснул, за что получил нагоняй от деда.

— Ты обязан уважать старших, — говорил Аарон. — Спору нет, этот учитель не очень искусен в речах. Но он по-настоящему мудр и многоопытен, и ты должен уметь заставить себя увидеть полезное в скучном, ибо в этом заключается великое умение учиться...

Тем временем народ жил своей обычной жизнью. За все время стоянки в Кадесе на нас, к счастью, не было совершено ни одного нападения. То ли враждебные племена пустыни опасались наших воинов, то ли они по тем или иным причинам проходили мимо нашего стана.

Здесь же, в пустыне Син выросло новое поколение, которое не знало рабства. Эти молодые люди только внешне были похожи на своих отцов.

В их темных глазах не было страха. Они боялись толь-

¹ Лев., 13 : 2—5.

ко Всевышнего и очень ценили свободу, считая ее не завоеванием, а даром Божьим. Этот народ — новый народ — совершенно не походил на тех, кто когда-то жил в Египте и гнул спину на строительных работах.

Эти люди ходили прямо, смотрели в глаза собеседника, не отводя взгляда, говорили громко, но всегда выслушивали собеседника и умели понять и принять его доводы.

Мой отец Елеазар часто говорил, что рабские оковы были не на ногах евреев, а в их головах. И он был совершенно прав, что было особенно заметно при общении с новым поколением, почти полностью освобожденным от духовного рабства.

К сожалению, вышедшие из Египта так и не смогли победить в себе рабов, хотя при любом удобном случае повторяли, что они свободные люди.

Кроме учения о Боге и истории нашего народа, Моисей и Аарон научили меня владеть не деревянным, а настоящим оружием.

— Бог всегда поможет тебе, если ты прав, — говорил мне Моисей, — но все-таки ты должен уметь владеть мечом.

— Это искусство не раз помогало Моисею, — сказал Аарон. — Вспомни мой рассказ о битве египтян с эфиоплянами...

Я знал, что Моисей всегда успешно воевал против врагов Израиля. Но я не думал, что пророк до сих пор сохранил эти навыки. Он ловко обращался с мечом и щитом, крепко держал в руке копье и метко стрелял из лука. Думаю, даже в те времена он мог одолеть любого воина из нашего стана.

В течение нескольких месяцев после каждой полуден-

ной трапезы Моисей учил меня владению оружием, и я с удовольствием внимал его наставлениям. Беря в руки меч, Моисей из пророка в миг превращался в простого израильского воина, бесстрашного, но и рассудительного. Мне казалось, что он видел перед собой воображаемого противника и сотни раз поражал его мечом.

Он, как юноша, носился по двору Скинии, коля и рубя неприятеля. Иногда мне становилось страшно, ибо я боялся попасть под горячую руку, но потом я понял, что Моисей всего лишь пытается пробудить во мне бойцовский дух, который всегда помогал ему в сражениях.

Помимо описанных, меня обучали и другим наукам и искусствам, что соответствовало пониманию братьев моей роли в будущем народа Израиля. Лучшие мастера стана обучали меня своим ремеслам.

Я научился лепить и обжигать кувшины, производить вино подходящей крепости и вкуса.

— Вино есть то, что доставляет тебе удовольствие, но может и несчастье... Я мог бы привести много тому примеров, — говорил мне Моисей, — но, думаю, довольно простой просьбы, чтобы ты всегда знал границу и не переходил ее.

Единственное дело, которое я так и не смог освоить — это роспись красками кувшинов, горшков, да и всего прочего.

То, что без труда давалось другим юношам, расписывающим подходящие поверхности с изяществом и легкостью, для меня было самой страшной тайной. Почему те же краски и те же кисти в моих руках превращались в чудовище, изрыгающее из себя картины, способные привести в ужас маленьких детей? Почему, проводя больше, чем другие, времени в упражнениях, я не мог достичь и десятой доли того, чему обучились другие отроки?

— Похоже, Бог не хочет, чтобы ты брал в руки кисти и

краски, — сказал мне однажды Моисей. — Думаю, рисовать тебе не стоит...

Я не переживал по этому поводу, ибо в душе был полностью согласен с пророком.

Смерть Мариам

В Кадесе после долгой болезни скончалась Мариам-пророчица.

Это женщина была частью Моисея, ибо без нее не было бы пророка: когда-то она спасла его от фараона и всю жизнь находилась подле него, помогая во всех его начинаниях.

У Мариам было обостренное чувство справедливости, и поэтому, не жалея ни сил, ни времени, она помогала Моисею, когда он готовил евреев к исходу. Я помню, как она от заката до заката ходила от одного дома к другому и, где песнями, где нравочениями, убеждала людей в необходимости покончить с рабством.

Кстати, песни, которые сочинила Мариам, до сих пор живут в нашем народе, и люди, собираясь и исполняя их по разным поводам, часто поминают мою бабушку добрым словом.

Я уверен, что именно чувство справедливости толкнуло Мариам на противоборство с Моисеем. Она искренне заблуждалась и не могла не поделиться этим заблуждением с Аароном, полагая, что избрана Господом наравне с младшим братом. Сравнительная легкость наказания, которому подверг Мариам Господь, очевидно, лишний раз доказывает, что Он не гневался на нее, а только хотел указать на неправоту. Напомню, что Предвечный поразил ее проказой, которая быстро исчезла, и на семь дней удалил Мариам из стана, чтобы она могла осмыслить свое непослушание и раскаяться.

Позже Мариам рассказывала мне, что эти семь дней

явились переломными в ее жизни, ибо именно в изгнании она поняла истинное предназначение Моисея, и потому — свое собственное. Она говорила, что с тех пор точно знает, что ее место — сестры пророка.

Мариам умерла, когда ей было от роду около ста тридцати семи лет.

Моисей добывает воду из скалы

Жизнь в Кадесе текла размеренно и строго, пока однажды не пересох ручей, питавший стан. Это произвело гнетущее впечатление на народ, постепенно привыкший к оседлой, спокойной и почти сытой жизни. В течение тридцати семи лет люди работали, рождались, умирали, воспитывали детей и молились Богу. Однако искренность их чувств мало-помалу заменялась привычкой, что совершенно недопустимо в делах веры...

Ропот прошел среди сынов Израиля, которые стали вспоминать бывшую страну обитания, наивно полагая, что тоскуют по мнимым египетским благостям, а не по ушедшей молодости.

Старики и старухи собрались на площади и, заливаясь слезами, корили Моисея:

— Зачем ты вывел нас из Египта? Там у нас было все и бесплатно! Мы ели рыбу, овощи, фрукты. Там было вдоволь пресной воды...

— Но вы были рабами, — укорял их Аарон. — Ваши тела и души принадлежали египтянам, а не Господу...

— Мы так не думаем, — говорили бывшие рабы. — Мы работали не за страх, а за совесть. Нам нравилось строить плотины и возводить пирамиды, которые весьма красивы и привлекательны для взгляда. Мы мало ели, нас били палками злые надсмотрщики, но мы знали, что наш труд

не пропадет даром... А еще у нас всегда была вода, и мы могли пить столько, сколько нам хочется...

Предвечный, услышав мольбы Израиля, сказал Моисею:

— Собери народ и веди его к скале, где скажешь ей, чтобы она дала вам воду.

Моисей исполнил повеления Господа, однако, гневаясь на соплеменников, дважды ударил жезлом о скалу, вместо того, чтобы ограничиться словесной просьбой.

После удара жезлом из скалы хлынул поток воды; люди утолили жажду, напоили скот и, набрав сосуды впрок, разошлись по домам.

Однако послушание дорого обошлось братьям, ибо Господь сурово наказал их:

— Ты, Моисей, и ты, Аарон, не поверили Моему слову и нарушили Мое указание. Моисей не должен был ударять жезлом о скалу, а лишь ограничиться словом. И еще — вы недостаточно славили меня, являя народу чудо. Поэтому вы не войдете со своим народом в Ханаан.

Смерть Аарона

Из пустыни Син общество Израиля отправилось в Землю обетованную. Наш путь лежал через владения царя Едомского, который приходился нашему племени дальним родственником. Моисей послал к царю послов:

— Просим тебя пропустить нас через твою страну, — говорили послы царю. — Мы много претерпели в Египте, и Господь вывел нас оттуда. Мы долго скитались по пустыням и теперь хотим пройти через твое царство, ибо наша цель — Ханаан. Мы будем идти утоптаннами тропами, дабы не повредить полей, пастбищ и виноградников.

Однако царь Едомский не внял просьбе Моисея и запретил евреям идти по своей земле.

— Мы будем платить за воду, — убеждали послы. — Каждая капля воды, которую ты потеряешь, нами будет оплачена по самой высокой цене.

— Нет, — ответил царь послам. — И если Моисей нарушит мой запрет, я буду воевать против вашего народа.

Моисей решил не ввязываться в войну, справедливо полагая, что владения несговорчивого царя можно без большого ущерба просто обойти стороной.

После нескольких дней пути израильтяне подошли к двуконечной горе Ор, где Господь сказал Моисею и Аарону:

— Простись со своим народом, Аарон, ибо твой час близок.

Моисей и Аарон отправились на гору, а с ними — мой отец Елеазар. Там и умер мой дед в объятиях Елеазара и Моисея. Величественная гора стала достойным местом смерти такого замечательного человека. С горы Ор можно было увидеть Ханаан, и Аарон умер, бросив последний взор на Землю обетованную. Ко дню смерти ему исполнилось сто двадцать три года от роду.

Первосвященник, основоположник рода священников, Аарон навсегда остался в народной памяти как любящий мир и стремящийся к нему. Иногда Аарону приходилось выжигать каленым железом пороки, но в сердце Израиля он живет как человек, который понимал простого еврея и всегда переживал за любого сына Израиля.

Не раз он подтверждал свою отвагу и мужество, убеждая в своей правоте неразумных или колеблющихся — но не мечом, а мудрым словом. Не раз он, безоружный, стоял перед вооруженными евреями, готовыми убить своего первосвященника. Но всегда физическая сила отступала перед силой духа.

Мне кажется, что деда сломила и ускорила его кончину гибель любимых сыновей Надава и Авиуда.

Дядя Надав и дядя Авиуд любили меня, и мне казалось, что они люди весьма добрые и щедрые.

Нередко они засиживались в нашем шатре за кувшином вина, ведя споры о том, почему Господь избрал Своим народом именно евреев, а не египтян или, скажем, амаликитян.

— Это потому, что Господь увидел, что именно еврейская мать родила такого замечательного человека, как наш дядя Моисей, — говорил Надав.

— Ты хочешь сказать, что, если бы Моисей был амаликитянином, Предвечный избрал бы амаликитян Своим народом?

— Нет, совсем не это. Наверно, евреи на протяжении многих веков молились усердней других народов, и Господь заставил Моисея родиться именно у еврейской матери.

— И не только это. Другие народы понавыдумывали себе других богов и молились им, вместо того, чтобы чтить истинного Творца Вселенной...

В таких спорах у кувшина с вином проходили многие вечера в нашем шатре.

Но однажды, когда народ праздновал пасхальную неделю, Надав и Авиуд, изрядно выпив вина, отправились в Скинию, едва держась на ногах. Елисавета пыталась остановить их, но тщетно:

— Мы все понимаем, все видим и не заблудимся. А то, что мы не все можем сделать, так то — временно. Пройдет время, и мы снова твердо встанем на ноги...

— Не ходите в Скинию, — умоляла Елисавета. — В конце концов, Бог простит вам, если вы не придете на службу. А огонь могут развести и без вас. Я попрошу вашего отца, он сделает это...

— Нет. Мы — сами!

Взявшись под руки, братья отправились к Скинии.

Там они взяли каждый свою кадильницу и положили в них огонь. Затем вложили внутрь благовония.

Далее они должны были внести незатухающий огонь, который поддерживался первосвященниками, то есть огонь, дарованный Господом.

Однако они решили воспользоваться другим огнем, тем, который горел тут же у Скинии.

И в тот миг, когда язычок пламени коснулся благовоний, пламя набросилось на братьев и стало пожирать их!

— На помощь! Спасите! — завопили Надав и Авиуд. — Мы горим!

Они, как безумные, метались по Скинии, издавая нечеловеческие крики и полыхая, словно факелы. Потом Надав, а вслед за ним и Авиуд рухнули на землю и затихли. Они были мертвы.

Свидетелями того были Моисей, Аарон и еще несколько левитов, оказавшихся в Скинии.

— Вот о чем говорил Господь, — сказал Моисей, указывая на мертвых братьев. — Он говорил: в приближающихся ко Мне освящусь и пред всем народом прославлюсь!

В глазах Аарона стояли слезы, но он ничего не ответил.

Моисей позвал Мисаила и Елцафана, сыновей Узиила, и сказал им:

— Пойдите, вынесите Надава и Авиуда за стан и похороните их.

Затем Моисей обратился к Аарону и его сыновьям, Елеазару, моему отцу, и Ифамару:

— Вы не должны горевать и убиваться из-за смерти Надава и Авиуда, ибо они согрешили пред Господом. Если вы обнажите голову и начнете раздирать на себе одежды, вас и народ ваш постигнет участь Надава и Авиуда. Однако Господь разрешает вашим родственникам, друзьям и прочим плакать о сожженных. Вы же оставайтесь в Скинии до тех пор, пока Господь не разрешит вам ее покинуть, ибо вы избранники Господа.

Когда несчастный отец остался в Скинии один, он услышал голос Творца:

— Вина и крепких напитков не пей ни ты, ни сыны твои перед тем, как войти в Скинию. Ты видел, что случилось с твоими сыновьями, которые злоупотребили вином перед службой. И это вечное постановление вашим потомкам, ибо пьяница не может отличить грешное от праведного. А еще не сможет донести слово Божие до паствы¹.

Вслед за этим Моисей сказал Аарону и оставшимся его сыновьям Елеазару и Ифамару:

— Возьмите приношение хлебное, оставшееся от жертв Господних, и ешьте его пресное у жертвенника: ибо это великая святыня. И ешьте его на святом месте; ибо этот участок твой и участок сынов твоих из жертв Господних, так мне повелено от Господа².

...Когда Моисей и Елеазар сошли с горы, народ понял, что Аарон умер. Весь Израиль горько оплакивал его на протяжении тридцати дней.

Проводя обряд, Елеазар впервые облачился в одежды Аарона.

В нашей семье смерть Аарона ощущалась особенно остро, ибо он был для нас прежде всего не первосвященником, но самым близким и дорогим человеком. Удар был тем сильнее, что прошло всего четыре месяца с тех пор, как умерла наша бабушка Мариам.

¹ См. : Левит., 10 : 9.

² См. : Левит., 10 : 13.

Победа над Арадой

Ханаанский царь Арада, прослышав, что народ Израиля движется к его границам, вступил с нами в сражение на подступах к стране. Наше войско, неплохо обученное, но не имевшее достаточного боевого опыта, было вынуждено с ходу вступить в схватку, которая была короткой, кровопролитной и не принесла успеха ни одной ни другой стороне. Захватив в плен многих из нашего стана, враг быстро отступил на свою территорию. Моисей обратился к Господу за помощью, и Он помог Своему народу.

Мы начали преследовать отряды Арады, настигли их и разбили наголову, после чего Израиль стер с лица земли города хананеев.

После битвы народ двинулся в путь, и вновь, как некогда, многие из израильтян стали малодушничать и роптать на Моисея, вспоминая жизнь в Египте.

— Почему мы терпим этих смутьянов? — спросил я как-то у своего отца. — Каждый раз, когда перед нами встают какие-то трудности, они начинают рассказывать, как хорошо им было жить в Египте. Может, нам следует отправить этих стариков обратно в Египет, тем более, что никакой пользы от них уже нет. Они только едят, пьют и баламутят народ сказками о жизни в рабстве.

Елеазар усмехнулся в бороду и ответил, тщательно взвешивая каждое слово и строго глядя мне в глаза:

— Эти люди — не смутьяны. Они — наши отцы и деды. Они говорят, что в Египте было хорошо и не надо было оттуда уходить, но ведь именно они поднялись на подвиг и покинули Египет. Именно они испытали тягости первых месяцев скитаний. И они, вчерашние рабы, вступили в тяжелую схватку с амаликитянами и, наперекор всему, вышли из нее победителями.

Мне оставалось только согласиться с отцом.

Змеи

Однако в наказание за малодушие Господь напустил на евреев мерзких и холодных ядовитых змей — порождений Азазела.

Это стало кошмаром, вошедшим в каждый израильский дом, ибо почти не было семьи, не пострадавшей от сего бедствия. Змеи были везде — заползали в шатры, путались в одеждах, скользили по запасам пищи... Даже в Скинию трудно было пройти, чтобы не наступить на одну из этих гнусных тварей.

Старики говорили, что в Египте в знатных семьях жили маленькие пушистые зверьки, которые ловили и уничтожали липких и ползучих гадов. У нас же не было никакой защиты от смерти, и нам оставалось только молиться и просить Творца спасти народ от новой напасти.

Я постоянно был в напряжении, опасаясь, что меня или моих близких может укусить змея. Никто не чувствовал себя в безопасности ни днем ни ночью.

И тогда, кажется, все поняли, в какой грех вверглись, ропща на Моисея, и пришли к пророку просить прощения.

— Мы виноваты, Моисей, — рыдая, говорили они. — Прости и отврати от нас смерть, которая теперь пребывает в каждой семье и поджидает нас на каждом шагу.

— Уже тысячу раз вы давали мне слово почитать Господа, но всегда нарушали свои клятвы.

— Это в последний раз. Если мы еще хоть однажды согрешим, пусть нас покарает Господь!

Моисей внял мольбам соплеменников и долго молился Господу:

— Прости сей неразумный народ. Они говорят, не думая. Пощади их, ибо гибнут не только смутьяны, но и невинные дети...

И тогда Господь сказал Моисею:

— Сделай из меди звенчатого змея и утверди его на вер-

ху, так, чтобы он был виден издали. И всякий ужаленный, кто взглянет на змея, — тут же исцелится.

Моисей собрал лучших литейщиков и передал им повеление Господа. Те немедленно принялись за работу, и уже через день огромный медный змей общими усилиями был установлен на площади перед Скинией.

И почти тотчас площадь стала заполняться людьми. Приходили целыми семьями, ожидая чуда.

— Люди, — кричал на них Аарон. — Не надо собираться всем. Змей нужен только тем, кого укусила змея!.. Вы мешаєте тем, кто может умереть.

Но люди с восторгом взирали на творение Моисея и не хотели уходить с площади. И тогда левиты, следуя указаниям Моисея, очистили площадь перед Скинией, пропуская туда только укушенных, которые мгновенно исцелились.

Вы спросите, каким образом медное изображение могло избавлять людей от смерти? Нет ли в этом намек на то самое идолопоклонство, за которое Господь так сурово наказывал отступников?

Ответ прост: исцелял, разумеется, не змей как таковой, а вера в Господа. Избавлен от смерти был только тот, кто смотрел на изображение с глубокой и горячей верой в Предвечного!

Кстати, выяснилось, что здоровый, взглянув на змея, становился неуязвимым для укусов скользких тварей, которые очень скоро после сооружения медного змея покинули наш стан.

Куда они уползли, мне не ведомо.

В том месте наш народ оставил много могил и двинулся дальше. Мы шли по пустыне, останавливаясь в разных местах: в Овофе и Ийе-Авариме, в Зерее и Арноне, Цалмане и Пупоне, и во многих других местах. С каждым шагом мы все ближе подходили к Земле обетованной.

Опровержение злонамеренных слухов

Я живу на свете достаточно долго, чтобы не удивляться и не возмущаться человеческой глупости и низости. И все же у меня вызывает досаду то обстоятельство, что среди других народов ходят чудовищные мифы о нашем народе и его великом пророке Моисее.

Помнится, в одной из мелких стычек с кочевниками наши войска захватили несколько пленных, среди которых выделялся один высокорослый египтянин. Когда-то он совершил преступление у себя на родине, бежал от возмездия и прибил к стану кочевников, где его научили владеть оружием и обращались с ним, как с равным.

Я взял его к себе в работники, дабы он помогал в уборке двора Скинии и прилегающей площади.

Он оказался сообразительным и весьма трудолюбивым, много работал и часто удостаивался похвал. В конце концов он пожелал сделать обрезание и принять нашу веру, чему глупо было бы препятствовать.

По истечении положенного срока ему была дарована свобода.

Так вот, этот египтянин поведал мне, что после исхода евреев из Египта тамошние чиновники и жрецы принялись распускать вздорные и злонамеренные слухи о нашем народе. Со смехом, но вместе с тем и со стыдом за самого себя, верившего в подобные бредни, он пересказал, как лгут своим невежественным соотечественникам правители Египта.

Оказывается, в святилище израильтян находится статуя, изображающая Моисея на осле, или даже... отлитая из золота голова осла! Израильтяне поклоняются ослу! Поистине, сострадания достоин народ, склонный верить в такую чушь. Будто не запрещает наш Господь творить льюбые изображения человека и животных! Будто осел не счи-

тается у нас нечистым животным, так что одна мысль о поклонении ему вызывает у любого еврея отвращение! Рассказывай египетские жрецы о золотом тельце — это было бы несправедливо, но хоть слегка правдоподобно. И кто же пытается осмеять нашу веру — те, кто сами чтут как богов крокодилов, кошек, жуков и прочих гнусных тварей...

По словам моего египтянина, он слышал в одном из храмов в Бефсалисе речь тамошнего жреца, предостерегавшего добрых и доверчивых египтян от любого общения с евреями, ибо те, дескать, ловят одиноких путников и приносят их в жертву своему невидимому Богу. Чем можно ответить на такие обвинения? Только вздохнуть, развести руками и пожалеть глупцов, внимающих подобным рассказам, ибо доводы разума им недоступны, и чем убедительнее будешь опровергать коварные наветы, тем более укрепишь подозрения.

Но бывает клевета столь же нелепая, однако имеющая видимость истины, ибо сопровождается она множеством подробностей, каждая из которых есть ложь, но в совокупности они приобретают подобие правды.

Приведу одну из таких небылиц. Некий фараон, по имени Аменофис, возжелал лицедреть своих богов, дабы те указали ему на его богоизбранность и причастность к царственной династии, а также подсказали, какие меры следует предпринять для умножения благ для египтян.

Для осуществления своего плана Аменофис сообщил о нем своему тезке, который считался в Египте мудрейшим из мудрых провидцев и тайноведцев. Как говорили, фараон часто советовался с ним перед принятием ответственных решений.

— Я твой раб, Аменофис, — сказал мудрец, представ перед правителем Египта.

— Садись и слушай, — приказал фараон своему тезке. — Для успешного управления страной я должен поговорить с

нашими богами, ибо есть задачи, которые я не могу решить без их милостивой помощи.

— С какими богами ты хочешь говорить?

— С Осирисом.

Мудрец надолго задумался, а потом сказал:

— Ты сможешь встретиться с Осирисом. Но для этого ты должен немедленно избавить Египет от прокаженных. Как только твоя страна очистится, твое желание будет исполнено.

Обрадованный фараон созвал своих соглядатаев и военачальников и повелел им изгнать за пределы Египта всех, кто имел скверну на теле. Всех таковых переписали, и их число составило восемьдесят тысяч.

Аменофис приказал заковать их в колодки и отправить в каменоломни к востоку от Нила, где до того гнули спины тысячи преступников, сосланных на каторжные работы.

Среди тех, на ком была замечена порча, оказалось и несколько ученых мужей и жрецов.

Однако мудрец и прорицатель в последний момент побоялся навлечь на себя гнев богов, которые, по его мнению, будут крайне раздосадованы попыткой фараона лицепзреть их без приказа.

И тогда тезка фараона выдумал пророчество, что некто поднимет прокаженных на бунт и те захватят власть в Египте на тринадцать лет; уничтожив фараона и его приближенных.

Не решившись сказать о том фараону, мудрец и прорицатель написал письмо и покончил с собой. В письме он написал следующее: «Те, кто ныне рабы в каменоломнях, придут в Египет и убьют фараона, а его людей возьмут в плен. Они будут править тринадцать лет в Египте, и разобьют статуи наших богов, и сожгут наши храмы».

Фараон был в отчаянии.

Однако шло время и никто не нарушал спокойствия фараона и Египта. Прокаженные с утра до вечера трудились

на каторге по разрешению Аменофиса, заново отстроили оставленный когда-то гиксосами город Аварис, посвященный Тифону; имели там пристанище и кров, не помышляя о большем и благодаря богов за то, что они не отняли у них жизнь.

Обретя почву под ногами, прокаженные обособились и избрали своим вождем некоего Осарсифа, жреца из Бефсалиса. Аварисяне поверили речам своего нового предводителя и дали клятву во всем подчиняться ему.

— Пусть поразит нас гром, — иступленно вопили прокаженные, упав на колени перед бывшим жрецом, — пусть поразит нас гром и заберет к себе всепожирающий огонь, если мы отступимся от веры, которой нас выучил великий Осарсиф!

Первым законом, который был издан Осарсифом, строго-настрого запрещалось поклоняться египетским богам, воздерживаться от употребления в пищу особо почитаемых в Египте священных животных. Осарсиф запретил приносить их в жертву и употреблять в пищу.

Был наложен запрет на общение с иноверцами и инородцами; и так далее...

Издав эти и многие другие постановления, утвердив строжайшие запреты, которые были призваны вытравить из душ прокаженных память о Египте и его обычаях, бывший жрец приказал немедленно объединить усилия для сооружения крепкой оборонительной стены вокруг Авариса.

А еще он был, по слухам, не только жрецом, но и военачальником, и начал строить настоящую армию из прокаженных, из которых в силу ряда причин получились воины отважные и бесстрашные.

Когда вокруг города была возведена крепкая каменная стена в двадцать локтей высоты, а армия — обучена и многомошна, Осарсиф собрал на собрание жрецов и прочих

мудрых жителей Авариса, изгнанных в свое время из Египта.

— Люди, — говорил им бывший египетский жрец, — вот, мы были удалены из Египта мерзким и злым Аменофисом. Что сделали мы ему такого, за что нас следовало карать, как последних преступников? Неужто вся наша вина состоит в том, что волдыри и язвы покрыли наши тела?

— Нет, — хором отвечали ему собравшиеся.

— Так покараем же фараона, который похоронил нас заживо только для того, чтобы пообщаться со своими богами...

— Покараем... — эхом ответила ему толпа.

После недолгого совещания было решено отправить послов к гиксосам, которые также были злы на египтян, изгнавших их из своих пределов в правление Тетмоса.

Послы рассказали князьям гиксосов, каким притеснениям и унижениям подвергались они и их вождь Осарсиф после объявления воли Аменофиса об изгнании прокаженных из Египта. Они говорили о том, что рядом с ними находится народ, готовый в любую минуту убивать и грабить по слову безрассудного и своенравного фараона.

— Вчера он изгнал нас по своей минутной прихоти, — говорили послы, — а завтра он убьет вас и ваших детей, решив этим умилостивить своих богов.

Гиксосы благосклонно выслушали эти рассказы и с удовольствием приняли их предложение о совместных действиях против Аменофиса. Для этого было решено объединить войска в Аварисе и разработать план предстоящих сражений, после чего идти войной на Египет. Гиксосы приготовили обильные запасы продовольствия и выступили по направлению Авариса, армией численностью свыше двухсот тысяч воинов.

В Аварисе гиксосов встречал сам Осарсиф. Он ласково принял их начальников и благословил их, — равно как и

своих соплеменников, присоединившихся к гиксосам, — на победу над негодным фараоном.

Аменофис же, узнав о появлении в его пределах бесчисленного войска, впал в уныние, вспомнив предсказание мудреца.

Взяв себя в руки, фараон созвал египетских старейших и жрецов, дабы посоветоваться и вынести верное решение относительно противоборства с союзом гиксосов и прокаженных.

Он приказал доставить к себе священных животных, особо чтимых в храмах, и повелел каждому жрецу укрыть наиболее почитаемые статуи богов в безопасных местах.

Пятилетнего сына Сетоса Аменофис отправил к своему другу и, имея под рукой отборное войско, насчитывающее около трехсот тысяч крепких и обученных мужчин, уклонился от сражения с врагом, поскольку ему пришла в голову мысль, что он идет против воли богов.

Итак, избегая встречи с противником, фараон повернул армию назад и вернулся в Мемфис. Отсюда после короткого отдыха, взяв Аписа и других доставленных туда священных животных, Аменофис отправился в Эфиопию со всей своей свитой и войском.

Эфиопский правитель, его ближайший друг и подданный, с радостью принял фараона.

— Мой дом, — сказал эфиопский царь, заключая Аменофиса в объятия, — твой дом. Здесь все твое... Можешь оставаться в моей стране столько, сколько считаешь нужным. Здесь ты всегда будешь в полной безопасности!

— Я пришел к тебе, чтобы скрыться от коварных захватчиков-гиксосов и прокаженных египтян. Я не решаюсь вступать с ними в схватку, ибо их тринадцатилетнего правления хотят наши боги.

— Будь по сему, — сказал эфиопский правитель.

Он не только разрешил Аменофису держать собственную армию, но и добавил к ней своих лучших воинов, сла-

вющихся среди народов пустыни своей дерзостью, отвагой и умением.

Объединенные египетские и эфиопские войска зорко охраняли границу с Египтом, дабы не допустить проникновения врагов в пределы Эфиопии.

В это время армия гиксосов и прокаженных под предводительством Осарсифа вторглась в Египта, оставшийся без всякой защиты.

Здесь захватчики вели себя самым наглым и постыдным образом. Они обращались с покоренным населением настолько бесчеловечно, что их владычество для тех, кто был свидетелем их святотатства, казалось самым ужасным из всех зол.

Завоеватели сжигали дотла города и деревни, грабили храмы и оскверняли статуи богов. На огне, разведенном на статуях, похищенных из храмов, гиксосы и прокаженные жарили мясо священных животных на глазах рыдающих египтян. При этом они заставляли бывших жрецов, по тем или иным причинам оставшихся в Египте, закалывать их вчерашних кумиров. После столь мерзкого действия завоеватели раздевали донага униженных тайноведцев и прогоняли их из города.

Самое главное в этой истории то, что, как утверждали египтяне, жрец, предводительствовавший прокаженными и гиксосами, был не кто иной... как наш великий пророк, который якобы изменил свое имя с Осарсифа на Моисея.

Далее, если верить египетской молве, по прошествии отведенных тринадцати лет Аменофис пришел из Эфиопии с огромным войском, которое в кровавой и победоносной схватке безжалостно повергло армии Моисея. Большинство прокаженных воинов погибло в бою, а оставшихся в живых преследовали вплоть до сирийских границ.

Нечто похожее мне доводилось слышать и от других египтян, попавших в наш стан.

Говорили, что Аменофису приснилась египетская богиня Исида, которая укоряла его за то, что в ходе войны фараон не уберег ее храм от разрушения.

Известный в Египте толкователь снов Фритифант сказал, что заслужить прощение богини можно только тогда, когда страна будет очищена от людей, имеющих скверну.

Собрав двести пятьдесят тысяч оскверненных, Аменофис якобы изгнал их в течение одного дня. Однако среди оскверненных нашлись главари, которых ныне знают как Моисея и Иосифа. В Египте же их называли Тисифеном и Петесефом. Гонимые из Египта, они пришли в Пелузий, где объединились с тремястами восьмьюдесятью тысячами египтян, которых Аменофис отказался пускать в Египет.

Вступив с ними в преступный сговор, они пошли на Египет войной. Не ожидавший столь подлого коварства, Аменофис бежал в Эфиопию, бросив беременную жену.

Та, скрываясь в каких-то пещерах, родила сына по имени Рамесс, который, достигнув совершеннолетия, прогнал захватчиков, числом около двухсот тысяч, в Сирию и дал возможность отцу возвратиться из Эфиопии и по праву занять свое место на престоле.

Много глупостей рассказывают о нашем народе на чужбине и, боюсь, будут рассказывать еще очень и очень долго!

Будучи на стоянке в Кадесе, я беседовал с некой египтянкой, которая прибилась к нам, спасаясь от гнева бефсалийских жрецов, подозревавших ее в глумлении над священными животными.

Она рассказала, что в Бефсалисе ходит молва, будто

евреи, бывшие в египетском рабстве, в большинстве своем страдали проказой, чесоткой и еще какими-то болезнями, вызывавшими отвращение у местного населения.

До поры до времени египтяне терпели присутствие в своей стране прокаженных, но возроптали, когда те стали собираться в египетских храмах, просить там подаяния, побираться и грабить незащищенных стариков и старух.

Довершили дело участвовавшие среди коренных египтян случаи проказы и чесотки, а также большой недород злаков, винограда и яблок.

Испугавшись народного бунта, фараон Бокхорис послал гонцов к знаменитому оракулу Аммону, дабы тот сообщил о причине столь тяжелых бедствий, никогда ранее не выпадавших на долю египтян.

Вопросив богов, Аммон узнал, что причиной неурожая и умножения числа прокаженных стало пребывание нечестивых в храмах. Прорицатель сообщил фараону, что для того, чтобы избежать подобных бед в будущем, боги повелевают очистить святилище, изгнав нечестивцев в пустыню. Кроме того, боги, по словам Аммона, потребовали утопить больных проказой в Ниле.

Исполняя это суровое решение, Бокхорис созвал своих наместников и приказал им отобрать нечестивых, чтобы одних изгнать в пустыню, а прокаженных обернуть в свинцовые листы и бросить в реку.

Приказ фараона был выполнен незамедлительно. Но удаленные в пустыню не умерли от холода, как рассчитывал Бокхорис, а разложили костры, зажгли факелы и остались в живых.

Проведя в посте и молитвах следующую ночь, они стали просить богов спасти их. На другой день некто Моисей посоветовал изгнанникам рискнуть идти наугад.

— Мы обязательно найдем какое-нибудь поселение, где

будут и еда, и кров, — уверял он. — Так что — вперед без страха, ибо боги милостивы к нам!

Изгнанные из Египта пошли по пустыне и через некоторое время обнаружили небольшое селение, которое было незамедлительно разграблено. Мужчины были убиты, а женщины и дети уведены в рабство. Та же участь ожидала и несколько других селений, за которыми последовали города, начисто разрушенные прокаженными, водительствоваемыми Моисеем.

Везде, где он появлялся, людей ждали горе и смерть, а храмы — разрушение.

Вот такие истории придуманы лживыми и злонамеренными египетскими жрецами с целью опорочить еврейский народ, его пророков, а главное, — его Господа, Который любит и укрывает евреев!

В связи с тем, что подобные выдумки наверняка будут долго преследовать мой народ, я должен указать на их глупость и полное отсутствие в них здравого смысла.

Возвращаясь к первой сплетне, хочется спросить: каких таких богов пожелал лицезреть Аменофис? Если мне не изменяет память, у египтян принято почитать за таковых и быков, и козлов, и крокодилов, и обезьян. Как известно, любого из этих животных можно видеть и без участия знаменитых мудрецов и провидцев.

А что можно сказать об умственных способностях тезки фараона, который давал столь странные советы? Почему он решил, что козлов и обезьян нельзя увидеть из-за каких-то калек и прокаженных? Ведь боги гневаются на людей отнюдь не за неприглядную внешность, а за нечестивые деяния!

И как можно было собрать со столь обширной территории восемьдесят тысяч калек и прокаженных всего за один день?

И почему царь ослушался советов богов и не выслал

калек и прокаженных за пределы Египта, а упрятал их в каменоломни вместе с преступниками? Создается впечатление, будто фараон желал не столько изгонять прокаженных, сколько пополнить армию бесплатных работников.

Египетские клеветники утверждают, будто прорицатель покончил с собой, предвидя гнев богов и все грядущие беды в Египте, и что он оставил фараону письмо с предсказанием. Тогда почему он тотчас не отсоветовал царю созерцать богов? Жил же тот без этого всю предшествующую жизнь.

К чему бояться тех бед, которые должны были случиться не с ним, и что могло быть для него страшнее смерти?

Рассмотрим еще одну чудовищную нелепость.

Итак, нас хотят уверить, что царь, узнав о предстоящих событиях, не изгнал несчастных из Египта, как того требовали боги, а отдал им Аварис, город, некогда населенный гиксосами и оставленный ими в стародавние времена.

Поселившись в Аварисе, изгнанники избрали себе предводителя из числа бывших бефсалийских жрецов, и тот новыми законами запретил поклоняться египетским богам и воздерживаться от употребления в пищу почитаемых в Египте животных. Он заставил поклясться в верности себе и своим законам изгнанников, а затем соорудил вокруг Авариса крепостную стену и пошел на фараона войной, очевидно, в отместку за несправедливое к себе отношение.

Получается, что фараон своими руками упорно копал себе могилу и делал это с большим тщанием и рвением!

Не меньшими глупцами в этой истории выставлены и изгнанники. После легкого завоевания Египта победители, зная, что Аменофис жив, а его войско не только не разбито, но и усиливается, не стали укреплять границы с Эфиопией, где пребывал фараон, и не позаботились о том, чтобы преумножить свое войско за счет местных жителей и соседних племен.

Вызывает усмешку и рассказ о том, как фараон разбил

армию завоевателей и гнал ее по пустыне, вплоть до сирийских пределов. Тот, кто был в пустыне, знает, как не просто преодолеть пустыню и без всяких боев.

Теперь о том, что касается Моисея.

Египтяне признают его человеком необыкновенным и божественным, а потому, желая видеть в нем своего соотечественника, с невероятным бесстыдством утверждают, что он был одним из бефсалийских жрецов, изгнанным вместе с остальными прокаженными.

Совершенно ясно, что Моисей не мог страдать ни одним из тех недугов, которыми его наградили досужие египетские слухи. Об этом говорит Моисеево законодательство, известное каждому израильтянину с юных лет. Оно запрещает прокаженным оставаться в стане и городах; им надлежит поодиночке бродить в разодранных одеждах, а всякого, кто прикоснется к ним или окажется с ними под одной крышей, Закон считает нечистым.

И даже если болезнь будет излечена и человеку возвратится его прежний вид, Моисей предписывал различного рода очищения, омовения ключевой водой и острижение волос.

Лишь после того, как исцелившийся совершит множество жертвоприношений, ему позволялось вернуться в стан. Хотя, казалось бы, человек, если он действительно страдал таким недугом, должен был отнестись к больным той же болезнью с большой заботой и вниманием.

Законодательство же Моисея касается не только прокаженных, но и всех, кто имел хоть малейший телесный изъян. Таковым запрещалось участвовать в священнодействиях.

А потому уместно спросить у распространителей злокозненных слухов: «Возможно ли, чтобы Моисей принимал эти постановления против самого себя и издавал законы себе же на позор и во вред?»

Совершенно не похоже на правду и то, что Моисей менял имя.

Другая история не менее абсурдна, чем первая. Здесь причиной изгнания прокаженных из Египта стала якобы Исида, которая явилась во сне фараону и повелела изгнать из Египта прокаженных; прорицателем называется не Аменофис, а какой-то провидец Фритифант.

Численность высланных из Египта по сравнению с первым слухом увеличилась в три раза и составляет двести пятьдесят тысяч, которые объединились с каким-то странным племенем в триста пятьдесят тысяч человек, невесть откуда появившимся в пустыне.

Что это было за племя? Куда направлялось? Откуда? Почему Аменофис отказался пустить их в Египет?

Все эти простые, на первый взгляд, вопросы остаются без ответа, ибо при всей фантазии дать на них правдоподобные ответы невозможно.

Наряду с Моисеем в этой истории упоминается имя Иосифа; как будто тот был изгнан вместе с Моисеем. Но ведь даже маленькие дети знают, что Иосиф жил за несколько поколений до Моисея!

Но довольно всерьез говорить о всяком вздоре: приступив к этому занятию, рискуешь никогда с ним не расстаться; ибо человеческой глупости и злобе нет предела.

Битвы с Сигоном и Огом

Мы миновали земли эдомские и моавские и подступили к землям аморреян, живших по восточную сторону Мертвого моря.

Моисей, как он делал много раз до этого, отправил к правителям этих земель послов с просьбой пропустить нас через их землю. Он предлагал им деньги, но Сигон, прави-

тель аморрейский, воспротивился нашим просьбам и, больше того, напал на наш стан, надеясь поживиться добычей и увести к себе новых рабов.

Сигон слыл неумным и неосмотрительным правителем, а потому он, привыкший к победам над мелкими племенами пустыни, не мог предполагать, какой опасности подвергает свой народ.

Решительная битва произошла при Иааце, где наша армия без особого труда одолела войско безумного Сигона, который надеялся кавалерийским наскоком одолеть столь искусных воинов, как сыны Израиля. Израильские лучники первым же роем стрел уничтожили большую часть вражеской конницы и внесли сумятицу в ряды нападавших.

Битва началась утром, и все было кончено к полудню. Обезумевшие воины противника метались по полю, умоляя израильтян о пощаде. Они проклинали день, когда послушали Сигона и решились на битву с Израилем.

— Не убивайте нас, — кричали они нашим воинам. — Возьмите нас в рабство, только не отнимайте жизнь.

Аморрейские земли остались без защиты, и наша армия без боя заняла земли Сигона, взяв в плен многих мужчин и женщин и разорив аморрейские города, которые оказывали пособничество Сигону в его несправедливой войне.

Та же участь постигла васанского властителя Ога и его народ, задумавший победить израильтян. Наши воины, обученные и приобретшие бесценный опыт, легко и очень скоро одолели армии Ога и овладели его землями. Там, по приказу Господа, наши воины истребили всех, кто жил в городах, не оставив в живых никого из подданных Ога.

Таким образом, вся земля к востоку от Иордана досталась нашим коленам, и теперь только одна эта река отделяла нас от Земли обетованной.

Эти две наших блестящих победы воспеты поэтами в Книге браней Господних.

Царь Валак охвачен страхом

После блестящей победы над Сигоном и Огом, царем Васанским, израильтяне вышли на равнины Моава и остановилось напротив Иерихона — самого древнего города на свете. Путь к Земле обетованной был открыт. Враги, которые могли бы заградить нам путь, или остались позади, или были побеждены и рассеяны.

Наши успехи привели в смятение обитателей Моава. Валак, их царь, собрал вельмож, военачальников и советников, чтобы обсудить положение. Все сошлись на том, что никогда прежде не нависала над Моавом столь грозная опасность. Нечего было и думать о сражении на открытой местности: мало того, что израильтян было гораздо больше, они значительно превосходили моавитян боевым опытом. Кроме того, израильское войско чувствовало себя уверенным и находилось в состоянии воодушевления после одержанных побед. Приближенные царя не скрывали, что их сердца охвачены страхом.

— Этот народ не удержать, он уничтожает все, что стоит на его пути подобно тому, как вол рано или поздно поедает всю траву на поле, — говорили Валаку советники.

Валак, желая успокоить скорее себя, чем приближенных, стал говорить, что пока израильтяне не обнаруживают враждебных намерений, не нападают на селения моавитян, живут мирно. Говорят, их Бог, определив им в удел Ханаан, запретил занимать другие земли. Может быть, все обойдется?

На это советники возразили: тот, кто сильнее, никогда не упустит случая напасть на более слабого. Так что война — вопрос только времени. Необходимо любыми способами избавиться от столь опасного соседа.

Оставалось уповать на помощь Высших сил. Сразу вспомнили, что в далекой Месопотамии, в городе Пефоре,

что на реке Евфрат, обитает множество знаменитых кудесников. Самый великий среди них — Валаам. Славится имя его и в Араме, и в Аравии, и в Ассирии, и в Халдее как имя мага, более могущественного, нежели любой иной. Всем известно: кого Валаам благословит, тот будет успешлив во всех делах своих, а если кого проклянет — от того удача отвернется навсегда.

Валаам был в дружественных отношениях с Валаком. Решили направить к нему почтенных мужей с богатыми подарками, дабы упросить могущественного чародея проклясть Израиль. Тогда, как надеялись моавитяне, Израиль ослабнет и им удастся победить и изгнать иноземцев из родного края.

Колебания Валаама

Посольство достигло Месопотамии через неделю. Драгоценные дары были сложены к ногам Валаама, — целое состояние! — но смуглое лицо священника оставалось холодным и непроницаемым. Вельможи велеречиво изложили просьбу своего царя:

— Вот, некий народ вышел из Египта, и покрыл лицо земли, и живет возле нас. Приди и прокляни сей народ, это поможет нам победить пришельцев и прогнать их.

Валаам отвечал неопределенно:

— Переночуйте пока в моем дворце, о решении своем сообщу вам завтра. Сам-то я охотно бы исполнил вашу просьбу, но мне необходимо спросить Господа.

Ночью Бог пришел к Валааму и запретил ему иметь дела с моавитянами и проклинать народ Израиля, ибо он благословен.

Наутро Валаам решительно отказал послам Валака: «Господь не хочет, чтобы я шел с вами. Те, кого вы просите

меня проклясть, очевидно, находятся под покровительством Предвечного».

Когда послы передали царю Валаку ответ кудесника, тот впал в бешенство. Послы оправдывались тем, что Валааму, видимо, показались недостаточно щедрыми предложенные ими дары.

Второе посольство и согласие Валаама

Новое посольство состояло из самых знатных и уважаемых вельмож, близких родственников царя. От имени Валака они объявили, что, если чародей выполнит просьбу моавитян, ему будут оказаны неслыханные почести и все его желания будут выполнены.

— Даже если ваш царь предложит мне столько золота и серебра, сколько вместится в его дворце, я и тогда не сделаю ничего против воли Предвечного, моего Бога, — хмуро отвечал Валаам. — Впрочем, можете переночевать у меня, и я узнаю, что на этот раз повелит мне Господь.

Господь же, явившись ночью к Валааму, разрешил жрецу отправиться в Моав, вновь предупредив, что Валаам должен делать только то, что скажет ему Бог.

Я предполагаю, что умысел Предвечного состоял в том, чтобы испытать прорицателя: как он будет действовать и какой путь изберет по своей воле. Будь Валаам истинно праведным человеком, то, зная отношение Господа к Своему народу, он ни при каких условиях не согласился бы поступать во вред Израилю. Однако, когда ему была предоставлена свобода выбора, Валаам, как станет ясно из дальнейшего, был готов содействовать злему умыслу. Отсутствие прямого запрета Всевышнего он воспринял как раз-

решение, молчание Господа, как знак согласия, чего настоящий пророк никогда бы себе не позволил.

Некоторые объясняют столь упорное желание Валаама угодить моавитянам не его корыстолюбием, но тем, что он целиком находился под властью своей жены, которую послы склонили на свою сторону богатыми подарками. Жена-то и заставила Валаама поступать против своего внутреннего убеждения.

Что ж, история, начиная с Евы, дает множество примеров того, как женщины сбивают мужчин с пути истинного, и это объяснение кажется мне довольно правдоподобным.

Встреча на пути. Валаамова ослица

На рассвете следующего дня великий кудесник, отказавшись от предложенной повозки, оседлал свою ослицу и отправился вслед за моавитскими вельможами. Его сопровождали двое молодых слуг на верблюдах.

Под привычный мерный шаг старой ослицы Валаам размышлял о том, пристало ли ему проклинать народ Израиля, своих родственников, хоть и очень дальних (пращур кудесника был братом Авраама). Это было совсем не по душе Валааму. Но, с другой стороны, если бы он ответил отказом на повторное предложение моавитского царя, это дало бы повод недоброжелателям и завистникам распустить слух, будто он, Валаам, испугался, усомнился в своих магических возможностях. Этого, разумеется, нельзя было допустить.

Неожиданно ослица сошла с дороги на поле. Валаам несколько раз ударил ее палкой, и та, издав жалобный крик, пустилась бегом. Впереди по обе стороны тропинки тянулись каменные заборы, ограждавшие виноградники, и к

одному из этих заборов животное, резко остановившись, прижало ногу Валаама. Старый жрец снова принялся избивать ослицу, удивляясь, что это вдруг на нее напало.

Пройдя немного вперед, ослица на сей раз остановилась и улеглась наземь. Валаам, окончательно рассвирепев, стал нещадно избивать упрямое существо.

И тогда произошло чудо. Господь открыл уста ослице, и она спросила по-человечески:

— За что ты бьешь меня вот уже третий раз?

— Ведь ты сама издевалась надо мною, хотела меня разозлить. Будь у меня при себе меч — убил бы тебя! — отвечал Валаам, ничуть не удивившись. Уж ему-то, знаменитому чародею, было прекрасно известно, что, когда того захочет Господь, могут заговорить не только животные, но и камни.

— Я же твоя верная ослица, на которой ты едешь много лет. Разве раньше хоть раз я упрячилась понапрасну, разве подводила тебя?

Валаам признал, что такого не было. Кстати, люди, которым можно доверять, говорили мне, что Валаам с этой ослицей сожительствовал, что не считается большим грехом у магов. И когда ослица заговорила, он сильно испугался, как бы она не разоблачила его пред Господом в омерзительном пороке.

Внезапно Валаам увидел перед собой Ангела Господня с обнаженным мечом в руке и в страхе пал ниц.

— Ослица меня увидела и остановилась предо мною, — с упреком промолвил Ангел. — За что же ты бил ее? Если бы она не своротила, я умертвил бы тебя, а не ее.

Валаам повинился и сказал, что немедля вернется домой, если его поездка в Моавит неугодна Ангелу.

Ангел повторил Валааму приказание говорить не то, что просит Валак, а то, что скажет Господь.

Валаам против своей воли благословляет Израиль

Когда гонцы сообщили Валаку, что послы вернулись и Валаам едет с ними, он в сопровождении многочисленной челяди отправился встречать гостя к самой границе своего царства.

Мягко попеняв Валааму, что не сразу согласился, царь подтвердил обещание окружить его небывалым почетом.

Валаам хмуро отвечал: «Приехать-то я приехал, но говорить буду только то, что Господь вложит в мои уста».

Царь отвез Валаама к окрестностям городка Кирьят-Хуцот и там задал в его честь щедрый пир. На следующий день они взошли на холмы, откуда все селения израильтян были видны как на ладони.

Валаам, пребывавший все время в дурном настроении, велел здесь же, на высотах, устроить семь каменных алтарей и привести семь быков и семь баранов для жертвоприношения. Это приказание было исполнено со всею возможной поспешностью. Валак со свитой с трепетом ждали, когда Валаам приступит к священнодействию. Лицо волхва становилось все мрачнее, его обуревали сомнения. Заколов животных и проведя весь подготовительный обряд, он отрывисто сказал Валаку и его приближенным:

— Оставайтесь здесь, а я поднимусь на самую вершину холма. Может быть, Господь посетит меня, и если Он что мне укажет, я тут же объявлю.

Спорить не приходилось. Все чувствовали, что прикоснулись к чему-то непостижимому, доступному лишь Божьим избранникам.

Когда Валаам вернулся к жертвенникам, это был, казалось, другой человек. Его глаза сияли, и голос был по-молодому мощен и звонок.

— Господь сошел к тебе? — несмело спросил царь.

Не отвечая, Валаам подошел к алтарям и провозгласил:

— Из Месопотамии, от гор восточных, привел меня Валак, царь Моава, дабы проклясть мне семя Авраама и навлечь заклятьями зло на Израиль. Но как я прокляну того, кого Бог не проклинает? Как изреку зло на Израиль, если Господь не изрекает зла? С вершины холма гляжу я на сей народ, народ особый, живущий не так, как другие народы. Как песок многочисленно потомство Иакова. Желал бы я уподобиться праведнику и умереть в святости, как он!

— Что ты делаешь? — в гневе и ужасе воскликнул Валак. — Я просил тебя проклясть моих врагов, а ты их благословляешь?!

Валаам не сразу пришел в себя. Вид у него был растерянный и несколько виноватый:

— Я же предупреждал, что буду говорить те слова, которые вложит в уста мои Господь.

Валак не придумал ничего умнее, как сменить место. По его разумению, обращение к Предвечному с горы, откуда не видны израильские селения, кроме пограничных, должно было оказаться более успешным.

Вновь устроили семь жертвенников, и вновь Валаам заколол на каждом жертвеннике по волу и овну...

— Что тебе сказал твой Бог на сей раз? — спросил царь.

И снова Валаам вынужден был против воли, повинувшись Господу, заговорить словами благословения:

— Люди лгут, изменчивы их мысли, но не таков Господь, Бог наш! Он не усматривает порока в народе Израиля, Предвечный — с ним, Он вывел рабов из Египта, Он дал им стремительность буйвола и силу льва. Нет такого волшебства, чтобы подействовало на сей народ, и нет ворожбы, чтобы навредить ему.

— Если не можешь проклясть, то хотя бы не благословляй израильтян! — взмолился царь Моавита.

Валаам затверженно повторял:

— Я буду делать только то, что прикажет мне Господь.

— Поищем еще раз новое место, — предложил почти

впавший в отчаяние Валак. — Может быть, хоть на этот раз твой Бог дозволит тебе произнести магические формулы проклятий...

Тщетные надежды! На этот раз священник произнес еще более проникновенные и возвышенные речи благословения, вложенные в его уста Господом:

— Прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Иаков! Господь уничтожит народы, противостоящие тебе, и поразит стрелами врагов твоих. Благословен благословляющий тебя, и проклят проклинаящий тебя!

Коварный совет Валаама моавитянам

Так бесславно окончилась попытка Валака известить наш народ с помощью волшебства. Взбешенный, царь прогнал Валаама, ничего ему не заплатив.

Рассказывают, однако, что Валаам покинул чужой край не раньше, чем дал царю Моавитскому некий коварный совет, которым тот не замедлил воспользоваться. Трудно сказать, что подтолкнуло кудесника к этому гнусному поступку и побудило его сделать зло народу, который, как он точно знал, находится под покровительством Всевышнего.

Может быть, Валаам просто испугался, что будет предан бесчестьем как горе-волшебник. Может быть, он был крепко раздосадован своей неудачей и перенес свою обиду на Израиль. Возможно, он несмотря ни на что испытывал к Валаку дружеское расположение, чувствовал себя до некоторой степени виноватым перед ним и желал оказать услугу. Не исключая, наконец, что Валаам все же рассчитывал хоть за этот совет получить щедрые дары, которые были ему обещаны моавитянами.

Что же сказал Валаам? Передаю его слова, как они дошли до меня:

— Народ Израиля не может погибнуть ни от войны, ни от болезней, ни от засухи, ибо Предвечный оберегает его от всяких бед. Конечно, напасти время от времени постигают и евреев, причем кажется, что эти напасти совсем подавляют их. Но вскоре вслед за тем они снова усиливаются так, что наводят страх на своих врагов. Если хотите извести Израиль, пошлите своих дочерей соблазнить его сынов, дабы они склонили неприятелей ваших отречься от Господа Бога, принять ваших богов. А если сей народ отвертится от своего Господа, то и Господь отвертит лицо Свое от него и лишит Своего покровительства. Тогда вы сможете его победить.

Моавитянки склоняют израильтян к отступничеству

Все начиналось, казалось бы, вполне безобидно. Жители Моава, до тех пор чуравшиеся израильтян, вдруг воспылали к ним теплыми чувствами. Старейшины стали приглашать наших юношей в жилища свои, не препятствовали их знакомству с моавитскими девушками и, как ни дико это покажется вам, читатели мои, сквозь пальцы глядели на то, что израильтяне начинали заигрывать с их дочерьми и затем и блудодействовать с ними.

Кстати, по долгу правдивого повествователя, хотя и против желания, должен сказать, что многие молодые моавитянки были на редкость красивы и соблазнительны.

Старейшины моавитян поступали так по наущению своего царя. Пожертвовав честью своих дочерей, они рассчитывали выиграть большее: растлить душу Израиля и лишить его силы.

Таков был подлый план Валаама. И он ловко проводился в действие!

Моавитянки, увидев, что израильские юноши оказались у них в полном подчинении, стали настойчиво требовать, чтобы те поклонялись моавитским богам. В противном случае они грозили впредь отказывать в любовных ласках, ибо, мол, сомневаются в верности и прочности любви, коль скоро израильтяне не хотят пойти навстречу своим возлюбленным в такой малости.

Охваченные страстью, юноши согласились.

Разврат сам по себе большой грех. Но этот грех многих из нашей молодежи тысячекратно усугублялся тем, что под влиянием прекрасных моавитянок они стали участвовать — поначалу как бы поневоле и побуждаемые исключительно своими подругами, потом из любопытства, потом по все более укоряющемуся нечестию — в языческих обрядах, посвященных богу Ваал-Фегору.

Молодые израильтяне, подчиняясь всем требованиям блудниц, стали вкушать чуждую дотеле пищу, поставили у себя дома идолов и приносили им жертвы по обрядам туземцев. Страшно вымолвить, они ели идоложертвенное мясо! И в такой мерзости участвовали сыны Израиля, предавая бесчестию своих предков, свой народ!

Таким образом вскоре во всем стане распространилось крайне незаконное поведение молодежи и возникли беспорядки гораздо более серьезные, чем прежде, так что возникла опасность окончательной гибели исконных обычаев.

Даже Зимри, начальник колена Симеона, скатился до того, что стал сожительствовать с Хазвой, дочерью местного князька, делал ей в угоду все, хотя это противоречило установлениям Моисея, и в конце концов взял эту туземку себе в жены.

Подвиг Финееса

Господь в гневе Своем повелел Моисею за грехи подчиненных повесить начальника племени, впавшего в такую гнусность. Однако вождь не решился выполнить это повеление, а вместо этого собрал судей и, не называя имен, потребовал поступить с распутниками и идолопоклонниками по закону — истребить их души.

Но зло пустило уже такие глубокие корни в народе, что и судьи проявили нерешительность: им предстояло бы вынести суровые приговоры своим родственникам, даже сыновьям.

Тогда Моисей, смягчив тон, начал указывать на непристойность поведения тех, которые ставят свою похоть выше Бога и предписанного Им образа жизни. Он увещевал отступников, оставляя им, однако, возможность одуматься и покаяться.

Тут поднялся со своего места Зимри и сказал:

— Кто поставил тебя судьей и начальником над нами? Следуй сам законам, которые ты называешь Божьими, пусть доверчивые глупцы также следуют им. Не для того мы вышли из рабства на свободу, чтобы вновь подпасть под рабство одного из своих. Я и впредь буду поклоняться не тем богам, в которых меня заставляют верить, а тем, каких я сам считаю истинными. И никто не сможет похватать тем, что заставил меня, Зимри, поступать против моей воли и моих убеждений.

Все присутствующие застыли в молчании, видя, что молчит Моисей, страшась, как бы не началось братоубийственное кровопролитие. Вождь же безмолвствовал в глубокой скорби, видя, что никто, кроме него, не желает вступить в спор с отступником и защитить вождя.

Народ разошелся по домам. Люди праведные, хотя и не осмелившись возразить Зимри из опасения вызвать междоусобицу, прекрасно понимали, что Бог не простит Израиль. В страхе перед неизбежной грядущей карой Моисей,

начальники и старейшины молились перед Скинией собрания, рыдали, прося Всемогущего пощадить народ.

И вот тогда я, Финеес, решился на то, перед чем остановились мужи гораздо более почтенные и мудрые. Я, внук славного пророка Аарона и священник по праву рождения, ощутил в себе великий гнев и великую силу. Я бросился к шатру Зимри и, увидев вероотступника возлежащим на постыдном ложе с молодой развратницей-моавитянкой, пронзил копьем обоих.

На шум сбежались люди, меня схватили, симеониты — соплеменники убитого хотели свершить надо мной самосуд. О, до самой смерти мне не забыть эти искаженные злобой лица, эти крики, полные ярости...

Но Господу было угодно сохранить мне жизнь. Я знал, что Он на моей стороне, и обратился к толпе со страстной речью:

— Как орел носится над птенцами своими, бережет их и поднимает на крыльях своих, уча летать, так Предвечный вознес нас, питал и охранял. Так неужели мы отвернемся от твердыни спасения своего? Неужели допустим, чтобы нечестивцы и блудодеи гневили Господа своими мерзостями, приносили жертвы бесам, а не истинному Богу? Неужели мы забудем Заступника и простим тех, кто поклоняется богам новым, чужим, которых не знали отцы наши?¹

Моя речь воспламенила сердца слушателей гневом. И началась кровавая расправа с грешниками! На сей раз не слушали ни начальников, ни судей: я и мои последователи взяли дело в свои руки. В стане началось настоящее избиение всех, о ком было известно, что он ходит к моавитянам и поклоняется Ваал-Фегору.

В тот день погибло двадцать четыре тысячи человек. Это было страшное зрелище! Должен признаться: несмот-

¹ См. Втор., 32 : 11—18.

ря на то, что погибших было гораздо больше, чем при избииении поклонявшихся золотому тельцу, ни малейшего сожаления или сочувствия я не испытываю. Если бы не были истреблены те двадцать четыре тысячи, Господь покарал бы весь народ.

Мои действия весьма одобрил Моисей, и я превыше всего до сих пор горжусь этим. Скромно укажу, что похвальные слова обо мне содержатся в книге «Бемидбар», о чем моим читателям, разумеется, хорошо известно¹.

Победа над моавитянами

Поскольку убитая мной Хазва, жена Зимри, была дочерью чужеплеменного князя, война с моавитянами стала неизбежной.

По поручению Моисея мой отец Елеазар провел перепись по всем коленам Израиля мужчин, годных для войны. Таких оказалось шестьсот одна тысяча и семьсот десять человек. Только колено Левия возросло на семьсот душ, а все остальные за время скитаний уменьшились в числе на тысяча восемьсот двадцать человек.

Зато это было новое поколение, выросшее в пустыне и не знавшее рабства, привыкшее к тяготам, к дисциплине и повиновению. А что же старое поколение? Перепись показала, что к тому времени не осталось в живых ни одного мужчины из тех, кто, будучи от роду двадцати лет и старше, вышел за Моисеем в Синайскую пустыню, за исключением Иисуса Навина и Халева, сына Нефонниина.

От каждого колена было отобрано по тысяче лучших воинов, и мы обрушилось на Моав. Тогда мне впервые было доверено начальствовать над войском. Я вдохновлял бойцов накануне сражений, призывал на них благословение

¹ См. : Числа, 25 : 11—13.

Господне и молился Ему, дабы Он поселил страх и уныние в сердцах наших врагов.

Достоин быть отмеченным, что из наших парней в той войне никто не погиб.

Огнем и мечом наше войско прошло по селениям Моава и опустошило эту погрязшую в грехе страну. Мы убивали без пощады и простых моавитян, и их царей и князей.

Смерть настигла и кудесника Валаама — так поплатился он за коварный совет, данный царю Валаку. Не спасло чародея все его искусство! Не могу не сказать о том, что Моисей распорядился похоронить Валаама хоть и без особых почестей, но достойным образом.

Наш вождь, пророк и учитель был человеком в высшей степени беспристрастным и не умолчал в своей книге «Бемидбар» о заслугах Валаама, благословившего, хотя и против воли, Израиль и сделавшего относительно его вдохновенные свыше пророчества, которые ныне сбываются.

Кстати, многие считают, что страшная смерть Валаама — наказание не только за соращение Израиля, но и за сожительство со своей ослицей¹. Добыча, взятая нами в Моаве, была огромна: семьдесят две тысячи коров и быков, шестьсот семьдесят пять тысяч овец и коз, шестьдесят одна тысяча вьючных ослов, неисчислимое количество оружия, драгоценных украшений. Невольниц было тридцать две тысячи (только отроковицы, ибо все замужние женщины и дети мужского пола были перебиты).

По распоряжению Моисея половина добычи была разделена между воинами, участвовавшими в походе, другая половина — между всеми израильтянами. Из своих долей и воины, и общество должны были отдать часть рабынь и скота левитам.

Итак, левый берег Иордана перешел под руку Израиля. Колена Рувимово, Гадово и половина Манассиина, имев-

¹ См. Талмуд, тракт. Sanhedr. fol. 105 b.

шие огромные стада, просили Моисея разрешить им остаться на привольных и богатых пастбищах равнины Моавитской. Вождь дал им такое разрешение с условием помогать остальным коленам бороться с общим врагом.

Нам предстояло перейти Иордан, вступить в Землю обетованную, очистить ее от идолопоклонников-хананеян и разрушить их кумиры.

Все это пришлось делать уже без Моисея. Хотя его зрение не притупилось и крепость в нем не истощилась, пророк уже почувствовал дыхание смерти.

В предчувствии скорой смерти

Моисей давно знал, что не будет удостоен счастья перейти границы Ханаана и не достигнет главной цели своей жизни¹. Он понимал также, что продолжение его существования становится как бы препятствием для действий Иисуса Навина, который, с одной стороны, должен был поскорее, пока не остыл наступательный порыв, повести войско в поход, но, с другой стороны, не осмеливался взять на себя всю власть, пока был жив вождь, и не мог двинуться через Иордан, поскольку Моисею это было запрещено.

Итак, почему умер пророк, еще вполне бодрый и крепкий в свои сто двадцать лет? Потому, что хотел умереть. Я думаю, это единственно возможный ответ. А хотел Моисей умереть потому, что почувствовал: ничто больше его не удерживает на земле; долг, порученный Господом, исполнен, пророческая миссия исчерпана. Отныне народ не нуждался в Моисее.

Полагаю, и Моисей устал от своего народа, этого непокорного, капризного, вздорного и неблагодарного народа, так часто подводившего своего вождя, так часто кричавше-

¹ Числа, 20 : 12, Втор., 1 : 37; 3 : 27; 4 : 21.

го ему: «Кто ты такой? Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?»

Был ли Моисей счастлив в эти последние свои минуты? Господь дал ему столько, что хватило бы на десять обыкновенных человеческих жизней. Он видел роскошь царского двора и скромную обстановку пастушеской палатки, он испытал и славу полководца, и изгнание ради спасения жизни, он испил сладость побед и горечь поражений, ему поклонялись как посланцу Бога, и его ненавидели как самозванца...

Рискну предположить, что пророк не был вполне счастлив, было нечто, омрачавшее его мысли. Я могу только догадываться, чего не хватало Моисею и о чем в глубине души он мечтал — о любви народной. А народ его боготворил, почитал, слепо ему верил, но, увы, не любил так, как любил, например, моего деда Аарона или, в более поздние времена, Иисуса Навина. Помню, едва завидев Аарона, люди расплывались в улыбке, и каждый норовил сказать приятное слово и в ответ услышать что-нибудь приветливое, участливое...

Сверхчеловеческая мудрость, безупречная справедливость, необычайная сила духа, мужество, не оставлявшее в самые страшные мгновения, самоотверженность, негибаемая воля, умение вдохновить и повести за собой — все, что необходимо пророку и вождю, было у Моисея. Была и доброта, готовность снизойти со своей высоты, чтобы пожалеть какого-нибудь голодного мальчишку-сироту, утешить вдову, только что потерявшую в битве мужа. А вот чего не было, так это сердечной теплоты, искреннего любопытства к делам и заботам самого обычного израильтянина, пастуха Иуды или кожевника Эзры. Моисей всегда был превыше людей и по-настоящему думал только о судьбах в целом народа, но не об отдельных его представителях.

Любил ли Моисей народ? Конечно, любил горячо и ис-

крenne, готов был тысячу раз отдать за него жизнь. Но любил не так, как мать любит сына или старший брат младшего, со всеми его добродетелями и пороками, а скорее так, как воспитатель любит вверенное его попечению дитя. Он лучше, нежели кто-либо другой, видит, как испорчен и гадок этот ребенок, но любит в нем свои воспитательные труды, свои надежды, даже разочарования, любит то, чем сей отрок может когда-нибудь стать.

Да и то сказать, заслуживал наш народ другой любви, другого отношения? Вспомним, что Моисей был вынужден бежать из Египта в Мадиама после убийства египтянина прежде всего из-за предательства, в лучшем случае болтливости своих соплеменников. А история исхода и сорокалетних странствий — разве вся она не состоит из сплошной цепи больших и малых обманов израильянами Моисея, нарушений клятвенных обещаний, недоверия, нескончаемого ропота, постоянных мелочных упреков народа своему вождю и нелепых обвинений?

Не успели выйти из Египта к Чермному морю, при первых же трудностях и опасностях стали жаловаться и вопить: «Моисей привел нас умирать в пустыне!» И так все время, все сорок лет... Чего только не наслушался Моисей: он-де во всем виноват, мы страдаем по его милости, и зачем мы только за ним пошли, как хорошо нам жилось в Египте, не нужна нам свобода, если за нее приходится платить такую цену, раньше было гораздо лучше...

А чего стоят пляски вокруг золотого тельца — сразу вслед за клятвой не допускать ничего подобного! А блудодейство с дочерьми моавитян! Вспоминать не хочется...

Поистине, Моисей должен был быть кротчайшим из людей, чтобы терпеливо вынести все огорчения и тяжкие оскорбления, не пытаясь снять с себя бремя пророческого долга и лишь изредка, в самых крайних случаях, обращаясь с Господу с жалобами. Какое великодушие требовалось, чтобы предать забвению строптивость и неблагодарность!

И не только простить, но и, используя свои особые отношения с Предвечным, пламенно вымаливать у Него прощение своему народу и стараться отвести от него праведный гнев!

Такое поведение Моисея объяснимо только безграничной его верой в Бога, в правильность сделанного Им выбора Своего народа, в то, что Тора не могла быть дана Израилю, если бы тот не был готов принять ее.

Да, Моисей был, несмотря ни на что, уверен, что народ станет достойным своего Господа и оправдает Его надежды.

Правда, в последние дни своей жизни Моисей произнес страшное пророчество: «...я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь от пути, который я завещал вам, и в последствии времени постигнут вас бедствия за то, что вы будете делать зло пред очами Господа, раздражая Его делами рук своих»¹. Однако до сих пор эти грозные слова не оправдались, Израиль не нарушает завета, и я хотел бы думать, что Моисей произнес сие не в предвидении неизбежного будущего, но в предостережение.

Закон Моисея

Готовясь принять смерть, Моисей отошел от всех будничных забот. Моисей привел в порядок все дела, внес существовавший к тому времени свод законов дополнительные предписания, которые передал ему Господь, дабы устройство грядущего государства было прочным и неизменным.

Перед своей кончиной он пожелал еще раз торжественно повторить народу Израиля весь закон, данный ему Предвечным. После этой беседы он приказал начертать уставы

¹ Втор., 31 : 29.

и заповеди Божьи на особом жертвеннике, установить его на горе Гевал и, собрав весь народ, произнести на этой горе проклятия нарушителям, на горе же Гаризим благословения блюстителям Закона.

Еще раз сделав наставления народу, пророк записал Закон и передал его священникам. Этот свиток был положен в Ковчег завета, чтобы служить Израилю вечным руководством и указующим светилом.

Состав Торы

Прежде чем продолжить повествование, мне хотелось бы поговорить о Законе, который через пророка Своего и учителя нашего даровал нам Господь.

Закон, или Тора, включает в себя пять книг, каждая из которых названа по первым словам.

В первой — «Берешит», или «В начале», излагаются судьбы Вселенной и человечества от сотворения мира до смерти Иакова и Иосифа в Египте. Моисей написал эту книгу по велению Господа еще в земле Мадиямской. С ее помощью он пробудил в народе Израиля воспоминания о своем славном прошлом и о тех обещаниях, которые Предвечный дал отцам нашим.

Кстати, некоторые излишне ретивые левиты, говоря о заслугах Моисея, причисляют к ним и создание нашей письменности, утверждая, будто сам Господь научил нашего пророка запечатлевать слова с помощью двадцати двух знаков, а затем уже Моисей передал это знание всему Израилю. Благое само по себе стремление возвеличить Моисея в данном случае оборачивается принижением народа. Что же получается: в то время, когда у египтян была письменность, евреи ее не имели, пребывали в невежестве? Хорошая подсказка для наших врагов, распространяющих клевету, будто вся ученость евреев заимствована у чужих племен! Нет,

друзья мои, Моисей вполне достаточно сделал для нас, чтобы приписывать ему еще и то, что не входит в его заслуги! Наш народ изобрел грамоту уж во всяком случае не позже египтян.

Во второй книге — «Шмот», или «Имена», рассказывается о пребывании израильтян в Египте и исходе из него, даровании в Синае Закона и построении Скинии завета.

Книга «Вэйкра», или «И призвал...» подробно описывает обрядовую сторону нашего законодательства, порядок жертвоприношений и других священнодействий, совершение которых поручено от Господа колену Левия, избранному для богослужения.

Четвертая книга называется «Бемидбар», или «В пустыне». Здесь говорится о народосчислениях и истории почти сорокалетнего пребывания в пустыне вплоть до прихода к левобережью Иордана.

Наконец, пятая книга носит название «Дварим», или «Слова», она посвящена последним двум месяцам перед вступлением в Землю обетованную. Книга повторяет изданные раньше законы и установления и заканчивается описанием смерти Моисея и похвалой ему¹.

Некоторые утверждают, что Моисей, предчувствуя близкую кончину, сам заранее упомянул о ней из опасения, как бы люди не вздумали утверждать, будто он, вследствие особой любви к нему со стороны Господа Бога, был взят прямо на небо. Это мнение не соответствует действительности. Любой из нас по себе знает, что обдумывать обстоятельства своей будущей смерти вообще не в природе человека. Те же немногие из ныне живущих, кто, подобно мне, лично знал Моисея, могут засвидетельствовать, что ему, скромному вплоть до самоотречения, со-

¹ В православной традиции приняты названия книг соответственно Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

вершенно не свойственно было хвалить себя, подчеркивать свои заслуги перед Предвечным и перед народом Израиля. Нет, последний раздел книги «Дварим» был, по внушению Господа, написан отцом моим Елеазаром и Иисусом Навином.

О некоторых обстоятельствах создания Торы

Я уже говорил, каким образом была дана Моисею Тора: в беседах с Господом в земле Мадиамской, на горе Синай и потом в неоднократном общении на протяжении многих лет — в пустыне и на равнинах Моава. То, что он узнал от Господа, Моисей незамедлительно записывал и передавал судьям и начальникам, всему народу. А Десять заповедей Израиль услышал непосредственно от Предвечного.

— Как Моисей записывал слова Божьи? — спрашивают меня внуки. И еще: — Просил ли Моисей Бога диктовать помедленнее, чтобы он успевал запечатлевать буквами? А мог Моисей ошибиться, что-то из того, что говорил ему Господь, пропустить, что-то записать неправильно?

Не могу сказать, чтобы эти вопросы приводили меня в восторг: мне хотелось бы, чтобы любознательность учеников направлялась прежде всего на содержание Торы, а не на различные внешние обстоятельства ее создания. Но я никогда не позволю себе накричать — мол, только нечестивцам могло бы прийти в голову спрашивать о подобных вещах. Для того Господь и даровал нам разум, чтобы мы старались познать Его слово, Его волю, Его Закон и созданный Им мир. Я имею смелость полагать, что пытливость приятнее Богу, чем слепая и нерассуждающая вера. Нельзя запретить человеку самостоятельно размышлять и спрашивать, более того, сомнение ближе к праведнос-

ти, чем самоуверенность, делающая человека гордым, жестоким и нетерпимым.

Само собой разумеется, что сомнение в мыслях допустимо (и даже полезно) только при условии полного и точного соблюдения Закона во всех наших делах. Жизнь сложна, и в моей судейской практике нередко приходилось прибегать к долгим размышлениям, обращаться к помощи более мудрых, чтобы применить Закон к тому или иному сложному и запутанному случаю. А сколько таких случаев еще будет! Пусть не покажутся эти слова кощунством, но я считаю, что некоторые установления Торы допускают разные толкования. О Законе можно и должно спорить, можно и должно обсуждать, как наилучшим образом и более точно выполнить волю Господа.

Сам Моисей испытывал затруднения, сталкиваясь со случаями, которые к тому времени не были определены Законом. К нему обратились Махла, Ноа, Хогла, Милка и Фирца — дочери некоего Салпаада. Их отец умер в пустыне, не оставив сыновей. А как быть с наследством? Кому передать его? Моисей обратился к Господу, и Он дал общее установление для подобных случаев: при отсутствии сыновей наследство должно переходить к дочерям, если нет дочерей — к братьям, братьям отца и так далее¹.

Итак, Моисей сомневался и счел за благо спросить Господа. А ведь на его месте тупой фанатик-буквалист подумал бы: «Могу ли я обращаться к Богу с подобной просьбой? Не будет ли это выглядеть, как упрек Ему в том, что Он не все предусмотрел?!» И сказал бы сиротам: «В Законе ничего не сказано, значит вам не полагается наследства». А человек самонадеянный также не обратился бы к Богу, счи-

¹ Числа, 27 : 1—11.

тая себя достаточно мудрым и сведущим, чтобы принять решение, ни с кем не советуясь.

Мне вспоминается детство. Однажды, изучая под руководством моего отца книгу «Берешит», я заметил какой-то оборот речи, который я часто слышал в устах Моисея. Я удивленно воскликнул: «Господь говорит в точности, как дедушка Моисей!»

Лицо отца помрачнело, и мама, заметив это, закричала, что я маленький негодник, которого Господь непременно накажет за такие богохульные слова. Но отец сказал:

— Никогда не ругай ребенка за неподобающие вопросы. Пусть спрашивает не боясь, иначе мы воспитаем скрытного лицемера.

И отец пояснил мне, что это не Моисей записывал в Тору свои излюбленные обороты и слова, но, напротив, обороты и слова, которые он слышал от Господа, постепенно стали привычными для Моисея и часто звучали из уст его.

Спор Финееса с Халдеем

Много позже мне пришлось встретиться с неким халдеем, человеком великой учености, но язычником, не просветленным Господней истиной. Он не мог поверить в то, что Тора была дарована Израилю самим Предвечным, и называл ее книгой хоть и чрезвычайно мудрой, глубочайшей, но — сочинением человеческим. При этом он ссылался на то, что в Торе якобы встречаются противоречия, темные места, повторения, а некоторые разделы, как он утверждал, «плохо написаны» и содержат соблазн, ибо великие и святые мужи предстают людьми слабыми, грешными, недостойными.

Действительно, Моисей как правдивый историк не скры-

вает недостатков Ноя, Авраама, Иакова и его сыновей. Но откуда наш пророк и учитель мог бы узнать о мыслях и внутренних переживаниях давно умерших людей, если не от Всеведущего? И разве не предпочел бы обычный, не вдохновленный Господом бытописатель обойти вниманием все то, что выставляет святых и почитаемых мужей в невыгодном свете?!

Конечно же, каждого, и даже нееврея, именно эти, якобы «соблазнительные», места должны убедить в боговдохновенности Торы. И описание праведников как людей, не сумевших удержаться от грехопадения, но способных затем искупить грех и заслужить не только прощение, но и благоволение Предвечного, — поддерживает и в нас, людях слабых, надежду на прощение, спасение и милость к нам Господа.

Но вернусь к разговору с ученым халдеем. Я спросил его, коль скоро он считает Тору делом рук человеческих, — сколько мудрецов и на протяжении какого времени должны были бы совместно трудиться, дабы разработать законы столь совершенные, точные, всеобъемлющие и справедливые?

Подумав, тайноведец смущенно признал, что для осуществления столь великой задачи не хватило бы десяти славнейших мудрецов, и ста мудрецов, и одной человеческой жизни, и десяти человеческих жизней.

Значение Закона

Закон дает нам возможность познать Бога и приблизиться к нему, он указывает нам путь совершенствования нас самих, а затем и всего мира. Веровать в Господа — значит соблюдать Его Закон, поступать согласно тем правилам, которые Он перед нами установил. Если бы мне при-

шлось отвечать на вопрос, действительно совершенно лишенный смысла, но допустимый как чистая игра ума: что важнее, верить в Предвечного, не соблюдая Его заповедей, либо забыть о Боге, следуя Его Закону, — я бы ответил, что второе предпочтительнее. Лучше совершить хороший поступок, руководствуясь дурными соображениями, чем дурной поступок из благих побуждений. Ибо наши дела важнее для Господа, чем наша вера. Следуй Закону, пусть сомневаясь, — и ты рано или поздно придешь к Богу и уверуешь в него.

Не только вера в Единого, но и строгое исполнение Его установлений — вот что отличает Израиль среди остальных племен и связывает сынов Авраама в единый народ. Мне радостно думать, что только мы, израильтяне, оказались способны возвыситься до понимания Торы, воспринять свет истины и нести его всему миру. Наша верность Закону побуждает детей Израиля стремиться к праведности, улучшать себя, а затем и весь мир. Таким образом, наше избранничество — не льгота, а, скорее, тяжелое бремя, которое мы взяли на себя ради нашей любви к Богу.

Закон обнимает все стороны нашего бытия, он учит не только тому, как служить Богу, но и как нам строить семейную, общественную жизнь, как вести дела, заниматься земледелием, ремеслами, торговлей, чтобы быть удобными Ему.

Позволю себе удобным для обозрения способом сгруппировать правила и предписания, рассеянные по разным местам Торы в соответствии с той последовательностью, в которой наш учитель получал эти предписания от Господа. Надеюсь, что не навлеку упрека от ревностно благочестивых мужей за такое своеволие в изложении.

Завет любви

Если вы спросите, что в Законе главное, что составляет его сердцевину, я отвечу: любовь Бога к человеку, любовь человека к Богу, которая должна проявляться не только в молитвах и жертвоприношениях, но в доброте, справедливости и благотворении.

Сказано: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём... Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя»¹.

Значит, любить самого себя — тоже требование Закона? Да, мы должны любить себя, но не как дикари-язычники, потакающие своим похотям и готовые погубить десятки других людей ради собственного блага. Нет, в себе мы должны любить подобие Бога, лучшие стороны своей души.

Любить ближнего, как себя, значит быть строгим и к себе, и к другим. Закон предписывает обличать наших ближних в грехе, чтобы этот грех не передался нам². Увидев, что ближний твой творит недоброе дело, мы обязаны упрекнуть его, образумить, воззвать к его совести. Стоять, равнодушно взирая, когда проливается кровь соседа твоего, — большой грех, почти соучастие в преступлении.

Любить ближнего означает искать в поступках и в сердцах ближних своих все лучшее, себя же судить строже, чем других. Любить ближнего — значит уметь поставить себя на его место, а его — на свое, посмотреть на себя его глазами и постараться понять его изнутри. Не делай другому того, что самому тебе было бы неприятно! Твори другим добро, если хочешь, чтобы к тебе относились по-доброму! Вот и весь секрет праведного поведения человека в обществе.

¹ Лев., 19 : 17, 18.

² Лев., 19 : 17.

Милосердие и помощь ближнему

Следовать Закону — значит быть милосердным. Если к тебе прибежит раб, угнетаемый своим господином, не выдавай его — пусть живет у тебя без притеснения¹. Если у тебя есть раб из евреев, отпусти его на свободу через шесть лет, и не с пустыми руками, а с наградой — скотом, зерном, вином².

Хочешь следовать путями Господа — всячески помогай слабым и беззащитным. Закон есть крепкая длань для немощного и опора бессильного. Он особенно строг к тем, кто обижает неспособных дать отпор и самим за себя постоять. «Не злословь глухого, и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся Бога твоего, Я Господь»³.

Мы должны поддерживать бедняков, давать им займы, не беря роста⁴. Причем помогать следует не через силу, уступая назойливым просьбам, но с радостью: «Не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя Господь, Бог твой, во всех делах твоих и во всем, что будет делаться твоими руками»⁵.

Напротив, тот, кто ожесточает свое сердце против нищего, отказывает в помощи своему ближнему и отворачивает от него свой взор, идет против Закона⁶. Господь предупреждает обидчиков вдов и сирот: вдовами станут их собственные жены, сиротами — их дети⁷.

Вы, конечно, хорошо знаете, что каждый седьмой год поля, виноградники, масличные рощи положено не уби-

¹ Втор., 23 : 15, 16.

² Втор., 15 : 12—15.

³ Лев., 19 : 14.

⁴ Лев., 25 : 35,36.

⁵ Втор., 15 : 10.

⁶ Втор., 15 : 7.

⁷ Исх., 22 : 23.

рать, но оставлять в покое, чтобы плодами питались нищие и убогие¹. Бедным и голодным путникам надо оставлять неубранные края поля и виноградника, не подбирать упавшие плоды². Для вдов и сирот следует оставлять снопы в поле, некоторую часть плодов на садовых деревьях и лозах³.

Каждый разумный человек понимает, что тщательный сбор плодов не принесет хозяину такой пользы, которую доставит благодарность нуждающихся. К тому же Господь обещает дать более обильный урожай тому, кто не только преследует собственную выгоду, но и снисходит к нуждам ближнего своего. Более того, если бедняк или путник из скромности не решается взять плоды, хозяину следует прямо пригласить попользоваться.

В свою очередь, тот, кто пользуется благодеяниями своего ближнего, должен проявлять умеренность и не злоупотреблять чужой добротой. В винограднике разрешено есть плоды досыта, но запрещено набирать ягоды про запас; дозволяется рвать руками колосья в чужом поле, но не жать серпом⁴.

Каждый пятидесятый год — священный, юбилейный, когда прощаются или улаживаются все долговые обязательства.

Земля, проданная израильтянином вследствие засухи, болезни или денежных трудностей, в юбилейный год возвращается прежнему хозяину или его детям. Навечно землю продавать нельзя, ибо она — Господня, а мы пришельцы и поселенцы у Него⁵. Значит, каждая семья имеет воз-

¹ Исх., 23 : 10, 11.

² Лев., 19 : 9, 10; 23, 22.

³ Втор., 24 : 19 — 21.

⁴ Втор., 24 : 25.

⁵ Лев., 25 : 10—16, 23—28.

возможность вновь вернуть себе свой надел и как бы начать жить сначала.

Таким образом наш Закон ставит предел непомерному обогащению одних и вечной нищете других, выравнивает, насколько это можно, состояния и дает каждому случай выбиться из бедности.

Естественное сострадание к слабым и несчастным не должны вытеснять справедливость. Тот, кто отклоняется от истины в пользу сильного и богатого, гневит Господа; однако ему неуютно и тот, кто потворствует нищему в тяжбе его¹. По своему опыту знаю, как трудно бывает удержаться от жалости к беднякам и вершить суд, невзирая на лица.

Соответствие наказания проступку

К сожалению, многие из нас устроены так, что склонны оправдывать такие свои поступки, за которые сурово осуждают других. Я выбил в драке зуб другому? «Велика важность! И он сам виноват, зачем разозлил меня». Другой выбил мне зуб? «Каков негодяй! Ведь я его и пальцем не тронул...»

Снисходительность к самому себе, кстати сказать, очень часто присуща людям нетерпимым и злопамятным. Мне это всегда казалось особенно мерзкой чертой.

Перед Законом, как перед Господом, все равны, иначе сильный начнет невозбранно обижать слабого, многочисленная семья — малочисленную, коренной житель — пришельца и так далее. У нас нет сословий или отдельных людей, пользующихся большими или меньшими правами так, чтобы один и тот же поступок одному вменялся в преступление, а другому нет, или так, чтобы действие, совер-

¹ Втор., 23 : 3; Лев., 19 : 15.

шенное по отношению к одному, считалось преступлением, а по отношению к другому — нет. Весь народ участвовал в клятвенном договоре с Предвечным, и все одинаковы в правах и обязанностях.

Закон воспитывает в нас взаимную уважительность, чувство собственного достоинства и умение сохранять достоинство наших ближних, всего народа, а также готовность отвечать за свои поступки. Чтобы злomu и буйному неповадно было бесчинствовать, за каждое причиненное повреждение следует причинить такое же повреждение виновному. Душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, рану за рану, ушиб за ушиб¹. Впрочем, потерпевший может отказаться от своего законного права на возмездие, потребовав от обидчика возместить ущерб деньгами и сам назначив цену.

Когда от твоей несдержанности пострадал твой раб, хотя бы незначительно (выбит зуб) — отпусти его на свободу².

Ложные доносчики, лжесвидетели приговариваются к тому, что они сами умышляли сделать ближнему своему³. Только так можно истребить это зло.

Причинивший другому боль как бы посягает на образ Божий. Если ты нанес обиду ближнему своему, ты не выразишь прощения у Всевышнего: простить вправе только тот, кто был обижен.

На Земле обетованной, где мы живем, среди нас, сынов Израиля, обитает сам Всевышний, и земля эта не должна быть осквернена человеческой кровью. Если же некий злодей осквернил ее убийством, то земля может быть очищена от крови только кровью пролившего ее⁴. Умышленное убийство не искупается никаким выкупом.

¹ Исх., 21 : 24, Лев., 24 : 20, Втор., 19 : 21.

² Исх., 21 : 27.

³ Втор., 19 : 19.

⁴ Числа, 35 : 33, 34.

Закон не попустительствует тем, кто нанес другому вред, хоть бы не по злому умыслу, а по беспечности, неосторожности или забывчивости. Твой скот потравил чужое поле; по твоей нерадивости возник пожар; оставил открытой яму, а в нее упал и погиб чужой вол; не следил за своим волом, зная, что тот бодлив, — во всех случаях ты обязан возместить ущерб¹. Если же хозяин, зная о норове вола, допустил его забодать до смерти человека, сей нерадивый хозяин должен быть предан смерти².

Ответственность за слова

Наши слова суть тоже наши дела, за которые мы отвечаем в той же мере, если не больше. Кто злословит отца своего или мать свою, повинен смерти, как и тот, кто ударил их³, но о первых повторено, что они еще и навечно прокляты⁴, таковых не вешают, а побивают камнями. Помню случаи, когда злостных клеветников наказывали строже, чем воров и грабителей.

Закон предостерегает нас от того, чтобы внимать пустому слуху, не говоря уже о том, чтобы переносить его⁵. Тем более недопустимо злословить судей и начальников народа⁶.

¹ Исх., 22 : 3,4; 21 : 32—36.

² Исх., 21 : 29.

³ Исх., 21 : 17; 21 : 15.

⁴ Лев., 20 : 9, Втор., 27 : 16.

⁵ Исх., 23 : 1, Лев., 19 : 16.

⁶ Исх., 22 : 28.

Справедливость к врагам

Закон требует от нас быть справедливыми и милосердными не только к друзьям, родственникам, соседям и вообще близким людям, но и к тем, кто нам неприятен:

«Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, — приведи его к нему;

Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношей своею, то не оставляй его; развяжешь вместе с ним»¹.

Даже явного злодея, сделавшего подкоп под твой дом, Закон разрешает убить на месте, только если преступление обнаружено ночью, когда нельзя определить, обычный ли это вор либо убийца. Если же хозяин расправился с непрошеным гостем, когда солнце уже взошло, он должен отвечать, как за убийство².

Даже уличенных преступников нельзя наказывать более чем сорока ударами, «чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими»³.

Не злорадствуй ничьей беде, не пользуйся тем, что другой попал в трудное положение, но помоги ему выбраться, даже если это твой враг! Будь выше мстительности и обиды! — так учит нас Закон Моисея.

Даже в пылу боя израильские воины убивают только тех, у кого в руках оружие, всех же прочих (за исключением ханаанеев) должны пощадить, наложив на них дань.

Израильский воин, взяв в плен девушку или женщину враждебного племени и полюбив ее, не может немедленно сделать ее своей женой или наложницей. Это разрешается не раньше, чем пленница выдержит траур, оплакивая своих родственников, погибших в войне⁴.

¹ Исх., 23 : 4, 5.

² Исх., 22 : 2, 3.

³ Втор., 25 : 3.

⁴ Втор., 21 : 10—14.

Ибо безнравственно брать женщину, сообразуясь лишь со своими страстями и не обращая внимания на ее состояние. Если же муж, утолив свою страсть, охладает к пленнице и не захочет быть связанным с нею, то он не вправе вновь вернуть ее в рабское положение, но должен дать ей свободу.

Хотел бы я знать, есть ли где-нибудь на свете другой народ, чьи уставы были бы хоть в сотую долю так справедливы и человеколюбивы!

Отношение к пришельцам и иноверцам

Глубокой ошибкой было бы полагать, что заветы справедливости и доброты действительны только по отношению к сынам своего народа. Нет, в Законе несколько раз указано, что и пришельцы ограждены и защищены Законом.

«Пришельца не притесняй и не угнетай, — говорит Господь, — ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской... — И повторяет: — Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, ибо сами были пришельцами... Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя... Один суд должен быть как для пришельца, так и для туземца»¹. Нарушителям грозит гнев Божий. Разумеется, пришельцы несут и равные обязанности и так же отвечают перед Законом².

¹ Исх., 22 : 21; 23 : 9, Лев., 19, 34; 24 : 22.

² Числа, 8 : 14; 15 : 16.

Всех чужеземцев, приходящих к нам с желанием подчиниться нашим законам, мы примем дружелюбно, полагая, что родство возможно не только по общности крови, но и вследствие избрания единого образа жизни.

Добавлю, что некогда мне довелось разбирать дело одного израильянина, укравшего овцу у язычника. По моему разумению, вор подлежал более строгому наказанию, нежели если бы он обокрал кого-то из своих, ибо в данном случае, кроме имущественного преступления, он опозорил весь народ и тем самым как бы прибавил к своему греху еще более тяжкий — осквернение Имени Божьего. Я обратился за советом к старшим, и те подтвердили, что преступника, согрешившего против чужих, полагается карать более сурово.

Я вынужден подробно остановиться на этом вопросе потому, что некоторые язычники распускают злонамеренные слухи о нетерпимости израильян, о якобы собственном нам высокомерном презрении ко всем другим народам, о том, что мы гнушаемся всеми иноплеменниками.

Увы, в Израиле есть свои неразумные, которые в заблуждении ума своего гордятся богоизбранностью Израиля, любовью к нему Господа и отличием от других племен, как личной заслугой. Такие считают, что, дав себе труд родиться евреями, они тем самым уже вознеслись превыше всякого нееврея. Я же не устаю твердить моим ученикам: святость, избранничество Израиля, преимущество перед другими племенами — в его праведных делах, праведность же — в исполнении Божьих заповедей¹.

Бог хотел бы видеть Израиль народом святым и царством священников, но для того, чтобы стать Его уде-

¹ Втор., 6 : 25; 15 : 5, 6.

лом из всех народов, Израилю необходимо слушаться гласа Его и соблюдать Его завет¹. «Правды, правды ищи!» — требует Господь. Стремление к справедливости Он ставит условием нашей жизни и владения Землей обетованной². Тем же, кто чрезмерно кичится своей принадлежностью к Израилю, я привожу слова Моисея: «Не говори в сердце своем, что за праведность мою привел Господь овладеть сею землею... Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их; но за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего»³.

Будем же помнить, сколько раз Израиль гневил и раздражал Господа своим упрямством, непостоянством, неблагодарностью, склонностью роптать, и постараемся избавиться от того скверного качества, за которое Бог назвал нас жестоковыйным народом. Отвергая идолов, почитаемых другими народами, мы не вправе хулить их или высмеивать племена, им поклоняющиеся. Также не дозволено ограблять чужие храмы или присваивать себе приношение, назначенное не Предвечному, а другому богу.

Господь запрещает самовольно изменять границы ни Израиля, ни соседней страны, с которой мы живем в мире, ибо из желания изменить границы возникают лишь войны и смуты. Кто нарушает границы, недалек от того, чтобы нарушать законы.

Быть настоящим евреем — значит сохранять святость веры и растить семена спасения, предназначенного когда-нибудь распространиться на все человечество. Быть

¹ Исх., 19 : 3—6.

² Втор., 16 : 20.

³ Втор., 9 : 4, 5.

настоящим евреем — значит нести дополнительные обязанности, ибо только от нас Бог требует выполнения Закона. Для язычников это необязательно, они могут обрести прощение Бога, соблюдая всего лишь семь заповедей Ноя, которые Господь дал всем народам после потопа (не служить идолам; не хулить Божьего имени; не убивать; не грабить и не красть; не блудодействовать; не есть удушенных и мяса, оторванного от живого животного; иметь писанные законы, суды, придерживаться законных отношений с другими народами).

Господь желает, чтобы евреи не отказывали чужеземцам в тех щедротах, которые мы оказываем своим землякам и единоверцам. Тогда неевреям станет особенно ясным то благоволение, которое Предвечный оказывает Своему избранному народу.

Доброта ко всему живому

Милосердие, по Закону, должно простирается не только на людей, но и на все живое. Вспомним случай со жрецом Валаамом. Валаам едет в землю Моавитскую, чтобы проклясть Израиль. Ангел Господень стал на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Ослица Валаама видит Ангела, а Валаам не видит, он принимается бить ослицу за то, что она отказывается его везти. Когда жрец, наконец, прозревает, Ангел строго спрашивает, за что он избил животное. Валаам отвечает ангелу: «Согрешил я, ибо не знал, что Ты стоишь против меня на дороге»¹.

В чем же состоит этот грех? В том, что жрец послу-

¹ Числа, 22 : 23 — 34.

шался воли Господней? Но Господь не запрещал ему идти в землю Моавитскую¹. Быть может, Валаама виноват в том, что он ослушался посланца Божьего? Но Валаам не знал, что тот стоит на дороге, угрожая ему мечом, а как только прозрел, поклонился Ангелу, выразив готовность подчиниться.

Очевидно, избиение невинного животного и было, по мнению Валаама, его серьезным грехом.

Итак, жестокость по отношению к бессловесным тварям недопустима. Истинно праведного человека отличает доброта к домашнему скоту, равно как и к зверям и птицам полевым.

Господь, распространяя свою заботу на все свои создания, повелевает: «Если попадетсЯ тебе на дороге птичьЕ гнездо на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе с детьми;

Мать пусти, а детей возьми, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои»². Я уже говорил, что Суббота необходима человеку, чтобы он отошел от будничных дел и отдал свои помыслы Богу. Но Суббота необходима и природе, чтобы человек не вмешивался в нее, одна из целей Седьмого дня — дать отдохнуть домашним животным³. Закон запрещает заграждать рот волу, когда он молотит на жниве⁴. Ибо несправедливо лишать существо, которое трудится вместе с нами, известной доли злаков.

Господь говорит, чтобы мы не вырубали садовые деревья, растущие близ вражеской крепости, если бы лес

¹ Числа, 22 : 20, 35.

² Втор. 22 : 6—7.

³ Исх., 22 : 12.

⁴ Втор., 25 : 4.

понадобился для изготовления осадных орудий. Деревья эти существуют на благо людям, и если бы они обладали даром слова, они бы заявили, что несправедливо подвергаются истреблению, ведь не по их вине возникла война и, будь у них возможность, они бы перешли на другое место.

Такое неприятное само по себе дело, как убийство животных, употребляемых в пищу, Бог повелевает выполнять так, чтобы не причинять лишних мучений — мгновенно, одним ударом. Мясо раненого животного, растерзанного хищниками, умершего в страданиях, становится нечистым, запретным, вкушать его нельзя, так же как и кровь зверей и птиц¹.

Духом человечности проникнуто требование не варить козленка в молоке его матери², то есть не держать вместе мясное и молочное, не смешивать их за трапезой и даже в желудке, т.е. между вкушением мясного и молочного должно пройти определенное время.

Вообще употребление мясного Господь разрешил нам, снисходя к нашей слабости, только после Потопа, наложив ограничения. Можно долго спорить, почему запрет на свинину, только ли потому, что она сама по себе мерзостна, или потому, что еще и вредна. Но главное, на мой взгляд, сам принцип: не убивай живое бездумно, по прихоти, не ешь, что попало.

По совести говоря, я не считаю ограничения в пище такими уж жесткими, а соблюдение их — таким уж трудным. Нормальный человек не испытывает никаких неудобств от того, что не ест верблюжатины, зайчатины, мяса тушканчика, а также коршуна, грифа, ворона, совы и прочих хищных или питающихся падалью тварей.

¹ Втор., 12 : 16, 23—25, Лев., 3 : 17; 7 : 23, 26.

² Исх., 23 : 19; 34, 25, Втор. 14 : 21.

Лично у меня никогда не было также охоты попробовать лягушек, змей, ящериц, червяков, моллюсков и прочую нечисть. Только извращенный вкус может не довольствоваться той разнообразной мясной пищей, которая дозволена. А это всякий жвачный скот с глубоким разрезом копыт (волы, козлы, овцы, и олень, и буйвол, и лань, и серна), из птиц — куры, утки, гуси, голуби, из рыб — имеющие чешую и плавники.

Суровость и человеколюбие

Человеколюбие Закона вовсе не противоречит его суровости. Да, Закон суров, он предусматривает проклятие и наказание смертью за десятки деяний, нарушающих Господни уставы. Но рассмотрим, что же это за преступления? Они либо столь омерзительны и ужасны, что самый снисходительный законодатель не смог бы покарать за них иначе, как истреблением (убийство, похищение свободного человека и продажа его в рабство, кровосмесительство, скотоложство, содомия, вызывание мертвых). Либо деяния суть такого рода, что для исполнения их нужны крайняя дерзость и упорство в нечестии, ибо воздержаться от них гораздо проще, чем совершить (например, богохульство, осквернение субботы, нарушение Пасхи, вкушение запретной еды).

Нет, не жестокие наказания устанавливает наш мудрый и святой Закон, но всегда соразмерные опасности деяния. Рассмотрим довольно распространенные примеры, связанные с воровством домашнего скота. Если украденные животные обнаружены живыми, вор обязан заплатить вдвое. Если он уже успел продать или заколоть скот, то за каждого вола вор платит впятеро, за

овцу — вчетверо. Укравшему нечем заплатить? Его продадут в рабство. Разве это чрезмерно строго?

Если кто обольстит необрученную девицу, тот обязан на ней жениться, а если отец не согласен отдать ее в жены, заплатить выкуп. Если кто овладел необрученной девицей против ее воли, он не только женится на ней, не только платит выкуп, но и не имеет права развестись с ней в течение всей жизни. Разве это чрезмерно строго?

Моя судебская практика привела меня к выводу: суровость Закона смягчается необходимостью придерживаться множества формальностей, без соблюдения которых человек не может быть приговорен к смертной казни. Например, чтобы осудить осквернителя субботы, я должен был удостовериться в том, что тот предварительно был предостережен и что его спрашивали: «Знаешь ли ты, что сегодня суббота? Знаешь ли ты, что дела, которые ты делаешь, запрещены в субботу? Знаешь ли ты, что за нарушение субботы положена казнь через побитие камнями?»¹ И только в случае утвердительных ответов на все вопросы, только если виновный не внимал предупреждениям, могла быть применена казнь. Я не припомню таких случаев. Цель надзирателей, следящих за соблюдением субботы, заключается не столько в том, чтобы устрашить народ примерным наказанием слушников Закона, сколько в том, чтобы не допустить нарушений и немедленно прекратить, коль скоро они все-таки были допущены.

Вспоминаю, когда я в юности изучал Тору, меня удивил следующий отрывок:

«Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы.

И привели его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу.

¹ Исх., 22 : 16, 17, Втор., 22 : 28, 29.

И посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать.

И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана.

И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями, и он умер, как повелел Господь Моисею»¹.

Почему преступник, коль скоро его вина была доказана и было установлено, что он упорствовал в грехе, не был наказан сразу? Что значит «не было определено, что должно с ним делать» и зачем Моисею потребовалось вопрошать Господа, если к тому времени было известно, что осквернители субботы караются смертью?

Мне разъяснили, что это был первый обнаруженный случай нарушения субботы. Тогда еще не был точно установлен вид казни — повешение, побитие камнями или умерщвление стрелами. Таким образом, человек, собиравший сучья в пустыне, не мог быть предупрежден, какой именно казни он подлежит. Поэтому Моисей и Аарон были в сомнении, применима ли здесь казнь.

В ответ на обращение Моисея Господь не только разъяснил способ казни, но и указал, что в данном случае Закон имеет обратную силу.

Самое тяжкое наказание предусмотрено Законом за нарушение супружеской верности. Напомню, однако, что для обличения в этом преступлении (как и в любом другом) недостаточно одного свидетеля, требуется три, в крайнем случае два². Притом свидетели должны заслуживать полного доверия благодаря своему безупречному поведению в прошлом. Нечего и говорить, что выполнить это требование в таких щекотливых делах почти никогда не удавалось, хотя в глубине души я не сомневался в виновности подсудимых.

¹ Числа, 15 : 32—36.

² Числа, 35 : 30, Втор., 17 : 6; 19 : 15.

Вам известно также, что Закон обязывает доносителей и свидетелей первыми наложить руки на преступников, и только после них бросают камни в осужденных все остальные¹. Не стоит объяснять, какое бремя ответственности ощущают на себе свидетели, и в случае малейшего сомнения они воспользуются возможностью истолковать события благоприятным для подсудимого образом и повернуть дело в его пользу.

Суд — дело Божье

Из всего сказанного видно, как сложны и ответственны обязанности судии. Делом Божиим называет суд Тора, требуя судить по правде, тщательно проверять все свидетельства, выслушивать беспристрастно обе стороны, не различать, знатный, богатый и сильный стоит пред тобой либо малый, слабый и бедный. В этом отношении образцом для всех израильских судей был и остается, конечно, сам Моисей.

Тот, кто вершит суд, не должен бояться угроз, принимать дары и — это, наверное, самое трудное! — не отступать от истины, следуя мнению большинства². Осудить невинного — одно из самых страшных преступлений в очах Господа. Если судья примет подношение, его ждет одна кара: смерть³.

«Допустимо ли нарушать заповеди ради спасения своей или чужой жизни?» — спрашивают меня ученики.

Человеколюбие Господа проявляется в том, что он допускает отступать от Закона, если есть опасность для жизни. Так, в субботу позволительно вытащить из ко-

² Втор., 13 : 9; 17 : 7.

² Исх., 23 : 2, 3, 6—9, Лев., 19 : 15, Втор., 1 : 16, 17.

³ Исх., 23 : 8, Втор., 16 : 19; 27 : 25.

лодца упавшего туда ребенка. Я допускаю также, что перед лицом голодной смерти и при отсутствии другой пищи нам разрешено съесть мясо нечистого животного.

Безусловно запрещено, даже под угрозой гибели, убийство, служение идолам и кровосмешительство. Я уверен: поставленный перед выбором — умереть либо перейти в язычество, любой из нас предпочтет смерть отступничеству.

И еще вопрос, который часто задают мне ученики: «В Законе сотни различных правил и запретов. Какие среди них суть самые важные? Неисполнение каких простительно?»

Я всегда отвечаю: «Нам не дано знать, что считает самым важным Господь, и не следует нам делить заповеди и уставы на большие и малые, коль скоро за исполнение малой уготована, возможно, большая награда, чем за соблюдение той, которую мы по слепоте своей считаем более важной. Закон — это твой дом, твоя ограда; станешь ли ты вынимать из крепостной стены хотя бы единственный кирпич?!»

Праведность — это не то, чему отведено в твоей жизни особое место или особое время. Нельзя быть праведником в доме собраний и нечестивцем в доме своем или виноградунике своем. Праведность есть то, что составляет твою жизнь от пробуждения до отхода ко сну, она должна проявляться во всех твоих делах.

Доступность Закона и легкость его исполнения

Господь, сообщив через Моисея свой Закон, дает нам руководство, как следует себя вести, чтобы быть приятными в Его очах и радовать Его, как радовался Он о наших

праотцах. Он не требует от нас чрезмерного, Его заповедь не трудна, не непостижима.

«Она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взошел бы для нас на небо, и принес ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?»

И не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море, и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?»

Но весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём, чтоб исполнить его»¹.

Кары нечестивцам и награды праведным

Что ожидает нечестивцев, отвергающих Господни законы? Поистине страшны кары, которые Он обрушит. Да ведает отступник и ослушник:

«Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле твоих рук, доколе ты не будешь истреблен... Вместо дождя Господь даст земле твоей пыль... Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли... С женою обручишься, и другой будет спать с нею; дом построишь, и не будешь жить в нем; виноградник насадишь, и не будешь пользоваться им... Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу, глаза твои будут видеть и всякий день иставать о них, и не будет силы в руках твоих... И сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои... И будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведет тебя Господь»².

¹ Втор., 30 : 12—14.

² Втор., 28 : 20—37.

Нет, я не в силах продолжать, ибо каждый раз при чтении этих страшных строк в свитке Торы меня охватывает трепет ужаса. Успокаиваюсь я при мысли, как, в сущности, легко избежать такой участи.

Наш Бог в милосердии своем жестоко карает не за неисполнение Закона, а за нестарание, нежелание его исполнить¹. Каждый может оступиться и впасть в грех по незнанию или ошибке; этот грех искупается покаянием и жертвой. Прокляты навечно и истреблены будут лишь те, кто творят сугубые мерзости и упорствуют в беззаконии. Это тайно поклоняющийся кумирам, злословящий своих родителей, нарушающий межи, сбивающий слепого с пути, превратно судящий пришельца, сироту и вдову, кровосмеситель, скотоложец, злодей, убивающий тайно, и берущий подкуп за пролитие невинной крови².

Грешили и великие праведники, и дед мой Аарон, однако были не прокляты навечно, но прощены, ибо горько сожалели о своих ошибках и заблуждениях, искупили их и не повторяли. Мы можем черпать в этом утешение: если даже великие люди знали искушения и минуты слабости, Господь снизойдет и к нашим слабостям.

Создатель предоставляет нам самим выбирать между жизнью и смертью, добром и злом, благословением и проклятием.

Сопоставим судьбу нечестивца с теми наградами, которые Господь обещает слушающим Его глас и исполняющим Его заповеди:

«Грядут на тебя все благословения сии, и исполнятся на тебе... Благословен плод чрева твоего и плод земли твоей, и плод скота твоего... Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя... И даст тебе Господь изобилие во всех благах... И увидят все народы земли, что имя Гос-

¹ Втор., 5 : 1; 6 : 25; 15 : 5.

² Втор., 27 : 15—25.

пода нарицается на тебе, и убоятся тебя. Откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих...»¹

Сказано также: «Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое»². Так будем ли мы колебаться, делая наш выбор?

Несмотря на нашу греховность, Господь надеется на то, что мы способны стать такими, какими Он хотел бы нас видеть. «Освящайте себя, и будьте святы, ибо Я Господь, Бог ваш, свят», — так говорит Он³. Благословен Ты, Царь Вселенной, верящий нам и прощающий нас!

Смерть пророка

Моисей назначил себе преемника. Как и предполагалось, им стал Иисус Навин, на которого пророк возложил руки свои в знак передачи всей полноты власти. Народ принес присягу новому вождю.

Стремясь избежать даже намека на возможность распрей в будущем, Моисей позаботился о том, чтобы Ханаанская земля заранее была распределена между коленами Израиля. Он распорядился, чтобы более многочисленные колена получили больший удел. Только священники и левиты не получили особых уделов, так как им предстояло служить Господу во всем Ханаане. Хорошо помню торжественный день, когда Иисус Навин, мой отец Елеазар и представители каждого из колен Израилевых делили земли. Долго обсуждали сравнительные достоинства и недостатки участков, плодородие почвы, наличие источников. Жарко спорили, уточняя границы, так что моему отцу приходи-

¹ Втор., 28 : 2—12.

² Втор., 30 : 19.

³ Лев., 20 : 7.

лось успокаивать и призывать к порядку. Замечу, что никому и в голову не приходило усомниться в важности и, так сказать, действительности решений, хотя земля, которую делили, еще не была завоевана и на ней жили чужие народы. Так велика была вера в Господа, в то, что он дарует нам победу и отдаст Израилю страну обетованную.

Благословив народ в целом и все его колена, дав последние напутствия, Моисей сложил вдохновенную песнь во славу Бога, которую мы записали за ним и выучили наизусть. Она воодушевляет нас и в злую минуту, и в добрый час. Все вы прекрасно ее знаете, она начинается словами: «Внимай, небо, я буду говорить, и слушай, земля, слова уст моих, прольется, как дождь, учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву»¹.

Кстати, не все знают, что Моисей, между походами и государственными делами, сочинял гимны и псалмы. Их поют, не всегда зная автора. А сейчас, когда я пишу эти строки, у меня не выходит из головы печальный напев и проникновенные слова, которые я слышал однажды из уст самого Моисея незадолго до его смерти:

«Дни наши — как сон,
как трава, которая утром вырастает,
утром цветет и зеленеет,
вечером подсекается и засыхает...
Мы теряем лета наши, как звук,
Дней наших семьдесят лет,
а при большей крепости восемьдесят лет,
и самая лучшая пора их — труд и болезнь,
ибо проходят быстро, и мы летим...»²

...Когда Моисей, благословив каждое колено Израиля, стал прощаться с народом, дал понять, что более израильские его не увидят, раздались вопли и стенания. Почтенные мужи, которые были подростками во время исхода,

¹ См. Втор., гл.32.

² См. Псалом 89.

рыдали и били себя в грудь. Женщины, заливаясь слезами и причитая, до крови царапали себе лица. Громко плакали дети, которых ничем нельзя было унять. Казалось, будто стар и млад старались превзойти друг друга в выражении своей безмерной скорби. Одни сокрушались о том, что ждет их в будущем, словно впервые осознав, какого вождя и заступника они лишаются. Другие скорбели о том, что приходится расставаться с человеком, всех заслуг которого они не умели должным образом оценить. Трудно было поверить, что многие из этих людей незадолго до этого в злобе кричали Моисею: «Кто тебя поставил начальником над нами?»

Печаль народа была так велика, что и сам учитель и законодатель наш был тронут. Хотя он сам говорил, что не следует слишком явно и несдержанно отдаваться скорби, ибо человеческая смерть является следствием Божьего предопределения, на сей раз он заплакал. Признаюсь, я был потрясен происходящим до глубины души, ибо никогда раньше не видел на лице Моисея даже слезинки.

Моисей медленно направился туда, где ему было заповедано умереть. Огромная толпа следовала за ним, ни на миг не переставая рыдать. Тогда Моисей знаком руки остановил людей и принялся уговаривать их не идти за ним. Не смея перечить ему, израильтяне остановились. Моисея сопровождали только его племянник, мой отец первосвященник Елезар, Иисус Навин¹ и еще несколько ближайших друзей и сподвижников. Достигнув подножия горы Нево, он обнял напоследок Елезара и Иисуса и настоял, чтобы все оставили его.

Он один взошел на вершину горы. Господь открыл его взгляду чудесную картину. Как на ладони прямо впереди, над пальмовыми рощами, виднелись твердыни Иерихона — первой мощной крепости у врат Ханаана, а вдали, у самого горизонта — различалась синяя полоса Великого Западного моря.

Иордан нес свои воды среди высоких берегов к маслянистой глади Мертвого моря, взятой в тиски желтыми, серо-коричневатыми, фиолетовыми скалами. Справа простиралось озеро Кинерет, за ним — покрытые снежной шапкой вершины горы Хермон.

Вот она, земля наших праотцев, земля, текущая молоком и медом!

И сказал Моисею Господь:

— Вот земля, о которой я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «семени твоему дам ее». Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь»¹.

Это произошло в новолуние последнего месяца в году². В этом же месяце Моисей и родился.

Мне остается лишь привести строки, которые Елезар и Иисус Навин в те скорбные дни по велению Господа дописали в самом конце книги «Дварим»: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской пред фараоном и над всеми рабами его, и над всею землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля»³...

...Отвернувшись от раскинувшейся перед ним с высоты величественной картины, испустил дух. Кончина его окутана вечной тайной, и по сей день никто не знает, где находится место его погребения.

Народ Израиля лишился своего святого пророка, великого вождя, мудрейшего законодателя, своего отца и учителя, человека, беседовавшего с Господом как бы с другом своим⁴.

В течение тридцати дней мы оплакивали Моисея. А

¹ Втор., 34 : 4.

² Соответствует февралю-марту.

³ Втор., 34 : 10—12.

⁴ Исх., 33 : 11.

потом свернули шатры, чтобы под водительством Иисуса Навина переправиться через Иордан.

Настало время начать освобождение страны обетованной!

Клевета о смерти пророка

Под покровом тайны, окутывающим обстоятельства смерти Моисея, родились темные и отвратительные слухи. Опровергать их и вступать в спор с врагами Израиля мне всегда казалось делом недостойным. Но недавно мой любимый внук, испуганно округлив глаза и рглядываясь, чтобы никто нас не услышал, прошептал:

— А правда ли, дедушка, что Моисей не сам умер? Говорят, что его убил кто-то из своих...

И я понял, что, если не задушить эту гнусную клевету в зародыше, она будет жить в грядущих поколениях, подобно тому, как змеиное шипение несется вслед величавой поступи льва.

Конечно, ничто не в силах омрачить сияющий облик нашего пророка, но я не хочу, чтобы даже тень несправедливых подозрений падала на Израиль — его народ и мой народ. Подлость этих подозрений состоит в том, что, при всей своей лживости, они могут выглядеть основательными в глазах людей невежественных: разве не роптал Израиль на своего пророка? Разве мало было среди нас недовольных?

Да, сыны Израиля постоянно роптали на Моисея, но скажите, был ли от сотворения мира хоть один великий преобразователь, чья деятельность не вызывала бы ропота? Да, требования Моисея многим казались чрезмерно суровыми, но можете ли вы назвать хоть одного законодателя, чьи установления никому не казались бы обременительными?!

Да, не все покорялись Моисею с подобающим смирением и беспрекословностью, но есть на свете хоть одно общество, в котором нет недовольных вождем?!

Задумайтесь: если в первые, самые тяжелые месяцы исхода, если за десятилетия безнадежных и мучительных скитаний по пустыне никто не осмелился поднять руку на Божьего человека, как эта мысль могла прийти в голову кому-то из поколения тех, кто с детства был приучен видеть в Моисее бога, героя-избавителя, чудотворца, владыку жизни и смерти? Уже не говоря о кощунственности такого предположения, оно до крайности нелепо, просто лишено смысла для любого, кто хоть мало-мальски знаком с действительной обстановкой, окружавшей Моисея в последние годы его жизни.

У моих сверстников, у всех, кого Моисей привел к преддверию страны обетованной, одно его имя вызывало благоговейный трепет. Моисею не нужны были телохранители, у него не было необходимости защищаться, ибо возможность покушения полностью исключалась. А точнее, само это предположение не возникало. Кто и что могло угрожать человеку, которого охранял сам Господь?

Наверное, греховно с моей стороны даже упоминать о существовании вздорного, злонамеренного слуха, и если я решился все же обсуждать и доказывать его абсурдность, то только потому что еще большим грехом мне кажется промолчать, зная, как было на самом деле.

Для того, чтобы воссиял свет истины, иногда приходится иметь дело с грязью!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**В Земле
обетованной**

Характеристика Иисуса Навина

После смерти Моисея вождем народа Израиля суждено было стать самому достойному — тому, кто сочетал в себе мудрость управителя, знание военного ремесла, благочестие, железную волю, умение угадать настроения и заветные чаяния народа и способность осуществить их, в то же время не угождая людям в их мелких страстях и желаниях.

Поистине, наш великий пророк и учитель не ошибся в своем выборе! Иисус Навин, его славный преемник, происходил из колена Ефремова и был одним из тех двух праведных и преданных Моисею людей, которым только и было дано из всех, вышедших взрослыми из Египта, увидеть Землю обетованную. При выходе из Египта Иисусу было лет сорок с небольшим, и, следовательно, ко времени вступления в Ханаан — уже за восемьдесят. Но, подобно великому своему предшественнику, и в этом возрасте наш новый вождь был полон сил и неустрашимого мужества.

Может показаться, что задача, стоящая перед Иисусом, была гораздо легче, нежели у его предшественника. Действительно, Иисусу уже не было необходимости преодолевать те неисчислимые трудности, с которыми сталкивался Моисей. Народ, которым руководил Иисус, был совсем не той разношерстной толпой вчерашних рабов, легко переходящих от восторга к унынию и слабо ощущающих свое единство и свою великую цель. Иисус имел перед собой поколение свободных людей. Каковы бы ни были их недостатки, они не мыслили себе возврата к неволе и были готовы пролить кровь, чтобы осуществить давнишнюю мечту об обретении Родины.

Иисус имел дело уже со сложившимся законодательством и готовыми формами управления. Он имел перед собой пример Моисея и не был, как тот, первопроходцем и первооткрывателем. Он мог опереться на опыт и наставления своего святого учителя, он прошел большую, многолетнюю школу управления, он был выпестован Моисеем, как львенок своим грозным родителем и птенец орла — могучей птицей.

Трудность Иисуса в том и состояла, что весь народ привык смотреть на него как на тень Моисея, подобие его и отражение его.

Отмечу, что никогда, ни прежде, ни теперь, мне не доводилось видеть, чтобы ученик столь верно, благоговейно и любовно служил учителю, как Иисус. Мало сказать, что он был беспредельно предан, — он прямо-таки боготворил Моисея!

Я уже упоминал об одном, на первый взгляд, незначительном, но характерном случае. Когда Господь в облаке сошел к старейшинам, Дух почил и на двоих мужах, Елдаде и Модаде, и они начали пророчествовать в нашем стане. Узнав об этом, Иисус обратился к Моисею с просьбой, звучавшей почти как требование: «Господин мой, запрети им делать это!»

Раньше Иисус никогда не осмеливался говорить в таком тоне с пророком и как бы предписывать, что тому надлежит делать. Моисей внимательно посмотрел на взволнованное, даже встревоженное лицо младшего соратника, и на его лице — небывалое дело! — появилась легкая улыбка:

— Уж не ревнуешь ли ты за меня? Нет ничего плохого в том, что эти люди пророчествуют. Я мог бы только мечтать, чтобы Господь послал Духа Своего на всех израильтян¹. Учитель наш Моисей не рассердился потому, что увидел: Иисус так высоко ставит его, что воспринимает чуть

¹ Числа, 11 : 27, 28.

ли как оскорбление и как личный вызов, когда кто-то другой притязает на святость и особое покровительство Бога. По мнению Иисуса, это могло принадлежать только Моисею.

Итак, отныне сыну Навина предстояло действовать, выполнять волю Божью и вести за собой Израиль уже только от своего имени, не опираясь на мощное покровительство. Впрочем, Иисус к тому времени в сражениях с кочевниками и в длительных войнах за господство в Заиорданье уже снискал себе славу умелого вождя.

Приготовления к штурму Иерихона

Впереди был Ханаан, Земля обетованная, земля наших праотцев! Мы стояли на самой ее границе...

От отрогов Ливанских гор до Аравийской пустыни протянулась она неширокой полосой. Всю ее можно пройти из конца в конец в длину за пять дней, а в ширину — за два дня. Дороги купцов и завоевателей, морских и сухопутных, проходят по ее границам. Полки и караваны, движущиеся от берегов Евфрата к берегам Нила и обратно, соприкасаются с ее окраинами. Реками, морями, горами отделена она от других стран и народов, безопасность ее охраняют безводные пустыни на юге и востоке, непроходимые хребты на севере, суровое Великое море за западе. В ней встречаются Азия, Африка и Европа. Земля добрая, дающая два урожая в год, где в изобилии растут пшеница, ячмень, виноградная лоза, и стройная пальма, и гранатовое дерево, и смоковница, и маслина! Земля щедрая, таящая в недрах серебро, медь, олово и разные металлы! Земля, в которой наш народ будет есть хлеб и ни в чем не будет иметь недостатка¹. Она неудержимо влекла нас, земля Ханаанская, текущая молоком и медом.

¹ Втор., 8 : 7.

Но нам противостояли испытанные в боях войска хананских племен — отряды, прекрасно обученные и обладающие боевыми колесницами. На нашем пути высились хорошо укрепленные города и крепостные бастионы, считавшиеся неприступными.

Чтобы завоевать эту землю, требовалось не только огромное мужество со стороны вождя и его народа, но и помощь Бога. И эта помощь была обещана нашему доблестному предводителю Иисусу Навину.

— Никто не устоит перед тобою во все дни жизни твоей, и как Я был с Моисеем, так буду и с тобою, — так сказал Господь Иисусу сразу после смерти Моисея. И добавил: — Только будь тверд и весьма мужествен.

Иисус пригласил к себе старейшин колен Рувима, Гада и Манассии, напомнил им о некогда данном им Моисею обещании участвовать в войне ради великой общей цели народа Израиля. Старейшины подтвердили клятву.

Иисус долгие часы проводил с бойцами в упражнениях, приучая их сражаться в строю, действовать согласованно, по всем правилам военного искусства, а не так, как разбойничья шайка, которая легко поддается страху и при первой опасности, первом серьезном сопротивлении превращается в испуганное стадо, где каждый заботится только о спасении собственной шкуры. В этой войне победить могла только правильно устроенная и хорошо подготовленная армия, беззаветно подчиняющаяся приказам одного вождя. Никто больше не смел высказывать недовольства и не подчиняться приказам, даже малейшее непослушание на поле боя могло повлечь за собой наказание смертью.

Огромное уважение, которое завоевал Иисус еще при жизни Моисея, облегчило ему выполнение задачи — в короткий срок создать сорокатысячное войско, превосходившее смелостью и мужеством войска всех противников.

Первым делом израильтянам, не имевшим серьезного опыта осады и штурма крепостей, необходимо было сокру-

шить каменные твердыни Иерихона, который как бы держал в руках ключ от всей Земли обетованной. Обойти их стороной и углубиться в Ханаан, оставив в тылу за собой такую опасность, было бы весьма рискованно.

Иисус привел народ на левый берег Иордана и расположился лагерем в Ситтима, у горы, на которой испустил дух Моисей. Местность вокруг изумляла нас, привыкших к скудным пустыням, своей красотой и богатой растительностью. На другой стороне реки, примерно в двух часах ходьбы от нее, посреди обширной пальмовой рощи виднелись бойницы и башни. Много раз племена с востока пытались овладеть крепостью, но всегда откатывались назад, потерпев позорное поражение. На протяжении веков Иерихон непреклонно стоял, охраняя вход в Ханаан.

Как опытный полководец, Иисус не желал вслепую бросить свои отряды на штурм твердыни. Ему необходимо было получить самые точные сведения о подступах к городу, силах гарнизона и оборонительных сооружениях, о настроениях и боевом духе противника. Иисус выбрал двух хорошо знакомых ему воинов, памятливых, находчивых и смелых, и поручил им пойти в разведку.

Как блудница Раав спасла разведчиков

Переодевшись в ханаанские одежды, воины под покровом ночи переправились через Иордан.

Спустя многие годы кое-кто по невежеству утверждает, будто они пересекли реку вплавь, но это неправда. Мало кто из нас умел плавать, да и где было этому научиться? Не в пустынях же! Кроме того, появляться в городе в мокрых одеждах было почти равносильно самоубийству — на разведчиков сразу же обратили бы внимание и схватили. Сушить одежды у костра было также довольно опасно, ибо

вдоль берега совершала обход стража иерихонцев. Нет, наши ребята переплыли реку на плоту, а затем незаметно пробрались поближе к городу. К утру, когда открылись ворота, они проскользнули за укрепления, смешавшись с толпой торговцев, ремесленников, крестьян, спешивших на базар.

В течение дня разведчики беспрепятственно ходили по улицам, заглядывали в лавки и харчевни, молча вслушиваясь в разговоры городских обывателей, хорошенько осмотрели башни и крепостные стены и даже поднялись на них. Они обнаружили, где находились более уязвимые точки обороны и какие ворота были хуже укреплены. Язык хананеев очень схож с нашим, и все, о чем толковали между собой воины, жители Иерихона, обитатели соседних селений, разведчикам было понятно без труда. Сами же они в беседы не вступали, дабы не разоблачить себя выговором, который все же отличался от местного.

Город был очень богат, и овладение им обещало огромную добычу. Жители, как явствовало из их разговоров, были охвачены тревогой и страхом перед неминуемым нападением израильтян. Пытаясь ободрить друг друга, они вспоминали, как успешно в былые времена отражались захватчики, и предрекали такую же судьбу израильскому войску. Но все отлично понимали, что на сей раз противник несравнимо более грозен, ибо, ему покровительствует Предвечный.

Стремясь увидеть и узнать как можно больше, наши лазутчики замешкались дольше, чем следовало, и вечером решили пообедать на постоялом дворе, прилегавшем к городской стене. Там содержала маленькую гостиницу некая Раав. Заведение было довольно грязным и сомнительным, а сама хозяйка пользовалась в городе недоброй славой блудницы. Наши разведчики этого, разумеется, не знали.

Когда настала пора уйти из города, оказалось, что во-

рота уже заперты. Застигнутые врасплох, лазутчиком решились прождать ночь.

Как выяснилось позже, несмотря на все предосторожности, разведчики выдали себя. Один из них вполголоса о чем-то спросил другого, но и этого оказалось достаточным, чтобы кто-то из иерихонцев, находившихся в большом напряжении и бдительно следивших за всеми подозрительными личностями, признал по выговору израильтян и тут же сообщил об этом начальнику стражи. Тот доложил царю, который приказал закрыть ворота раньше обычного времени и схватить соглядатаев. Их путь до крепостной стены был прослежен, стало известно, что они зашли к Раав. К ней были посланы стражники.

Если бы израильтян схватили, их ждала печальная участь быть казненными после жесточайших пыток.

Раав, женщина молодая, но житейски весьма опытная и сообразительная, сразу распознала, откуда чужеземцы. Это были, несомненно, израильтяне — враги ее народа, чьи костры ярко светились ночью на том берегу Иордана. И все-таки она оказала им гостеприимство!

Некоторые говорят, что Раав поступила так из трезвого расчета — чтобы на всякий случай обеспечить снисходительное отношение к себе будущих завоевателей после неминуемого падения города. Я выяснял этот вопрос с нашими разведчиками много позже, они уверяли, что на самом деле все обстояло гораздо сложнее. Можно с уверенностью сказать, что, если бы Раав двигала только холодная предусмотрительность, судьба наших двух ребят была бы незавидной.

Это теперь, задним числом, падение Иерихона и гибель всех его защитников кажется неизбежными. Тогда же никто из жителей города не мог этого знать. Гораздо более логичным и оправданным было бы сразу выдать вражеских лазутчиков, не ввязываясь в рискованную историю, да

еще заслужив благоволение властей в качестве бдительной и лояльной гражданки.

Как бы там ни было, увидев в окно направляющихся к ее дому стражников, хозяйка мгновенно смекнула, в чем дело, и сразу предупредила израильтян об опасности.

На кровле заезжего дома были разложены для сушки кучи льна, и в них-то Раав и спрятала разведчиков. И очень вовремя, потому что в дверь уже стучали.

— Где те двое, что приходили к тебе в сумерках? — прозвучал грубый голос.

— Зачем вам они понадобились? — притворно удивилась Раав.

— Это израильтяне, они пришли высмотреть нашу землю, и царь приказал схватить их.

Раав напустила на себя испуганный вид:

— Да, приходили ко мне какие-то люди, почему я знаю, откуда они и какие у них дела?

— Живо выкладывай, куда ты их дела! — прорычал начальник царской стражи.

— Перед тем, как затворили городские ворота, они пошушукались о чем-то и вдруг решили уйти, — отвечала Раав с деланным простодушием.

— Они не сказали, куда собираются улизнуть?

— Нет, я ничего такого не слышала. Да что ж вы время-то теряете? Коли они вам так нужны, гонитесь скорее за ними, может, еще успеете догнать!

Стражи, не до конца доверяя блуднице, обыскали весь дом, однако им не пришло в голову заглянуть под кучу льна. Снопы, сушащиеся на крыше дома, — картина была такой мирной и будничной, что ни у кого не могла вызвать подозрений.

И царские стражи дали себя провести хитрой женщине! Они заставили снова открыть городские ворота и во весь дух пустились за беглецами, домчавшись до самой пере-

правы через Иордан. Не обнаружив ничего сомнительного, они с пустыми руками вернулись в город.

— Верно, соглядатаи успели переправиться через реку и добраться до своих, — виновато доложил начальник стражи царю. Тот впал в неопишемую ярость и приказал без пощады бичевать незадачливых сыщиков: они позволили скрыться вражеским соглядатаям, которые, без сомнения, сумели выведать и унести с собой важнейшие сведения!

Но вернемся в дом Раав. Проводив стражников и убедившись, что те последовали ее лукавому совету, она поднялась на крышу дома и рассказала, какой опасности подвергла себя ради них: если бы обман обнаружился, Раав, естественно, казнили бы, а заодно и всех ее родственников. Тем не менее она обещала и впредь помогать разведчикам, если те поклянутся, что после захвата ее родного города израильтяне сохранят жизнь ей и ее родным.

Разведчики охотно дали такую клятву — они были искренне благодарны Раав за спасение. Впрочем, опасность еще далеко не миновала, и судьба их сейчас по-прежнему находилась в руках этой женщины.

Они спросили, что заставило ее пойти на такой риск и, по сути, на предательство своего народа. Может быть, обида на сограждан, презиравших ее низкое занятие, на судьбу, заставившую вести такое унижительное существование?

Оказалось, не только это. Раав много слышала о могуществе Бога израильтян и о том, что Он отдал нашему народу Иерихон, как и весь Ханаан:

— Все здесь знают, что ваш Бог осушил воды Черного моря, чтобы вы через него перешли, и что Его властью вы сокрушили царей Аморрейских за Иорданом. И оттого страх и робость поселились в наших сердцах, и дух наш ослабел...

Разведчики обсудили со своей избавительницей, как обеспечить ее безопасность во время грядущего штурма Иерихона. Нужен был какой-то знак, который выделил бы

дом Раав и послужил бы ему своего рода охранной грамотой. Договорились о том, что хозяйка вывесит в окошке со стороны улицы ярко-красную веревку — тогда ее дом пощадят после боя. Все свою семью Раав также должна была собрать у себя.

Потом Раав спустила разведчиков с городской стены с помощью той самой красной веревки, направив не по той кратчайшей дороге, по которой их преследовали иерихонцы, а по другой, глухой и более безопасной.

Разведчики ушли в горы, расположенные неподалеку, и затаились там, чтобы обмануть бдительность стражи. Три дня спустя они благополучно переплыли Иордан и сообщили Иисусу все, что узнали. Самыми важными для Иисуса были, пожалуй, сведения не о высоте и ширине крепостных сооружений, а о том, что жители подавлены страхом и в глубине души осознают свою обреченность.

Переправа через Иордан

В лагере был дан приказ, чтобы все заготовили себе пищи на три дня, а ночью войско и весь израильский народ вышли на берег реки и начали переправу.

Это было нелегкое дело. Настала весенняя пора, время жатвы, когда после обильных дождей в горах вода в реке угрожающе прибывала, и в том месте Иордан невозможно было перейти вброд. Мостов через реку не было, а строить их мы не умели, и даже если бы и умели, нам не позволили бы иерихонцы.

Признаюсь, я со страхом поглядывал на мутную, кипящую в бешеном стремлении водную пучину, в которой так легко было утонуть. Не придавал бодрости и вид иерихонских дозорных, стоявших на другом берегу. Уверенные в том, что воды Иордана служат им надежной защитой, они осыпали нас градом оскорблений и насмешек.

Навин был твердо уверен в успехе предприятия, ибо ночью он услышал голос Предвечного, который вновь возвестил израильтянам грядущую победу над народами Ханаана. В назначенный час серебряные трубы подали сигнал, и по манию вождя первыми вошли в реку мы с моим отцом Елеазаром, а вслед за нами и наши сородичи из колена Левия с Ковчегом завета на плечах. Помню тогдашние свои ощущения: скользкое дно под ногами, сильное течение, норовящее сбить с ног, и леденящий холод, проникающий все выше по мере того, как намокала одежда...

Мы с трудом пробирались сквозь бушующие волны, вот уже вода дошла до плеч, мы еле могли устоять на ногах, а идти дальше означало гибель, ибо никто из нас не умел плавать. Но священники упорно шли вперед, уповая на Господа и всей душой веря, что Он не оставит нас.

И вот, когда мы оказались посредине реки, свершилось чудо, напомнившее всем нам чудо перехода через Чермное море! Выше по реке, возле города Адама, Иордан внезапно остановился между каменистыми берегами и вздыбился высокой стеной. Воды, еще находившиеся в русле, быстро стекли в Соленое море, и образовался сухопутный проход.

И куда только исчез весь наш страх! Мы, священники, уже не чувствовали холода от мокрых тяжелых одежд — так и стояли посреди Иордана с Ковчегом завета, как бы сдерживая воду, пока весь народ не перешел реку, не омовив ног.

Не могу передать, какой душевный подъем овладел нами в тот миг: после сорока лет скитаний мы ступили на берег Земли обетованной...

Когда последний израильтянин переправился на другой берег, Иордан снова вошел в свое русло.

В Галгале Иисус разбил лагерь, которому суждено было стать не только местом продолжительной стоянки, но и опорным пунктом для завоевания Ханаана. В лагере царил ликование. Весь день пели песни во славу Всевышнего,

а женщины выражали свою благодарность Творцу радостными плясками под сопровождение бубнов и свирелей.

В ознаменование нового чуда Иисус отобрал двенадцать мужей, по одному из каждого колена, и велел достать со дна реки двенадцать камней и уложить их в форме круга, дабы память о великом событии сохранилась вовек.

В Галгале мы в сороковой раз справили праздник Пасхи. Перед этим, готовясь к решающей битве, Иисус имел долгий разговор с моим отцом Елеazarом и по его настоянию приказал восстановить обряд обрезания, которым мы вынужденно пренебрегали за время странствий по пустыне. Старики, в свое время вышедшие из Египта, вымерли, а кое-кто из молодого поколения прилепился к чужим богам и отступил от веры предков. Теперь всем взрослым мужчинам и мальчикам сделали обрезание, что означало возобновление заключенного в Синае союза с Предвечным.

Сразу после этого перестала появляться манна небесная. Да в ней и не было больше нужды, так как тучные и хорошо возделанные поля вокруг Иерихона уже созрели и давали нам зерно, из которого мы выпекали опресноки.

Мы предполагали, что жители окрестных селений, не в силах мириться с тем, что пришельцы пожинают плоды их труда, выступят против нас в поле, но они предпочли спрятаться за крепостными стенами.

Взятие Иерихона

Через несколько недель, когда ранки после обрезания затянулись, началась правильная осада Иерихона. Его жители заперлись за крепостными стенами и больше не смели глумиться над грозными пришельцами.

Когда Иисус осматривал укрепления вражеского города, он вдруг увидел перед собой человека с обнаженным мечом в руке.

— Наш ли ты или из неприятелей наших? — обратился к нему отважный вождь.

— Я вождь воинства Господня, — отвечал незнакомец.

Иисус благоговейно пал ниц, а посланец Небес открыл ему, как может быть взят Иерихон.

Согласно высшему указанию, Иисус велел, чтобы в течение шести дней подряд израильтяне выходили из лагеря и торжественной процессией шествовали вокруг крепостных стен на расстоянии, безопасном от стрел и снарядов.

Во главе шествия стройными рядами маршировали вооруженные воины. Следом за ними шли мы, семь левитов, в полном священническом облачении, и дули в серебряные трубы. Замыкала шествие толпа женщин, детей и стариков в праздничных одеждах. Все молчали, и в весеннем воздухе разносились только пронзительно-звонкие возгласы труб.

Осажденные взбирались на стены, с удивлением и страхом следя за нашими действиями и предчувствуя, что в них скрыт какой-то зловещий и таинственный смысл. Ибо с тех пор, как стоит Иерихон, никогда еще не бывало, чтобы нападавшие вели себя так странно. Тревога нарастала, дух осажденных каждый день подвергался тяжкому испытанию.

На седьмой день Иисус приступил к решающему штурму крепости. На рассвете он снова вывел весь народ из лагеря, но уже не ограничился круговым шествием. Шесть раз израильтяне обошли вокруг стен, храня, как и в предыдущие дни, гробовое молчание. Однако совершая седьмой круг, по знаку полководца мы вдруг крикнули так громко и дружно, что неприступные стены содрогнулись до основания и обрушились со страшным грохотом и подняв тучу пыли. Обломки стен долетали до нас, оцарапав и слегка ушибив нескольких воинов.

Когда облако пыли рассеялось, Иерихон предстал пе-

ред нами совершенно беззащитным. Израильские воины с разных сторон ворвались в город и начали истреблять его жителей и сжигать их дома.

Иерихон превратился в одно сплошное пепелище, и не осталось никого, кто мог бы оплакать его судьбу. Сохранили только золото, серебро, медь и железо, ибо ценные металлы заранее были предназначены для строительства храма Господня.

Впрочем, несколько иерихонцев не были достигнуты карающим мечом. Те два наших разведчика, что ходили осматривать город, получили от Иисуса приказ найти домик с ярко-красной веревкой, вывешенной в окошке, и вывести оттуда в безопасное место хозяйку и ее родственников. Израильтяне выполнили клятву. Иисус поблагодарил ее за помощь нашим разведчикам и веру в могущество истинного Бога. Раав была с почетом принята в общество Израиля, ей подарили участок хорошей земли. Насколько я знаю, она начала новую праведную жизнь, вышла замуж за одного из наших, по имени Салмон, у них взрослые дети¹.

Поражение при Гае

Победа над столь мощно укрепленным городом, как Иерихон, и таким способом, который явно свидетельствовал о помощи Высшей силы, была чрезвычайно важна для народа Израиля. Ведь до тех пор мы брали города на левобережье Иордана после битвы в открытом поле. Падение самой славной твердыни наполнило бодростью сердца израильтян. Возможно, успех слегка опьянил нас и заставил забыть об осторожности и о том, что победоносными нас сделала только воля Предвечного.

В гористой местности по соседству с Иерихоном, недалеко от Вефиля, высились стены укрепленного города

¹ Сын Раав Вооз, был вторым мужем Руфи и прадедом царя Давида.

Гая — следующей цели нашего наступления. Иисус решил и на этот раз послать вперед разведчиков, чтобы хорошенько высмотреть предместья и укрепления. Посланные вернулись с сообщением, что стены и башни там не такие уж мощные и чтобы взять город, нет нужды использовать все войско — справиться с ними под силу одному отряду. Подробно расспросив разведчиков, Иисус пришел к выводу, что для выполнения этой задачи хватит трех тысяч воинов.

Но увы! Как позже выяснилось, это решение было слишком поспешным и, по правде говоря, самонадеянным. В бою перед городскими воротами израильтяне потерпели сокрушительное поражение, бросились бежать, и противник преследовал их вплоть до города Сабарима.

Высокомерие было наказано, и очень сурово! Трудно было переоценить все тяжелые последствия этого поражения. Наше войско потеряло уверенность в себе, а ханаanei, напротив, приободрились, решив, будто можно успешно противостоять Израилю, хотя он и слывет непобедимым.

Весь израильский народ погрузился в уныние, и скорбь овладела нами. Скорбь тем сильнейшая, что накануне мы все были вполне уверены, что в любых сражениях Господь сохранит наши войска невредимыми.

Тридцать шесть семей оплакивали погибших сыновей, мужей и братьев. Иисус и все старейшины, разодрав одежды в знак траура, покаяния и смирения, пали ниц перед Скинией и целую ночь молились, прося Предвечного объяснить, почему Он лишил поддержки народ Свой.

И тогда мы узнали страшную вещь: оказывается, кто-то из воинов нарушил священный обет и присвоил себе часть добычи, предназначенной для храма. Это преступление взывало к небу об отмщении; только смерть виновного могла умиловить Божий гнев.

Ранним утром следующего дня Иисус созвал весь народ, дабы обнаружить святотатца. Всем племенам, родам и семьям предстояло тянуть жребий.

Перст Божий указал сначала на колено Иуды, потом на племя Зары, когда это племя стало подходить по одному человеку, жребий выпал на Ахана, сына Хармия.

Иисус обратился к нему со словами увещания:

— Сын мой, воздай славу Богу Израиля и откройся перед Ним, объяви всем, что ты сделал.

Ахан пал на колени и признался, что среди добычи нашел царскую мантию, сотканную из золотой парчи, двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей. Воин не устоял перед искушением, считая несправедливым не иметь личной выгоды от пережитых лишений и опасностей и отказаться в пользу Господа от вещей, в которых Он не нуждается. Воин утаил эти сокровища и закопал их под своим шатром.

Иисус послал проверить эти слова, и украденное Аханом действительно нашли в указанном месте.

Преступника побили камнями, детей его выгнали, а все его имущество сожгли на костре. На месте казни уложили груды камней, дабы это стало памятным знаком для всех, кто когда-либо осмелится нарушить воинскую присягу и преступить Закон.

После этого утихла ярость гнева Господня, и Он сказал Иисусу, что передает в его руки город Гай.

Наученный горьким опытом, наш вождь продумал более осторожный план сражения и решил взять Гай с помощью военной хитрости. Под покровом ночи он оставил неподалеку в ущелье засаду, а сам, как только рассвело, подошел с остальными отрядами к стенам, как бы готовясь к открытому штурму.

Царь города Гая, воодушевленный недавней победой, приказал открыть ворота и вывел все свои войска на врага, рассчитывая в решающем сражении разгромить все наши силы.

После первой короткой схватки Иисус дал сигнал к отступлению. Преследуя якобы разбитого врага, защитники

Гая оторвались далеко вперед. Ни одного защитника не осталось внутри крепостных стен, и ворота были открыты. Подобную неосмотрительность можно объяснить только ослеплением гордыни после предыдущей победы.

И уж тут наши войска, сидевшие в засаде, не стали терять время даром! Они овладели крепостью, сея кругом смерть и опустошение. Жители города, только что наблюдавшие за действиями своих войск с высоких стен и смеявшиеся над израильтянами, вмиг перешли от величайшего ликования к величайшему предсмертному страху.

Оглянувшись назад, бойцы Гая в ужасе увидели, что их город охвачен пожаром. Преследователи внезапно превратились в жертву, и бежать им было некуда: они оказались между молотом и наковальней, ибо отряд, спаливший город, уже двигался им навстречу. Окруженный со всех сторон противник, несмотря на отчаянное сопротивление, был полностью уничтожен. Не осталось ни одного уцелевшего или успевшего убежать. Всего в тот день погибло двенадцать тысяч жителей Гая.

Захваченную израильтянами богатую добычу, в том числе множество скота и драгоценности, Господь на этот раз разрешил поделить между воинами. Царя же Гая поймали живым и повесили у городских ворот. Его сняли с виселицы только на закате солнца и похоронили в поле под кучей камней. Курган до сих пор считается достопримечательностью.

После взятия двух укрепленных городов под власть народа Израиля перешла обширная часть обетованной земли и мы получили надежный форпост для новых успешных завоеваний. Но прежде чем продолжить движение вперед, народу надлежало подтвердить обязательство свято хранить врученный ему Моисеем от Господа закон. Предвечный, отдав нам Землю обетованную, желал не просто заменить прежних жителей новыми, но истребить нечестивых язычников и поселить на их месте народ избранный и освящен-

ный так, чтобы на развалинах погрязшего в пороках мира основалось царство Божие. В свидетельство этого Израиль должен был возобновить клятву пред Господом в самой торжественной обстановке.

Иисус выбил на каменных плитах все законы Моисея. На горе Гевал мы принесли подобающие обильные жертвы. Затем я вместе с другими священниками, взяв Ковчег завета, встали в долине между горами Гаризим и Гевал. Народ, разделенный на две примерно равные части, по шести колен в каждом, расположился на склонах гор. И вот, когда мы провозглашали уставы и повеления Торы, то на благословения исполняющим Закон с горы Гаризим, а на проклятия ослушникам — с горы Гевал народ отвечал громким и единодушным «аминь!» Тем самым каждый израильтянин подтвердил, что сохраняет верность Господу, никогда от Него не отойдет и готов принять на себя как милость, так и кару Господню.

Место, где произошло это памятное событие, располагало к благоговейному настрою души и возвышенным чувствам. Кругом волнообразно шли холмы, зеленевшие виноградниками и садами. Среди них изумрудной полосой тянулась Сихемская долина — та самая, где за пять веков до нас Авраам воздвиг свой первый жертвенник Богу и где Иаков впервые поставил свои шатры в стране обетованной¹. С вершин Гаризима и Гевала перед нами виднелась прекрасная картина всей средней части Ханаана. На севере возвышались Гелвуя, Фавор, Кармил, а далее — убеленный снегами северный страж земли — Хермон. К востоку сверкали на солнце воды Геннисаретского моря, или Кинерета, от него тянулась темно-синяя лента Иордана. Впереди виднелось Великое Западное море и окаймляющая его песчаная полоса...

Вся Земля обетованная в тот день стала свидетельницей

¹ Быт., 12 : 7; 33 : 19.

клятвы Израиля, и вся она, с ее горами, озерами, холмами и долинами, нивами и пастбищами, была торжественно посвящена Господу!

Хитрость жителей Гаваона

Между тем, стоустая молва о победах наших войск разнеслась далеко. Жители Ханаана не удивились бы, поведи мы себя как обычные захватчики, которые набирают побольше рабов и добычи и, насытившись, уходят к себе. Но мы показали себя народом, пришедшим в чужие пределы не как грабитель, но как хозяин, вернувшийся в дом, который по праву принадлежит ему. Это наводило особенный ужас на туземцев и заставляло трепетать от страха их сердца.

И тогда кое-кто из местных племен, не надеясь выстоять против отважных завоевателей и сознавая, что им грозит та же участь, решили прибегнуть к хитрости.

Примерно в четырех часах ходьбы к юго-западу от Иерихона находился процветающий город Гаваон. Жители его, наслаждаясь богатством и покоем, не отличались воинственностью нрава. Видя отвагу и неукротимость израильтян, гаваонцы прекрасно понимали, что у них нет надежды на спасение, если дело дойдет до схватки. Значит, необходимо любой ценой избежать вооруженного столкновения! Однако горожане, столь же осмотрительные, сколь и малодушные, справедливо полагали, что мы не захотим вести переговоры о мире с городом, который стоит на пути нашего победоносного продвижения и представляет собой легкую и заманчивую военную добычу.

Каким же образом склонить Иисуса к заключению союза? Гаваонцы прекрасно понимали, что бесполезно просить пощады у Иисуса, раз он задался целью истребить весь ханаанейский народ.

Был придуман простой, при этом довольно остроумный и забавный план. Теперь, по прошествии многих лет, мне трудно сердиться на изобретательных гаваонцев, хотя в свое время их проделка вызывала у нас не веселую улыбку, а возмущение.

Итак, справедливо рассудив, что израильтяне плохо знают местность, куда пришли, старейшины Гаваона запасли какие-то жуткие, покрытые зеленой плесенью сухари, взяли у своих нищих самое рваное платье, самые изношенные и дырявые сандалии, самые старые и потертые мехи для воды. И с таким снаряжением они явились к Иисусу, который после побед в Иерихоне и Гае вернулся в стан в Галгале.

От имени своего народа послы предложили заключить с Израилем союз. При этом они, естественно, не объявили себя ханаанеями, но, напротив, сказали, что ничего общего с ними не имеют.

Название города Иисусу ничего не говорило (на это хитрецы и рассчитывали), он стал уточнять, где же расположен этот самый Гаваон, представители которого так настойчиво ищут дружбы с нами.

— Мы пришли издалека, ибо слава твоя дошла и до нас, — подобострастно говорили послы. — Большая честь для нас стать союзником такого смелого народа, ведомого таким искусным и знаменитым полководцем. Но и для Израиля будет выгоднее иметь нас в союзниках, а не в противниках...

Уж не знаю, что больше убедило Иисуса — их льстивые речи либо утомленный вид, заплатанная одежда, жалкого вида кожаные бурдюки и заплесневелые сухари (которые, по словам гаваонцев, были свежеиспеченным хлебом в начале их путешествия).

Короче говоря, Иисус склонился к тому, чтобы заключить союз с царем Гаваона. Как он позже объяснял моему отцу Елеазару и ближайшим друзьям, решающую роль

сыграло желание образовать брешь в рядах остальных ханаанских царей. Ведь те в это время, как говорили, собирались объединиться против нас.

Союз с Гаваоном был заключен, Навин дал торжественную клятву пред Господом...

Однако вскоре наше войско пришло в нагорную часть страны, и мы с негодованием узнали, что стали жертвой тонкого обмана! Жаждавшие добычи военачальники настойчиво требовали от Иисуса, чтобы он разрешил им примерно наказать хитрецов, сумевших так провести нашего мудрого и многоопытного вождя.

Иисус вызвал старейшин гаваонцев и принялся гневно упрекать их. Те смиренно заявили, что у них не было другого способа, кроме хитрости, чтобы избавить свой город от гибели.

Думаю, что у Иисуса возникало желание поквитаться с людьми, по сути дела, выставившими его на посмешище. Но... клятва есть клятва, нарушить ее — страшный грех. Отец мой Елеазар и я были решительно против того, чтобы нарушить обещание, данное именем Бога, и Иисус вынужден был вопреки собственной воле свято соблюдать заключенный договор.

Жители Гаваона избежали смерти, однако были обречены на унижение. Они и их потомки выполняли самые низкие обязанности и привлекались на общественные работы: рубили дрова и носили воду израильтянам.

Солнце остановилось над Гаваоном

Народы Ханаана, убедившись, что каждый из них в одиночку не способен выстоять против израильтян, решили забыть прежние распри и недовольства и заключить оборонительный союз. К этому подталкивало и отпадение Гаваона. Иерусалимский царь Адониседек был особенно обес-

покоен, узнав о трусливом поведении жителей Гаваона. Он опасался, что и другие ханаанские племена могут последовать их примеру. Гаваонцев следовало жестоко проучить, чтобы отбить у других охоту заискивать перед завоевателями.

И вот, под предводительством Адониседека присоединившиеся к нему цари Хеврона, Лахиса, Еглома, Иармуфа с большими вооруженными отрядами подошли к стенам города, который предпочел жить в унижении вместо того, чтобы мужественно бороться с захватчиками.

Жители Гаваона успели предупредить Иисуса об опасности. Израильское войско немедленно выступило из Галгала и ускоренным маршем в течение всей ночи двигалось на защиту нового союзника. Израильтяне неожиданно появились близ вражеского лагеря. Разгорелся страшный бой, в котором ханаанские цари были разгромлены наголову. Это была жуткая резня! Такого кровопролития не припомню ни до, ни после...

Посрамленные неприятельские вожди в страхе бежали, оставив на поле боя множество трупов. Вдобавок ко всем бедам на отступавших обрушился с неба страшный град. Огромные, как камни, куски льда погубили больше врагов, чем наши мечи и стрелы.

Солнце уже клонилось к вечеру, а преследование еще не было закончено. Только приближающаяся ночная тьма могла спасти ханаанцев, еще недавно столь наглых и самоуверенных, от окончательной гибели.

И тогда Иисус, сильный верою во всемогущество Божие, торжественно провозгласил:

— Стой, солнце, над Гаваоном,
и луна над долиною Аиалонскою!

И было по слову его: солнце и луна остановились на

небе и светили до тех пор, пока наши воины окончательно не расправились с врагами!

И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого, ибо Господь сражался за Израиль. Это небывалое чудо снова показало израильтянам, сколь бесконечно могущество нашего Помощника и Покровителя. Одновременно это еще больше устрасило наших врагов, ибо теперь они окончательно убедились, что сами боги их, каковыми они считали солнце и луну, стали на сторону народа-завоевателя.

Мне довелось слышать легенду, будто сражение происходило вечером в пятницу и Господь для того удлинил день, чтобы израильтянам не пришлось нарушить святую субботу. Это не более чем красивая сказка. Как очевидец могу со всей ответственностью заявить, что тот день, третий день четвертого месяца¹, был в неделе пятым, а не шестым.

Мы заняли ханаанейские города, не встретив никакого сопротивления. В суматохе бегства все пятеро царей спрятались в пещере близ города Македа. По приказу Иисуса вход в пещеру завалили камнями, а после боя пленных привели к вождю израильтян. И тогда Иисус повелел начальникам племен в знак торжества наступить ногами на царские шеи!

— Будьте тверды и мужественны, — повторил Иисус слова, сказанные ему самому Господом. — Ничего не бойтесь, ибо так же, как с этими царями, сделает Господь со всеми, кто осмелится стать на нашем пути.

Потом, согласно военному обычаю, царственных пленников повесили. Они висели целый день, и только после захода солнца их сняли с веревок и бросили в ту самую пещеру, где они раньше прятались. Эта общая могила, заваленная огромными камнями, сохранилась до сих пор,

¹ Соответствует июню-июлю.

пусть она напоминает вам, дети мои, о великой победе ваших отцов и дедов!

Покорение северного Ханаана

Теперь завоевание пошло легко и быстро. Наши войска совершали молниеносные переходы, города падали один за другим, и вскоре была покорена вся южная часть обетованной земли, вся территория от Кадеша до Газы. На Юге непокоренными остались всего два-три хорошо укрепленных города, обитатели которых были охвачены ужасом.

Взяв города Макед, Ливну, Лахне, Еглон, Хеврон и Давир, Иисус вернулся в лагерь в Галгале, решив дать своим усталым воинам заслуженный отдых и подготовить их к новым сражениям.

Теперь оставалось покорить северную половину Земли обетованной. Цари маленьких северных государств долгое время без особой тревоги следили за победоносным шествием Израиля. Лишь после того, как пали укрепленные города в середине Ханаана, до них дошло, что небывалая опасность угрожает и им.

Перед лицом надвигающейся грозы северные племена образовали новый союз под предводительством Иавина, царя асорского. К нему присоединились почти все власти, чьи земли простирались вдоль морского побережья до горы Кармиль, и в горных и долинах, тянувшихся к северу до горы Хермон.

Многочисленная, как морской песок, армия северян собралась у вод озера Меромского. Главную ее силу составляла конница, множество боевых колесниц. В прежние времена нашим воинам трудно было устоять перед столь грозным оружием. Но Господь вновь явился Иисусу, ободрив его и указав способ, как бороться с конницей.

Вдохновленный верой и опираясь на свой военный опыт,

наш славный полководец внезапно напал на воинство Иавина, приказав лучшим отрядам резать коням сухожилия. Яростный бой увенчался полной нашей победой. Преследуя разбитого врага, мы перебили всех его воинов, жалкие остатки рассеялись без следа. Поле боя было усеяно убитыми людьми, конскими трупами и догорающими колесницами.

Город Асор, как зачинщик, был предан огню, жители его истреблены, а все их богатства сделались добычей победителей. Драгоценные одежды, золотые и серебряные слитки и украшения были справедливо разделены между племенами Израиля.

Разделение Ханаана между коленами Израиля

Эта блестящая победа отдала в наши руки всю Землю обетованную вплоть до Ваал-Гада в долине Ливанской. Не осталось уже никого, кто был бы в состоянии оказать Израилю серьезное противодействие, хотя в тылу мы имели непокоренный Иерусалим и несколько еще не взятых укреплений в горах и на побережье. Взять их представлялось делом тем более нелегким, что жители этих городов, охваченные смертельным страхом перед Израилем, спешно делали все возможное, дабы превратить крепости в неприступные.

Покорение Ханаана длилось уже семь лет, в ходе его были завоеваны земли семи народов, в битвах с нами погиб тридцать один царь и великое множество князей и начальников рангом пониже. Но наши воины были утомлены. Все сильнее проявлялось в народе желание не только одерживать победы, но и пользоваться их плодами. Дошло до того, что отряды заиорданских колен, давно не ви-

девские своих жен и детей, стали просить Иисуса отпустить их в свои владения.

Иисус раздумывал, советовался с Елеазаром, со мной и другими священниками. С чисто военной точки зрения следовало продолжить завоевания, направить войска для уничтожения и вытеснения уцелевших небольших ханаанейских отрядов, осады оставшихся непокоренными городов. Они по-прежнему представляли собой угрозу, и не столько опять-таки в чисто военном отношении, сколько в качестве носителей языческого соблазна, духа нечестивости.

Однако полководец, будучи истинно мудрым вождем, должен был учитывать и настроения народа, вполне естественное стремление наконец-то заняться хозяйством, обжить дома, ухаживать за рощами и виноградниками.

После долгих размышлений Иисус решил все-таки пойти навстречу желаниям своих бойцов. И успокоилась земля от войны!

Настало время на деле осуществить то, о чем позаботился Моисей перед своей смертью — разделить Землю обетованную между коленами Израиля. Напомню, что потомкам Рувима и Гада, а также половине племени Манассии достались в удел земли за Иорданом, а левитам не полагалось особой территории. Так что раздел коснулся девяти колен и половины колена Манассии.

Первый жребий достался колену Иуды: обширный округ с Хевроном в середине. Рядом, южнее, получили удел потомки Симеона. Самая северная часть земли стала уделом сынов Неффалимовых, колену Асира был назначен участок вдоль моря — длинная полоса от границ Сидона до горы Кармиль. Колено Завулону заняло поперечную полосу земли между озером Геннисаретским и Великим Западным морем. К югу, одно за другим, расположились колена Иссахара, вторая половина Манассии и Ефрема.

В наделе Манассии оказалось немало уцелевших ханаанеев, полное истребление или изгнание их потребовало бы

слишком много времени. Старейшины колена смирились с неизбежным злом, ограничившись тем, что со всех чужаков стали взимать дань. Племена Ефрема, надо признать, повезло больше других: оно заняло самое выгодное положение в самой середине Земли обетованной, имея выход и к Иордану, и к Великому морю, а главное, в его уделе находятся самые важные и славные города Силом, Рама, Вефиль.

В южной половине страны западная часть, втиснутая между морем и горами, выпала немногочисленному колену Дана, Вениаминово племя расположилось по равнине Иерихонской и долине Иордана до Соленого моря, в этом уделе оказалась непокоренная крепость Иерусалим.

Таким образом Ханаан был разделен на десять округов. Заиорданские наделы, как вы знаете, славятся отменными пастбищами, северные и средние богаты пахотными землями, а южные изобильны виноградниками и масличными рощами.

По указанию Господа особый надел был предоставлен нашему вождю Иисусу — небольшой город Фамаф-Саран, лежавший на горе Ефремовой.

Наше колено, потомки Левия, осталось без земельного надела, однако нам выделили среди различных колен сорок восемь городов и селений с окружающими их угодьями на две тысячи локтей. С тех пор и по сей день левиты получают доходы на свое содержание от разведения скота и десятин, взимаемых с остальных колен Израиля. Из своих доходов левиты, в свою очередь, отдают десятую часть своих доходов нам, священникам. Моей семье, потомкам Аарона, предоставлено 13 городов в коленах Иуды, Симеона и Вениамина.

Общим связующим началом для разных племен избранного народа служит Скиния с Ковчегом завета. Иисус распорядился перенести ее в Силом, что в колене Ефрема, ибо этот город, как я сказал выше, находится в средней и самой

защищенной части Земли обетованной, и местность вокруг него отличается красотой. Силом стал первой нашей столицей, равно дорогой для израильтян из любого колена и равно почитаемой всеми рассеявшимися племенами. Здесь будет находиться Скиния до тех пор, пока обстоятельства не позволят народу Израиля построить огромный и великолепный храм.

«Таким образом отдал Господь Израилю всю землю, которую дать клялся отцам их; и никто из всех врагов их не устоял против них; и всех врагов их предал Господь в руки их. Не осталось не исполненным ни одно слово из всех добрых слов, которые говорил Господь дому Израилеву; все сбылось»¹.

Недоразумение с заиорданскими племенами

Племена Рувима, Гада и Манассии, выполнив обещание, данное Моисею, пожелали теперь вернуться в свои владения за Иорданом. Иисус Навин поблагодарил их за ревностное служение общему делу, благословил и напутствовал, увещевая неуклонно держаться веры в единого истинного Бога.

— С великим богатством возвращаетесь вы в шатры ваши, — сказал он. — С великим множеством скота, с серебром, с золотом, с медью и с железом; разделите же добычу, взятую у врагов ваших, с братьями своими.

С огромной добычей воины отправились за Иордан и у места первого нашего перехода через реку воздвигли большой алтарь, на котором вознесли жертвы Господу. Казалось бы, весьма похвальное дело. Однако весть об этом крайне встревожила остальные колена. Они решили, что,

¹ Ис. Нав., 21 : 43—45.

устроив свой жертвенник, потомки Рувима, Гада и Манассии тем самым нарушили права, принадлежавшие исключительно священникам Силома. Заиорданцев заподозрили в желании отделиться от Израиля.

Негодование было столь велико, что в Силоме стихийно стали собираться воины, а старейшины принялись уговаривать Иисуса возглавить поход против мятежных, как они считали, племен и покарать их так же, как мы карали отступников на равнине Моава.

Иисус немедленно пригласил на совет ближайших сподвижников, в числе которых был и я, Финеес. Всех нас угнетало, что, не успев как следует обосноваться в Земле обетованной, народ Израиля уже оказался перед угрозой раскола и братоубийственной войны. Такая война, пока мы не вполне укрепились в завоеванной стране, могла привести к самым пагубным последствиям.

В то же время всем нам было ясно, что попытка отделения и своевольства, коль скоро она действительно имела место, должна быть подавлена еще в зародыше.

Посоветовавшись, мы решили послать в землю Галаадскую десять священников от всех колен. Возглавить посольство поручили мне, Финеесу.

Прибыв в Галаад, я обратился к представителям заиорданских колен с увещанием:

— Как могли пойти на такое преступление пред Богом Израиля? Из-за вас Господь прогневается на весь народ.

Я говорил, что прегрешение слишком велико, чтобы его можно было простить, и не дает оснований надеяться, что преступники когда-нибудь исправятся. Не думайте, будто, перейдя через реку, вы оказались вне власти Предвечного!

Старейшины колен Рувимова, Гадова и половины Манассиина горячо возражали против обвинения, будто они посягнули на права Силома. Они принялись уверять нас в том, что жертвенник, вознесенный над Иорданом, был задуман как выражение благодарности Богу за победы и сви-

детельство не отделения, но, напротив, единства всего Израиля.

По правде говоря, эти объяснения выглядели не слишком убедительными. Кроме того, наши доверенные люди подтвердили, что было, было у заиорданцев стремление пусть не отделиться, но как-то обособиться, подчеркнуть свое выдающееся значение в войне. Разумеется, они не предполагали, что дело может приобрести такой скверный оборот, и перед угрозой войны со всем Израилем пошли на попятный.

Как бы там ни было, нам вовсе не улыбалось довести противоречие до междоусобицы. Мы сделали вид, что согласились с заиорданцами. Теперь можно было быть уверенными, что перепуганные племена впредь никогда не осмелятся нарушать Завет.

Вернувшись в Силом, я рассказал Иисусу со всеми подробностями и получил от него полное одобрение своим действиям. Всем же прочим начальникам и старейшинам мы представили случившееся как простое недоразумение. Страсти улеглись, тем и кончился этот эпизод, памятный мне значительностью не того события, которое произошло в действительности, но того, которое могло произойти, если бы наше посольство к заиорданцам не проявило ловкости и искусства в ведении переговоров.

Кончина Иисуса Навина

Из Силома Иисус Навин продолжал мирно управлять народом до самой смерти. Все правление его продолжалось двадцать пять лет. Наконец, войдя в преклонные года и предвидя, как Моисей, близкую кончину, он призвал к себе начальников всех колен и обратился к ним с прочувственными и продуманными словами. Он напомнил обо всем, что было сделано Господом для народа Израиля, о Его обе-

щании сделать весь Ханнан нашим владением и изгнать всех язычников, если Израиль будет по-прежнему верен Предвечному.

Это же мудрое увещевание Иисус повторил и в Сихеме, священном городе Авраама и Исаака, и закончил свою предсмертную речь так:

— Итак, бойтесь Господа и служите Ему в чистоте и искренности; отвергните чужих богов, а служите только Господу. Если же вы хотите отречься от Господа, можете служить кому угодно, но я и моя семья будут верны Ему до последних дней, ибо Он свят.

Обиженный таким предположением, народ стал с рыданиями кричать:

— Нет, не говори так, учитель наш и господин наш! Никогда не будет того, чтобы мы оставили Господа и стали служить другим богам!

Иисус умиротворенно улыбнулся и велел записать эти слова в книгу Закона, и положить огромный камень под дубом у святилища, сказав народу: «Пусть этот камень будет свидетелем против вас, если вы когда-нибудь солжете пред Господом, Отцом вашим».

Отпустив затем собравшихся по своим уделам, он мирно, в полном сознании, с умиротворенной улыбкой на лице скончался. Было ему около 110 лет. Его похоронили на горе Ефремовой в его уделе в Фамаиф-Сараи. В его гробницу положили каменные ножи, которыми было совершено обрезание израильтян, когда они перешли границы Ханаана.

Ненадолго пережил смерть своего старшего друга и сподвижника мой отец, первосвященник Елеазар, хотя был значительно моложе его. Перед тем, как расстаться с жизнью, Елеазар успел написать в Книге такие слова: «И служил Израиль Господу во все дни Иисуса и во все дни старейшин, жизнь которых продлилась после Иисуса».

Дальнейшие успехи израильтян

После смерти двух великих израильских мужей наши враги воспряли духом. Близ города Везеки ханаанеи собрали новое войско и рассчитывали напасть на ближайший к ним удел колена Иуды.

Старейшины колена Иуды, на долю которого выпадало возглавить борьбу, договорились с коленом Симеона о взаимной помощи. Два эти славных племени, сойдясь с возрожденным войском ханаанеев, одержали новую блестящую победу, перебив более десяти тысяч врагов, остальных же рассеяв без следа.

Царь Везека, дотоле непобедимый, отрубал руки и ноги захваченным в плен военачальникам и таким образом обошелся с семьюдесятью двумя вождями. Теперь точно так же поступили с ним самим, дабы он на своем примере убедился, что Господь всегда воздает по заслугам.

Вслед за тем наши войска направились к Хеврону. Там пришлось сражаться с остатками племени гигантов, изумлявших чудовищным ростом и страшным видом. К счастью, их было немного, и наши лучники поразили их на расстоянии, не допуская до рукопашной схватки, в которой один такой дикарь легко мог бы победить десять обычных людей.

Я напомнил народу о пожелании Моисея достойно вознаградить Халева, одного из тех разведчиков, которых наш вождь когда-то посылал в Ханаан. Следовало уделить земли и родственникам Моисея со стороны жены — детям и внукам его тестя Рагуила, ибо они, покинув Мадиам, примкнули к Израилю и странствовали вместе с нами по пустыне. По моему предложению Халеву и потомкам Рагуила была отдана в дар область возле Хеврона.

Колена Иуды и Симеона заняли также города Аскалон и Азот, расположенные в равнине и у моря.

С течением времени израильтянам удалось овладеть Иерусалимом. После долгой осады была взята нижняя часть

города, верхней удалось овладеть много позже, ибо твердыня была так хорошо укреплена, что казалась вообще неприступной. Колено Вениаминово, в пределе которого находился Иерусалим, довольствовало тем, что наложило дань на покоренных. Их примеру последовали и другие колена.

Наступил долгожданный мир...

Меня зовут Финеес. Я стар и знаю, что близится и мой черед уйти, обратиться в прах земной, из которого все мы произошли. Я спокойно готовлюсь к этому дню и радуюсь, что Господь дал мне срок довести до конца повествование о пророке Его и нашем учителе Моисее и всех делах, которые Моисей сотворил для нас по воле Господа.

Вы, дети и внуки мои, для которых я составлял свое правдивое свидетельство, проживете жизнь более счастливую, чем наше поколение. Вы не знаете рабства, вам, как я надеюсь, не придется вести свирепых сражений за обретение земли, на которой вы обитаете. Уверен, ревностное служение Господу с самых ранних лет стало вашим правилом и потребностью вашего сердца, и никогда не отклонитесь вы от пути Его.

И все же я вам не завидую. То, что Господь дал увидеть мне и моим ровесникам, вряд ли увидите вы, и ваши внуки, и правнуки ваших правнуков, и все потомки Авраама и Иакова, которые будут населять Землю обетованную через тысячу, и две тысячи, и три тысячи лет после меня...

Краткий словарь имен

Аарон (*Арон, Агарон, Ахарон, Гарун*, высокий, гора, гора света, учитель, просвещенный) — потомок Левия, сын Амрама и Иохаведы, брат Моисея и Мариам, отец Елеазара, Ифамара, Авиуда, Надава, дед Финееса, муж Елисаветы. Аарон и его сыновья самим Богом были призваны к священническому служению. По воле Бога при горе Синай был возведен Моисеем в сан первосвященника; родоначальник всех священников (коенов, или коганов).

Авирон — сын Елиава из колена Рувима, вместе с Кореем и своим братом Дафаном восстал против Моисея и Аарона.

Авиуд — сын Аарона, который со своими братьями Надавом, Елиезером и Ифамаром был отделен к священническому служению. Вскоре после вступления в священничество вместе со своим братом Надавом умер, когда нес чуждый, т.е. не взятый из жертвенников, а обычный, добытый людьми огонь пред лицом Господа в пустыне Синайской. Некоторые источники видят причину этого поступка в пьянстве.

Авраам (*Аврам, Авром, Аврум, Аврагам, Аврахам, Ибрагим*, отец множества) — сын Фарры, внук Нахора, прапнук Серуха, потомок Сима. Родился в халдейском городе Уре. Первый из трех патриархов, родоначальник еврейского и арабского народов. Первый монотеист, заключил Завет с Всевышним и обязался служить Ему. Господь обещал возвеличить его потомков и дать им в удел Землю обетованную. В знак завета между Богом и Аароном было установлено обрезание в восьмой день после рождения каждого младенца мужского пола. Жена А. — Сара (Сарра).

Аголиав (палатка отца) — сын Ахисамаха из колена Дана; художник, избранный Господом для помощи в уст-

ройстве Скинии и ее утвари и для обучения работников, занимающихся перечисленным трудом.

Адам (красная земля) — имя первого человека, родоначальника всего человечества. В последний день творения мира был сотворен человек из персти земной по образу и подобию Господа. Господь вдунул в него дыхание жизни, и стал человек душою живою.

Адонивезек (*Адони-Везек*, господин Везека, господин молнии) — предводитель хананеев и ферезеев, с которыми вели войны израильтяне.

Адониседек (Господь правды) — ханаанейский царь в Иерусалиме, один из аморрейских царей, выступивших в поход против города Гаваона, заключившего мир с израильтянами.

Азazel — по представлениям древних израильтян демон-искуситель, обитающий в пустыне к западу от Мертвого (Соленого) моря.

Амалик — сын Елифаза и правнук Исава, один из идумейских старейших. Предводитель народа, напавшего на израильтян сразу после того, как они перешли Красное море, спасаясь от египтян. По мусульманской традиции А. считается сыном Хама.

Аморрей — сын Ханаана, внук Хама, родоначальник аморреев, племени, происходившего от Ханаана, и самое страшное, по преданиям, племя из всех, с которым имели дело израильтяне.

Амрам (*Амарам*) — сын Каафа и внук Левия, племянник и муж Иохаведы, отец Мариам, Аарона и Моисея. Прожил 137 лет.

Асенефа (*Асенет, служительница Неифы*, египетской богини мудрости) — дочь гелиопольского жреца Потифера, жена Иосифа, мать Манассии и Ефрема, усыновленных патриархом Иаковым. По И. Флавию Иосиф женился на ней, будучи 30 лет от роду.

Атон (диск солнца) — в египетской мифологии олице-

творение солнечного диска. Первоначально Атон — одна из ипостасей бога солнца. Позднее выступает в качестве бога солнца, а со временем — как воплощение всех главных богов солнца. Атон изображался в виде солнечного диска, на концах лучей которого помещались руки, держащие знак жизни «анх». Считалось, что он присутствует во всей природе, в каждом живом существе.

Арадá — ханаанский царь, вступивший в сражение с израильтянами на их пути в Землю обетованную.

Асир (*Ашер*, счастливый) — 1. Сын Иакова от Зелфы, служанки Лии, родоначальник одного из колен Израиля. Его потомки получили в удел север Ханаана с плодородными землями близ горы Кармилль.

2. Сын Корея.

Афамар — сын Аарона, священник.

Ахан (возмутитель) — сын Хармия, воин из колена Иуды, утаивший из военной добычи при взятии Иерихона сокровища, предназначавшиеся Господу и за это преданный позорной казни через побитие камнями вместе со всем своим семейством.

Валл-Фегор (*Баал, Бел, Вал, от Балед* — владыка, хозяин) — могущественный бог семитских племен, которому приносились человеческие жертвы. Ранее считался аналогом Молоха. При служении этому идолу жрецы, чтобы привлечь его внимание, скакали вокруг жертвенника, испуская грокие крики и коля себя ножами и копьями.

Валак (пустой, праздный) — сын Сепфора, царь моавитян, в страхе перед израильтянами призвал волхва Валаама, чтобы он проклял народ Моисея.

Валаам (*Бильам*, не принадлежащий к народу моему) — сын Веора или Восора, знаменитый волхв (маг), живший в Пефоре на реке Евфрат. По просьбе Валака хотел проклясть народ Израиля, но вместо этого по воле Бога благословил его.

Вениамин (*Биньямин*, сын десницы, т.е. крепости, сча-

ствя) — младший сын Иакова и Рахили, родоначальник одного из колен Израиля. Колено В. имело свой небольшой удел в Земле обетованной между коленами Иуды и Ефрема; отличалось воинственным нравом. Некоторые воины из колена В. славились своим искусством бросать камни из пращей.

Веселнил (*Веселеил, Бецалель*, сын осенения или покровительства Божьего) — сын Урии, внук Ора из колена Иуды, внучатый племянник Моисея, искусный мастер и художник, вместе с Аголиавом устроивший Скинию и Ковчег завета, изготовивший одежду для первых израильских священников.

Гад (счастливый, удачливый, толпа) — седьмой сын Иакова от служанки Зелфы, родной брат Асира, родоначальник одного из колен Израиля, получившего удел между горами Галаада и рекою Иордан, несмотря на то, что уже имело свой удел в Васане. Племя вело упорные, но всегда победоносные войны с местными языческими народами.

Геб — в египетской мифологии бог земли, сын Шу и Тefнут. Отец Осириса, Сета, Исиды и Нефтиды. Геб считался добрым богом — он охранял живых и умерших от живущих в доме змей, на нем растут все необходимые людям растения, из него выходят воды. Обычно изображался в виде человека с короной Нижнего Египта или Верхнего Египта на голове.

Гирсам (странник в том месте, пришелец) — старший сын Моисея и Сепфоры. Назван так потому, что Моисей говорил о себе: «Я пришелец в земле чужой».

Гирсон — первенец Левия, родоначальник одной из ветвей левитов; его потомки хранили завесу и другие принадлежности Скинии, несли их во время похода. Им были назначены для жительства тринадцать городов, два из которых были городами убежища. Потомки Г. отличались музыкальностью.

Гор (*Хор*, высота, небо) — в египетской мифологии божество, воплощенное в соколе. Первоначально он почитался как хищный бог охоты, костями впивающийся в добычу. Сын Исиды, муж Хатор и отец Гора — Сематауи, в основном выступает как борющийся с силами мрака бог света, его глаза — Луна и Солнце. Г. изображался в виде сокола, человека с головой сокола, крылатого Солнца. Своими крыльями он охранял фараонов.

Гогам (Иегова множества народов), хевронский царь — один из пяти аморрейских властителей, разбитых войском Иисуса Навина под Гаваоном, близ горы Вефогор.

Горам (возвышенный, высокий) — царь Газерский, потерпевший жестокое поражение в битве с войсками Иисуса Навина и погибший вместе со своим народом.

Гошэа — см. Иисус Навин.

Дафан (источник) — сын Елиава из колена Рувима, вместе с Кореем и своим братом Авироном восстал против Моисея и Аарона. Вместе с семейством Корея, Авироном и двумястами пятьюдесятью участниками заговора наказан Господом страшной смертью.

Двенадцать колен — согласно книге Бытия, патриарх Иаков имел двенадцать сыновей от двух жен (Лии и Рахили) и двух наложниц (Зелфы и Валлы): Рувима, Симеона, Левия, Иуду, Иссахара, Завулону, Иосифа, Вениамина, Дана, Ассира, Гада, Неффалима. Потомки каждого из них образовали отдельные племена — «колена». Во время исхода колена Левия было выделено из числа племен и на его членов, левитов, было возложено священство. Колена Иосифа разделилось на два полуколена — Ефрема и Манассии. Деление на «колена» сохранялось вплоть до Вавилонского пленения. Все сегодняшние евреи считаются потомками колен Иуды, Вениамина и Левия. Остальные десять колен были уведены в ассирийский плен в 722 г. до н. э. и с тех пор считаются пропавшими.

Девир (писец) — еглонский правитель, один из пяти

аморрейских властителей, побежденных войском Иисуса Навина под Гаваоном. Повешен вместе с другими четырьмя царями.

Ева (*Хава, Хавва*, жизнь) — имя, данное Адамом своей жене. Создана Господом из ребра Адама во время сна (Быт., 2 : 21—22). Прельщенная дьяволом, нарушила единственную заповедь, данную Богом первым людям.

Евий (желание) — один из мадиамских царей, убитых израильским отрядом под предводительством Финееса по пути в Землю обетованную за то, что его подданные склоняли израильтян к нечестивому служению Ваал-Фегору. Земли Е. были отданы колену Рувима.

Елдад — один из старейшин, получивших указание Господа оказывать помощь Моисею, но вместо этого начал пророчествовать в стане.

Елезар (*Элезар*, тот, которому помогает Бог) — сын Аарона, который со своими братьями Надавом, Авиудом и Ифамаром был отделен к священническому служению. Был назначен старшим над левитами, под его надзором была вся Скиния.

Елизер — младший сын Моисея. Имел единственного сына Рехавию, который имел много сыновей.

Елисавета (*Елизавета, Элизабета*, Бог есть клятва ее) — жена Аарона. Дочь Аминодава, сестра Касона, из колена Иуды.

Елцафан — сын Узиила, дядя Моисея и Аарона. Вместе с братом Мисаилом вынес тела сожженных огнем Господа Надава и Авиуда из святилища за стан.

Еошуа — см. Иисус Навин.

Ефрем (*Эфроим*, плодоносный) — младший сын Иосифа и Асенефы, родоначальник многочисленного колена, получил один из лучших уделов в Земле обетованной.

Завулон (*Звулон, Зевулон, Зебулон*, обиталище, жилище) — шестой и последний сын Иакова от Лии. Родона-

чальник одного из колен, получившего в удел морское побережье и гавань.

Зимри (*Зимври, Замврий*, достойный хвалы) — начальник колена Симеона, сын Салу, взявший в жены дочь мавитского князя и за это убитый Финеесом.

Иаков (*Яаков, Яков, Якуб*) — третий патриарх еврейского народа, внук Авраама, младший и любимый сын Исаака и Ревекки, брат-близнец Исава. Обманом, за чечевичную похлебку, покупает право первородства у Исава. Впоследствии получил имя Израиль. Скончался в возрасте 180 лет.

Иавин (рассудительный, разумный) — царь Асора на севере Ханаана, потерпевший поражение от войска Иисуса Навина возле озера Мером. Вместе со своими подданными умерщвлен после поражения.

Ианния (*Яннис*) — сын Валаама, брат Иамврия, знаменитый тайноведец при дворе фараона Мернепты (Талмуд).

Иамврия (*Ямврис*) — сын Валаама, брат Ианния, знаменитый тайноведец при дворе фараона Мернепты (Талмуд).

Иисус Навин (*Гошза, Иегошуа, Ясон, Еошуа бин-Нун, Иса*) — помощник и ученик Моисея, второй после него пророк. После смерти Моисея возглавил народ.

Иегова (сущий, предвечный) — принятое в христианстве обозначение собственного имени Бога. В Пятикнижии Моисея оно передается четырьмя согласными буквами JHWH (так называемый тетраграмматон). Поскольку запрет на произнесение имени Господа все с течением времени стал толковаться расширительно, произносить его разрешалось только первосвященнику в Святая Святых Храма один раз в году, а в обычных молитвах и богослужениях использовались описательные названия Господь Бог, Всевышний, Царь Вселенной или просто «имя» с определенным артиклем (а-Шем). Став запретным для произнесения, истинное, правильное имя утратилось, большинство источ-

ников считает, что древние евреи первоначально говорили «Ягве», или «Яхве».

Иегошуа бин-Нун (Господь спасет) — см. Иисус Навин.

Израиль (*Исразль*, богоборец) — см. Иаков.

Иовав — царь Мадонский, потерпевший поражение от войска Иисуса Навина близ озера Мерон.

Иосиф (*Йосеф, Юсуф*, добавленный, прибавление, присовокупление) — сын Иакова и Рахили, отец Ефрема и Манассии. Был продан своими братьями, оказался в Египте, после многих злоключений стал ближайшим помощником фараона. Простил своих братьев и пригласил их в Египет, где вся семья Иакова пользовалась покровительством и благоденствовала. Умер в возрасте 110 лет. Умирая, взял со своих братьев слово, что будет похоронен в Земле обетованной. Его набальзамированное тело находилось в ковчеге вплоть до исхода.

Иофор (*Итро*) — см. Рагуил.

Иохаведа (Иегова славы, слава Иегова) — жена Амрама, мать Моисея, Аарона и Мариам. Дочь Левия. Доводилась родной теткой своему мужу. Такие браки были впоследствии воспрещены.

Исаак (*Йишхак, Ицхак, Ицхок*, смеющийся) — второй патриарх еврейского народа, сын Авраама и Сарры, отец Иакова. Родился, когда отцу было 100 лет, а матери — 90. Существует предание, что И. один из трех — не имевший греха, и один из шести, над которым ангел смерти был бессилен.

Исида (*Изида*, та у которой тысяча имен) — в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, домашнего очага, любви, материнства, магии и мореплавания. Изображалась в виде небесной коровы и солнечного диска. И. — дочь Геда и Нут, сестра Нефтиды, Сета и Озириса (и его супруга), мать Гора (иногда также изображалась в виде соколицы или крылатой женщины).

Иссахар (воздаяние, награда) — пятый сын Иакова от

Лии, родоначальник одного из колен Израилевых. Племя отличалось трудолюбием и кротостью.

Ифамар (страна пальм) — четвертый сын Аарона, который со своими братьями Надавом, Елиезером и Авиудом был отделен к священническому служению. Осуществлял надзор за левитами, несущими службу в Скинии.

Иуда (*Иегуда, Еуда, Егуда*, хвалите Господа) — четвертый сын Иакова от Лии, родоначальник самого сильного и многочисленного колена Израилева. Оно получило в удел большую территорию к западу от Мертвого моря.

Ицгар (сверкающий, блистающий) — сын Каафа, брат Амрама, дядя Моисея и Аарона из колена Левия.

Кааф (собрание) — второй сын Левия, дед Моисея и Аарона. Имел четырех сыновей и умер 133 лет.

Корей (плешивый, лысина) — старший сын Ицгара, внук Каафа, правнук Левия, восставший вместе с Дафаном и Авироном против Моисея и Аарона во время перехода в Землю обетованную и пораженный вместе с семьей Господом (кроме раскаявшихся сынов, среди потомков которых певцы, привратники в Храме и храбрые воины).

Левий (*Леви*, привязанность) — третий сын Иакова от Лии, родоначальник одного из колен Израилевых, отличавшегося сплоченностью и твердостью веры. Его сыновья Гирсон, Мерари и Кааф стали родоначальниками ветвей в племени левитов — священнослужителей второго порядка.

Манассия (*Менаше*, заставляющий забыть) — старший сын Иосифа и Асенефы, родоначальник одного из колен Израилевых, отличавшегося особенной воинственностью духа.

Манефон — жил в царствование Птоломея Филадельфа (283—246 до н. э.), был родом из Себеннитоса и принадлежал к касте жрецов. Составил на греческом языке историю Египта, дошедшую до нас в отрывках.

Мариам (*Мариамь, Мириам, Мирьям*, высокая) — дочь Амрама и Иохаведы, старшая сестра Аарона и Моисея, про-

рочица израильского народа во время исхода из Египта. Скончалась и погребена в Кадесе.

Мерари (горький, печальный) — младший сын Левия, родоначальник одной из ветви левитов; его потомкам поручалось нести бруссы, шести, столбы и другие части Скинии.

Мернепта (*Мернептах, Мернептахамон, Мернефта*) — египетский фараон, долгое время не соглашавшийся отпустить евреев, за что его народ подвергся десяти казням. Пустился в погоню за евреями и погиб вместе со своим войском, когда воды Чермного моря сомкнулись. Однако существует мнение, что М. удалось спастись.

Мисаил (кто подобен Богу) — сын Узиила, дядя Моисея и Аарона. Вместе с братом Елцифаном вынес тела сожженных огнем Господа Надава и Авиуда из святилища за стан.

Мнемис (*Мневис*) — в египетской мифологии божество в виде черного быка. Мневиса почитали как живое воплощение бога солнца, изображали с солнечным диском между рогами. Почитавшиеся быки Мневиса содержались в особом помещении и после смерти их бальзамировали и хоронили в специальном склепе. Матерью Мневиса была Корова Хесат, Мнемис также считался душой Ра.

Мадян (спор, распря) — сын Авраама от второй жены Хеттуры, родоначальник мадиамитян, живших вокруг восточной ветви Чермного моря.

Молад — один из старейшин, получивших указание Господа оказывать помощь Моисею, но вместо этого начал вместе с Елдадом пророчествовать в стане.

Моисей (*Моше, Муса*, извлеченный или спасенный из воды) — первый вождь и законодатель народа Израиля, сын Амрама и Иохаведы, брат Мириам и Аарона. Вывел народ из египетского рабства в Землю обетованную. Записал со слов Божьих пять первых книг Библии — «Бытие» («Берешит»), «Исход» («Шмот»), «Левит» («Вэйикра»), «Числа» («Бэ-

мидбар») и «Второзаконие» («Дварим»). Воззванный Господом на гору Нево на вершину Фасги, что напротив Иерихона, увидав издали Землю обетованную, умер на горе 120 лет от роду.

Надав (охотный, усердный) — первенец Аарона, который со своими братьями Авиудом, Елиезером и Ифамаром был отделен к священническому служению. Умерщвлен Богом за попытку вместе с братом Авиудом принести в святилище чуждый (т.е. взятый не из жертвенников, а разведенный людьми) огонь.

Нахшон — израильтянин из колена Иуды (руководитель колена), первый отважившийся войти в расступившееся Черное море.

Неффалим (*Нафтали, Наптоле*, мой спор, борьба) — шестой сын Иакова от служанки Валлы, родоначальник одного из колен Израилевых. Его потомки получили удел на севере Палестины, но в отличие от других племен не уничтожили прежних обитателей, а жили с ними в мире. Земли Неффалима и Завулона составляют Галилею.

Ог (великан, исполин) — васанский царь из племени рефаимов. Не позволил евреям пройти через свои владения к Земле обетованной, был разгромлен ими. По преданиям, спал на железном ложе, имевшем девять локтей в длину и четыре — в ширину.

Ор (*Хур*, сверкающий, непорочный) — сын (по Иосифу Флавию, муж) Мариам-пророчицы, отец Веселиила. Вместе с Аароном управлял народом в отсутствие Моисея.

Осирис (*Озирис, Усир*) — в египетской мифологии бог производительных сил, царь загробного мира. Отучил людей от дикого образа жизни, научил сеять злаки, сажать виноградники, выпекать хлеб, изготавливать вино и пиво, добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Изображался с солнечным диском на голове. Являлся правнуком Ра, внуком Шу, старшим из детей Геба, отцом Гора, мужем и братом Исиды, братом Сета и Нефтиды.

Ра — в египетской мифологии бог солнца. Воплощался в образе сокола (иногда также — огромного кота), или в образе человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском. Также считался создателем мира и людей, отцом богов, отцом фараона. Отсюда фараон стал носить титул «сын Ра». Отец Шуи и Сехмет, дед Геба, прадед Осириса, Кета, Исида и Нефтиды.

Раав (*Раавь, Рахав*, широкая, обширная) — жительница Иерихона, блудница, оказала помощь израильским разведчикам и за это была спасена при штурме города, а затем щедро вознаграждена и окружена почетом. Вышла замуж за князя Салмона и вошла в родословную царя Давида.

Рагуил (также *Иофор, Итро*, превосходный, друг Божий) — мадиамский священник, отец Сепфоры и тесть Моисея. Был одновременно и гражданским, и религиозным руководителем, в связи с чем имел и два имени, соответствующих той и другой должности.

Рамсес (имеется в виду Рамсес II) — третий фараон девятнадцатой династии. Сын Сети. Перенес столицу из Фив в Раамсес, сооруженный на месте разрушенного Авариса. Восстановил власть Египта над Палестиной и Южной Сирией. Заключил мирный договор с хеттами.

Рева (четвертый) — один из пяти мадиамских царей, убитых израильским отрядом под предводительством Финееса по пути в Землю обетованную.

Рекем (цветной, разноцветный) — мадиамский царь, убитый израильским отрядом под предводительством Финееса по пути в Землю обетованную.

Рувим (*Реуен*, униженный) — старший сын Иакова от Лии, родоначальник одного из колен Израилевых, довольно слабого и немногочисленного. Лишен права первородства за прелюбодеяние с Валлою, наложницей отца. Отличался благородством характера.

Себек (*Сухос*) — в египетской мифологии бог воды и разлива Нила. Себек — сын Нейт. Его священное живот-

ное — крокодил или человек с головой крокодила. Считалось, что Себек дает изобилие и плодородие. Иногда рассматривался как защитник богов и людей (его свирепость распугивает злые силы), однако нередко выступает как бог, враждебный Ра и Осирису.

Сепфора (*Циннора*, птица) — дочь Рагуила (Иофора), жена Моисея. Существует мнение, что была отослана Моисеем к своему отцу из-за несвоевременного обрезания одного из сыновей. Моисей встретился с ней только тогда, когда израильтяне странствовали по пустыне. Дальнейшая судьба С. неизвестна.

Сехмет (*Сахмет, Сохмет*, могучая) — в египетской мифологии богиня войны и палящего солнца. Священное животное Сехмет — львица. Изображалась как женщина с головой львицы. Вместе с тем С. — богиня-целительница. Дочь Ра (его грозное Око), жена Птаха, мать Нефертума. Истребляет врагов Ра и Осириса.

Сигон (великий, сильный; или сметающий, низлагающий) — царь аморрейский. Запретил израильтянам пройти через его владения, напал на них и потерпел поражение.

Симеон (*Шимьон*, слышание) — второй сын Иакова и Лии, родоначальник одного из колен Израилевых, которое получило небольшой удел в Иудее.

Узилл — один из сынов Каафа, сына Левия, дядя Аарона и Моисея.

Фарбис — дочь эфиопского царя, первая жена Моисея, которая стала причиной возмущения Аарона и Мариама.

Фермуфис — дочь фараона, приемная мать Моисея, приложившая все силы, чтобы дать пророку хорошее образование и воспитание.

Финеес (*Финеас, Финесс, Пинхас, Пинхус*, медные уста или змеиные уста) — внук Аарона, сын Елеазара. Поразил Зимри, начальника колена Симеона, за вероотступничество и его жену Хазву, склонившую Зимри к поклонению идо-

лам. Тем самым Ф. отвратил гнев Бога от народа Израиля. Затем Ф. возглавил успешный поход против мадиамитян.

Когда израильтяне вступили в Землю обетованную, возглавил посольство к заиорданским племенам Рувима, Гада и Манассии, которые соорудили жертвенник Богу, что было воспринято как желание отделиться.

После смерти Елезара Финеес стал первосвященником и оставался в этой должности до самой смерти. Похоронен был в городе Гаваафе.

Фирам — царь Хевронский, один из аморрейских царей, побежденных войском Иисуса Навина под Гаваоном, близ горы Вефорон.

Флавий Иосиф (*Иосеф бен Матитьягу*, 31 — ок. 100 г. н.э.) — еврейский государственный и религиозный деятель, полководец. Был взят в плен во время Иудейской войны Веспассианом, будущим римским императором, и получил его родовое имя Флавий. Оставил книги «Иудейская война», «Иудейские древности», «Против Апиона» и другие, считающиеся не только литературными памятниками, но и ценнейшими источниками по истории еврейского народа.

Фуа (*Пуа*, приятная, милая) — повивальная бабка в Египте, которой было приказано умерщвлять при рождении всех еврейских мальчиков, но она не взяла на себя этот грех.

Шифра (сияющая, красивая) — повивальная бабка в Египте, которой было приказано умерщвлять при рождении всех еврейских мальчиков, но она не взяла на себя этот грех.

Халев (пес; горячий, храбрый) — сын Иефонии из колена Иуды, один из двенадцати разведчиков, отправленных Моисеем в Ханаан. Убеждал израильтян отважно идти в поход и за это получил от Господа обещание войти в Землю обетованную и получить там удел; единственный (кроме Навина) из тех взрослых мужчин, кто вышел из Египта.

Ханаан (*Кенаан*, раб, торговец) — сын Хама, внук Ноя, родоначальник племен, населявших Палестину.

Хазва (лживая) — дочь Цура из мадиамского племени, соблазнившая Зимри, начальника колена Симеона, и за это убитая Финеесом.

Хекет — в египетской мифологии богиня плодородия. Ее священное животное — лягушка. Изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове. Являлась покровительницей рожениц и новорожденных. Как и иные божества, выступающие в этой роли, одновременно была связана с загробным царством, способствуя воскресению умершего. Изображения Хекет часто помещали на саркофагах.

Хермон — стоический философ, библиотекарь в Александрии, воспитатель Нерона. Кроме других работ, написал историю Египта.

Ховав (возлюбленный) — сын Рагуила, мадиамитянин. Следовал вместе с израильтянами в Ханаан и служил им проводником.

Хур (чистый) — один из мадиамских царей, убитых израильским отрядом под предводительством Финееса по пути в Землю обетованную.

Цур (скала) — отец Хазвы, один из мадиамских царей, убитых израильским отрядом под предводительством Финееса по пути в Землю обетованную.

Яфий (красивый) — царь Лахисский, один из пяти аморейских властителей, разбитых войском Иисуса Навина под Гаваоном, на склоне горы Вефорон.

Краткие сведения о народах, упомянутых в «Записках Финееса»

Амаликитяне — могущественный народ, населявший территорию между Египтом и Палестиной. А. воевали с израильянами, потерпели жестокое поражение под Рефидимом. Впоследствии рассеялись среди других народов.

Аморреи — племена, населявшие Ханаан и воевавшие с израильянами в пустыне.

Гиксосы — семитский народ, завоевавший Египет. Видимо, во времена фараона-гиксосо Апофиса (*Анопа*) страной правил Иосиф, при котором произошел рост благосостояния и укрепления центральной власти. Апофис, зная о желаниии знатных египтян свергнуть гиксосов, укреплял свое положение, покровительствуя родственным народам, в распоряжение которых были отданы лучшие участки земли. Со временем гиксосы под давлением египтян были вытеснены из Египта и на троне воцарилась Восемнадцатая династия, родоначальником которой был Аамес (Амосис I). Союз израильян с гиксосами, заложенный Иосифом и Апофисом и длившийся без малого четыре столетия, сделал евреев врагами египтян, которые превратили вчерашних «патрициев» в рабов.

Евеи (жители селения, хижин) — одно из древнейших хананейских племен. Его генеология означена в книге Бытия, где Евей — родоначальник евеев, числится шестым сыном Ханаана.

Иевуссеи — потомки Иевуса; одно из ханаанских племен. В кн. Чисел о них говорится как о народе сильном, живущем в горах. Долгое время не были покорены Израилем.

Идумеи (*идумяне*, красный) — народ, получивший свое

название от Исава, или Эдома по цвету кушания (красной, чечевичной похлебки), за которое он продал свое право первородства Иакову. Города Идумеи: Восора (столица), Села, Петра.

Мадиамитяне (*мадианитяне*) — потомки Мадяна, сына Авраама и Хеттуры, родственное евреям племя, населявшее северо-восточное побережье Красного моря. М. занимались скотоводством, вели кочевой образ жизни.

Моавитяне — народ, живший на левом берегу реки Иордан в то время, когда израильтяне подошли к Земле обетованной.

Рефаимы (исполины) — древнейший народ, обитавший в Палестине до прихода туда евреев. По преданию, были необыкновенно высоки ростом и сильны. Населяли земли моавитские, васанские, амонитские и другие. Последний их царь Ог был убит войском Моисея.

Ферези (жители деревень, селяне) — древнее название одного из ханаанских народов. Во времена Авраама жили к северу от Иерусалима. Сопrotивлялись вторжению Иисуса Навина в их землю и попали в число плененных племен.

Филистимляне — население западных районов Ханаана во время завоевания страны израильтянами. Борьба с Ф. длилась на протяжении всей ранней истории Израиля. К III веку до н.э. потомки филистимлян растворились среди остального населения Палестины.

Халдеи — народ, населявший часть Азии со столицей в Вавилоне. Занимались скотоводством и выращиванием злаковых культур. В дальнейшем так именовали магов и волшебников.

Хананеи — потомки Хама, жители Палестины до завоевания ее израильтянами. Отличались воинственностью, имели на вооружении железные колесницы. Многие из них даже после жестоких поражений остались жить в Палестине.

Хеттеи — ханаанский народ, от родоначальника Хета, сына Ханаана. Обитали в гористых местах на юг от Хеврона и Вирсавии. Во времена Моисея хеттеи обитали подле аморреев и были весьма многочисленны и сильны. При завоевании Земли обетованной участь их была одинакова с другими ханаанскими племенами, но Иисус Навин не мог полностью истребить их.

Станы израильтян в пустыне

В книге Чисел подробно перечисляются все станы израильтян от исхода из Египта до вступления в Землю обетованную. Большая часть этих станов не определена с точностью, поскольку среди ученых существуют разногласия относительно направления движения израильтян.

Ниже приведен список станов, упомянутых в Пятикнижии Моисеевом.

- **Раамсес** — исходный пункт сбора перед выходом из Египта. Главный город Гесема; упоминается как *город для запасов*, построенный евреями фараону.
- **Сокхоф** — на день пути от Раамсеса.
- **Ефам** (морская граница, предел) — местность на границе Египта и Аравийской пустыни.
- **Пи-гахироф** (*Пигахироф*) — в конце северного залива Черного моря на восточной стороне от Ваал-Цефона.
- **Мерра** (горечь) — в трех днях пути от места перехода через Черное море.
- **Елим** (теревинфы, пальмовые деревья) — не существует единого мнения относительно местонахождения данной местности. Израильтяне нашли здесь семьдесят финиковых деревьев и двенадцать источников воды.
- Стан у Черного моря.
- В пустыне **Син**.
- **Дофка** (гонка скота) — между пустыней Син и Хоривом.
- **Алуш** (место диких зверей) — между Дофкою и Рефидимом.
- **Рефидим** (носильщики, поддерживающие) — при запад-

ном рукаве Чермного моря, недалеко от горы Синай. При этом месте изведена вода из горы Хорив. Здесь же победа Иисуса Навина над амаликитянами. И здесь Рагуил с семьей посетил Моисея.

- В пустыне синайской, на равнине Эр-Раха.
- **Кипброт-Гаттаава**
- **Асироф** (селения) — к западу от Акабского залива. Здесь Аарон и Мариам пытались поднять возмущение против Моисея, за что Мариам была наказана семидневной проказой.
- **Кадес** (пустыня и город в пустыне) — находился в одиннадцати днях пути от горы Хорив. Первая остановка в Кадесе была кратковременной. Существует мнение, что первая остановка была в Кадесе, расположенном в пустыне Фарран, т. е. в другом месте.
- **Рифма** (место кустарника) — точное местонахождение неизвестно. Отсюда были отправлены послы для осмотра Земли обетованной. Есть мнение, что находился к югу от Кадеса и именно здесь (а не в Кадесе) скончалась Мариам.
- **Риммон-Фарец** (раздвоение гранатового яблока) — местонахождение и этимология названия неизвестны.
- **Ливна** (белый) — положение местности с точностью не известно. Полагают, что Ливна — то же самое, что и Лаван, упомянутый в книге Бытия (22 : 23, 24 : 24).
- **Рисса** (груда развалин) — точное местонахождение не известно.
- **Кегелаф** (*Кегелафа*, народное собрание) — точное местонахождение не известно.
- На горе **Шафер** (красота) — гора, расположенная на пути из Кегелафа в Харад.
- **Харада** (страх, ужас) — точное местонахождение не известно.

- **Макелоф** (место собрания) — точное местонахождение не известно.
- **Тахаф** (место, местостояния) — точное местонахождение не известно.
- **Тарах** (остановка) — точное местонахождение не известно.
- **Мифка** (сладость, сладкий) — точное местонахождение не известно.
- **Хашмона** (тучность, плодородие земли) — точное местонахождение не известно.
- **Мосероф** (оковы, узы) — точное местонахождение не известно.
- **Беероф** (*Бене-Яакак*, источники) — точное местонахождение не известно. Не путать с Б., который был городом колена Вениаминова.
- **Агидгад** (*Хор-Агидгад*, гора Гидгада) — в настоящее время существует долина Вади-Эль-Гудагдид вблизи горы, упоминаемой Моисеем.
- **Иотвафа** (доброта, приятность) — точное местонахождение не известно. Об этом месте сказано: *«земля, где потоки воды»* (Втор. 10 : 7).
- **Аврон** (прибрежное место) — недалеко от восточного рукава Чермного моря.
- **Ецион-Гавер** (хребет мужчины) — на восточном рукаве Чермного моря.
- **Кадес** (в пустыне Син, святое место) — скорее всего именно здесь умерла Мариам. Находился близ громадной уединенной скалы, из подошвы которой стремительно вытекал ручей, падающий каскадами в море.
- у горы Ор, у пределов земли Эдомской.
- **Салмон** (тенистый) — точное местонахождение не известно.

- **Пунона** (рудник, рудокоп; или мрак, тьма) — точное местонахождение не известно. Может быть, получил название от имени Пинона, одного из старейшин Идумейских (Быт., 36 : 41).
- **Овос** (мехи; или ямы, пещеры) — точное местонахождение не известно.
- **Ийам-Аварим** (*Ийе-Аварим*, развалины Аварима, в пределах Моава) — точное местонахождение не известно.
- **Дивон-Гад** (место источников; или таяние, изнывание) — город, первоначально принадлежавший медиамитянам и имевший название Дивон. Восстановлен коленом Гада, но передан Моисеем колену Рувима. Находился на восточной стороне Иордана.
- **Алмон-Давлафаим** (скрытое место) — местонахождение не известно.
- На горах аваримских, перед Нево.
- На равнинах моавитских, у Иордана, около Иерихона.

Среди станов во время 38-летнего странствия обращает на себя внимание **Кадес**. Это тот пункт, с которого посланы были соглядатаи в Землю обетованную, и он составляет самый далекий стан, до которого только доходили израильтяне по прямому пути в Ханаан. Из него они принуждены были возвратиться опять в пустыню, но он видимо несколько раз служил местом стоянки и был как бы центральным пунктом во время всего странствования, чем и объясняется неоднократное упоминание о нем.

**Чудеса, о которых рассказано
в «Записках Финееса»**

I. Чудеса, совершенные непосредственно Господом:

1. Переход через Чермное море (Исх., 14 : 15—31)
2. Манна (Исх., 16 : 4—35)
3. Перепелы (Числ., 11 : 18—32)
4. Мариам, пораженная проказой (Числ., 12 : 10—15)

II. Чудеса, совершенные Моисеем:

1. Услажденные воды Мерры (Исх., 15 : 23, 25)
2. Вода из камня в Хориве (Исх., 17 : 6)
3. Вода из камня в Кадисе (Числ., 20 : 8—11)

III. Чудеса, совершенные Иисусом Навином:

1. Остановка вод Иордана (Нав., 3 : 13—17)
2. Солнце и Луна останавливаются (Нав., 10 : 12—14)

Хронология Библии

Тексты Библии в своих цифровых показаниях расходятся на сотни лет.

Неисчислимое количество деталей, так или иначе связанных с летоисчислением, дает повод для выводов самого различного масштаба и порождает сотни теорий относительно истинности временного отрезка того или иного события, описанного авторами Священного Писания. Главной причиной такой неопределенности являются прежде всего ошибки переписчиков, поскольку такого рода искажения невозможно исправить, опираясь на контекст повествования, как это бывает при переписке неразборчивых слов.

Например, в Септуагинте говорится, что Мафусаил жил 167 лет до рождения Ламеха и 782 года после него: «всех же дней Мафусаила было 969 лет».

Получается, что Мафусаил жил 14 лет после потопа. Ясно, что здесь вкралась ошибка, и потому в большинстве списков и переводов с греческого цифра 167 обычно исправляется на 187.

Отсюда мы можем заключить, что точное определение хронологии не входило в задачу бытописателя.

Между тем, исследование родословных патриархов показывает, что и в них не всегда с достаточной точностью указаны не только годы жизни, но и их прямые предки и потомки.

Так, в Торе не упомянут Каинан и говорится, что «Арфаксад родил Салу». По греческому же тексту Септуагинты и по свидетельству евангелиста Луки (3 : 36) Сала был внуком Арфаскада и сыном Каинана.

Таким образом здесь имеет место или ошибка в текстах Торы или, что, вероятней, интерпретация глагола «родил»

греческими переводчиками в более широком смысле, чем оно воспринимается в современном русском языке. Видимо, греки понимали упомянутый глагол как наличие потомства в нескольких (а не только в следующем) поколениях. Этот вывод подтверждается текстами Нового Завета (Матф., 1 : 8), согласно которым «Иорам родил Озию», хотя известно, что Озия был не сыном Иорама, а его праправнуком (Иорам-Иоас-Амасия-Озия).

Еще неопределеннее употребление слова «сын», которое часто прилагается к отдаленным потомкам. Лаван (Быт., 29 : 5) называется сыном Нахоровым, между тем как в действительности был его внуком (Быт., 21 : 15 и 29); Шевуил (I Пар., 24 : 24) называется сыном Гирсона, сына Моисеева, хотя жил несколькими столетиями спустя.

Поэтому нет ничего удивительного, что бытописатель опустил некоторые звенья генеалогии патриархов, чтобы подвести их под известную симметрию — по десяти поколений в каждой (подобно евангелисту Матфею (1 : 17), который опустил некоторые звенья генеалогии родословной Христа, чтобы подвести ее под три симметрические группы, составляющие каждая по четырнадцать поколений).

Таким образом, библейская хронология не может иметь бесспорной точности, и ее определение носит весьма приблизительный характер, что вполне допустимо для главной цели библейского повествования — уяснения постепенности укрепления веры в Господа ветхозаветного человечества, жаждавшего избавления свыше.

Но указанная неопределенность хронологии не имеет отношения к научным исследованиям, принимающим во внимание сугубо материалистические факторы предметов исследования.

Не вдаваясь в суть противоречий, считаем необходимым привести вариант греко-православного летоисчисления.

По А. П. Лопухину:

Сотворение мира — 5508.

Потоп — 3242.

Призвание Авраама — 2040.

Рождение Исаака — 2015.

Рождение Иакова — 1955.

Переселение в Египет — 1825.

Рождение Моисея — 1691.

Исход из Египта — 1610.

Еврейское летоисчисление ведется от сотворения мира. Начало новой эры соответствует 3760 году, а 2448 год от сотворения мира — 1312 году до н. э.

Так определяют дату исхода авторитетные еврейские богословы. Однако установление этой даты остается проблематичным. Большинство ученых сходятся во мнении, что Исход произошел в середине XIII века до н. э. Это обосновывается тем, что фараон Рамсес II, при котором Египет достиг вершин могущества, правил в 1317—1251 гг. до н. э. Маловероятно, что израильтянам удалось освободиться при его жизни.

Кроме того, известно, что Едем, царь которого не разрешил Моисею пройти через его владения, сформировался в сильное государство в XIII в. до н. э.

Времясчисление

По иудейской традиции день считали от одного заката солнца до другого. Такой же счет принят в Библии, о чем говорит следующее определение: «от вечера до вечера празднуйте субботу вашу» (Лев., 23 : 32).

Для обозначения суток не было особого слова; употреблялось выражение «вечер и утро», о чем говорится в истории сотворения мира (Быт., 1 : 5). День в собственном смысле слова разделялся на три части — вечер, утро и полдень (Пс., 54 : 18), которые в свою очередь делились на более мелкие части. Вечер делился на две части: одна в начале захождения солнца, другая — при его окончании. Разделения на часы древние израильтяне не знали (слово «шаа» — «час» впервые встречается у пророка Даниила (см. напр. Дан., 5 : 5) в смысле вообще отрезка времени, чем часа в астрономическом смысле).

Лишь после I в. н. э. израильтяне приняли деление дня на двенадцать часов от восхода солнца до заката, которое, впрочем, не имело особенной точности, поскольку часы удлинялись или укорачивались, смотря по долготе или краткости дней в летние или зимние месяцы года.

До вавилонского плена израильтяне делили ночь на три стражи (Пс., 62 : 7; 89 : 5); первая продолжалась от заката солнца до десяти часов ночи (Плач., 2 : 19), средняя — от десяти до двух часов ночи (Суд., 7 : 19), третья (утренняя) — до восхода солнца (Исх., 14 : 24).

После завоевания Палестины римлянами у израильтян вошел в употребление римский обычай разделять ночь на четыре стражи.

Семь дней или суток составляли неделю (Быт., 29 : 27, 28). Седьмой день посвящался Господу — в память покоя Творца по окончании творения мира (Быт., 2 : 2; Исх., 20 : 11). Отдельные дни не имели названий, и обозначались числами: первый, второй день и так далее, начиная от субботы (Марк., 16 : 2; Лук., 24 : 1; Иоан., 20 : 1). Иудеи-эллинисты называли пятницу днем приготовления, поскольку в этот день они готовились к празднованию субботы. Суббота имела весьма большое значение в общественной жизни иудеев и строго соблюдается до настоящего времени.

Месяцы определялись движением Луны (Сирах., 42 : 6—8) и были совершенно лунные. Вращение Луны вокруг Земли совершается в 29 с половиной дней; и месяцы у евреев попеременно были в 29 и 30 дней, причем первые назывались «недостаточными», а последние — «полными». Во времена Моисея они не имели названий и различались лишь по числовому обозначению — первый, второй и т. д. (Быт., 7 : 11, 8 : 4—5).

Названия для каждого месяца вошли в обиход после вавилонского пленения, где израильтяне переняли их у местного населения. В Торе имя собственное носит только один месяц — Авив (месяц новых колосьев), сделавшийся началом священного года и получивший впоследствии название Нисана (Исх., 12 : 2, 23 : 15; Второз., 16 : 1).

Жертвоприношения

Ж. так же стары, как и религии. При возникновении верования появлялось стремление обеспечить себе содействие субъектов культа и обезопасить себя от их враждебных действий.

Духи рисовались первобытному сознанию похожими на людей, а потому резонным было ублажать их теми благами, что и самих себя. Предметом Ж. могла стать любая ценная вещь, но особенно были распространены жертвы, которые можно съесть или выпить, – хлеб, зерна, напитки и особенно всякого рода животные и птицы, вплоть до человеческих Ж.

Согласно позднейшим представлениям, до божества доходит только субстанция жертвы, ее душа, а внешняя оболочка потребляется либо жертвователями, либо служителем культа.

Институт жертвоприношений оказался чрезвычайно живучим и сохранил свою жизненную силу даже после перехода от анимистических верований к высшим формам религиозного сознания. Ж. сохранились и у христианских народов; в 1909 г. священник Шестаков описывал массовые приношения быков, совершаемых христианами-пермяками в честь христианских святых Флора и Лавра.

В этих Ж. принимало участие и духовенство, которое объясняло Ж. как чествование божества или же отречение жертвователя от материальных благ.

История Ж. сводится к замене более ценных жертв менее ценными. Вместо целого животного стали приносить в жертву только часть его, вместо близких людей – посторонних и пленных, вместо человека – животное, вместо ценных предметов менее ценные вещи и, наконец, специ-

ально сделанные предметы, символически заменяющие жертву (модели из теста вместо людей и животных, бумажные фигурки, фольговые деньги и т. п.).

В иудейской традиции Ж. известны с достопамятных времен; Каин приносил жертву от плодов земли, которую он возделывал, а Авель — от тука первенцев стад, которые он разводил (Быт., 4 : 3).

Ной после потопа в благодарность за избавление приносит жертву всесожжения от всякого чистого скота и от всякой чистой птицы (Быт., 8 : 20), а патриархи сооружали жертвенники на местах Богоявлений для принесения жертв и призывания имени Господа (Быт., 12 : 8; 35 : 7 и др.).

Во времена Моисея значение жертвы раскрывается в словах пророка фараону о жертвах в пустыне (Исх., 10 : 25).

Из жертв, приносимых Богу, необходимо отметить следующие:

1) *Жертва всесожжения* (Быт., 22 : 13, Исх., 29 : 42 и др.). Наиболее распространенная жертва состояла в полном сжигании жертвенного животного, за исключением кожи.

2) *Жертва греха*. Принадлежала к разряду жертв умилолюбивительных. Различалась по степени греховности.

При посвящении священников и левитов — телец. За грехи народа — козел и т. д.

После умерщвления животного и возложения на него руки святилище семь раз кропилось кровью жертвы. Оставшаяся кровь выливалась к жертвеннику всесожжений. После этого тук отделялся от мяса и сжигался в жертвеннике. Оставшееся мясо сжигалось вне стана на чистом месте, где выбрасывался жертвенный пепел.

3) *Жертва вины*. Назначалась для частных лиц, за грехи, которые требовали обязательного предварительного наказания. Состояла из овна, овцы, козы или ягненка. По заклании животного на северной стороне жертвенника, кровь его кропилась на жертвенник со всех сторон, тук сжи-

гался на жертвеннике, как и при жертве за грех, а мясо съедалось священниками на святом месте.

- 4) *Жертва спасения или мира* (Лев., 3 : 1) — тройная:
- а) жертва хвалы или благодарственная (Лев., 7 : 16);
 - б) жертва обета;
 - в) жертва вольная (Лев., 7 : 16).

Для этой жертвы можно было употреблять любой рогатый скот — беспорочный: крупный и мелкий (Лев., 3 : 16, 9 : 4). Обрядовые действия над этой жертвой до кропления кровью сходны с действиями жертвы всесожжения.

5) *Жертва бескровная*. Для этой жертвы употреблялись хлебные зерна, колосья, мука с елеем и ладаном, хлеб, ладан и вино. Иногда эти вещества присоединялись к другим веществам, а иногда приносились отдельно.

6) *Жертва очищения* приносится в День очищения (10-й день седьмого месяца). Первосвященник приносил жертву за себя, поставив перед Скинией двух козлов, и по жребию одного из них закалывал и приносил в жертву за грехи всего народа.

7) *Жертва ревнования*.

8) *Жертва возлияния* (Числ., 15 : 5; 28 : 7, 8, 10 и др.) — виноградное вино выливается вокруг к подножию алтаря.

Литература

- Библейская энциклопедия. М., 1891.
В мире мифов и легенд. СПб, 1995.
Гече Г. Библейские истории. М., 1990 (пер. с венг.).
Евреи. По страницам истории / Сост. С. Асиновский, Э. Иоффе). Минск, 1997.
Еврейская энциклопедия.
Карманная еврейская энциклопедия (Сост. М. Кравец, М. Малтынский). Ростов н/Д, 1999.
Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1966.
Комментарии к Талмуду.
Коран. Минск, 1990.
Косидовский З. Библейские сказания. М., 1975.
Лопухин А. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1886.
Лопухин А. Законодательство Моисея. СПб, 1882.
Мифы народов мира в 2-х томах. М., 1994.
Пятикнижие Моисеево, с дословным русским переводом и комментариями К. Штейнберга. Вильна, 1914.
Рот С. История евреев. Иерусалим, 1978.
Снисаренко А. Третий пояс мудрости (блеск языческой Европы). Л., 1989.
Сэмюэлс Р. По тропам еврейской истории. Иерусалим, 1993. (пер. с англ.).
Талмуд.
Штайнзальц А. Библейские образы. М., 1996.
Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках. М., 1996.
Флавий И. Иудейские древности. М., 1993.
Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю;
Флавий И. О древности еврейского народа. Против Апиона. М.—Иерусалим, 1994.
Фрейд З. Моисей и монотеизм.
Энциклопедия мистицизма. СПб, 1997.
Beyerlin W. Origins and history of the oldest Sinaitic traditions. Oxf., 1966.
Stamm J. J. The Ten Commandments in recent research. S. C. M. Press, 1967.

Оглавление

От переводчиков	3
Предисловие автора	7

КНИГА ПЕРВАЯ

Накануне исхода

Детские воспоминания Финееса. Обстановка в доме накануне исхода	10
Жизнь Моисея в земле Мадямской	11
Первая встреча с Господом и его указание Моисею	16
Сравнительное описание облика Моисея и Аарона	18
Моисей убеждает тестя и жену в своем предназначении	20
Встреча Моисея с Аароном	22
Совещание со старейшинами	24
Рождение Моисея	27
Во главе египетского войска	35
Победа над эфиоплянами	38
Моисей убивает надсмотрщика и бежит в Мадям	41
Приготовления к встрече с фараоном	43
Первая встреча и отказ Мернепты	44
Казнь первая — превращение воды в кровь	47
Казнь вторая — нашествие жаб	48
Казнь третья — нашествие мошки	53
Казнь четвертая — песьи мухи	54
Казнь пятая — моровая язва	56
Казнь шестая — мор скота	59
Казнь седьмая — град	61
Казнь восьмая — саранча	64
Казнь девятая — тьма	66
Казнь десятая — смерть первенцев	68

КНИГА ВТОРАЯ

Исход

Первый день свободы	74
Фараон пускается в погоню	78
Переход через Чермное море	81
Гибель фараона и его войска	83
Гимн Моисея	85
Моисей превращает горькую воду в пресную	86
Ропот израильтян	89
Манна небесная	92
Освобождение рабов из рудников	93
Чудо с источником	95
Сражение с Амаликом	96
Встреча Моисея с Рагуилом	99
Судейство Моисея	100
Бабушка Елисавета	102
Мудрый совет Рагуила	105
Бог заключает Завет с Израилем	106
Десять заповедей	108
В отсутствие Моисея	118
Золотой телец	119
Моисей карает нечестивых	121
Построение Скинии	125
Обучение войска	134
Разведка в Ханаан	138
Аарон и Мариам впадают в грех	142
Разведка в Ханаан	146
Поражение	151

КНИГА ТРЕТЬЯ

Годы странствий

Восстание Корея	154
Стоянка в Кадесе	161
Смерть Мариам	170

Моисей добывает воду из скалы	171
Смерть Аарона	172
Победа над Арадой	177
Змеи	178
Опровержение злонамеренных слухов	180
Битвы с Сигоном и Огом	192
Царь Валак охвачен страхом	195
Колебания Валаама	196
Второе посольство и согласие Валаама	197
Встреча на пути. Валаамова ослица	198
Валаам против своей воли благословляет Израиль	200
Коварный совет Валаама моавитянам	202
Моавитянки склоняют израильтян к отступничеству ...	203
Подвиг Финееса	205
Победа над моавитянами	207
В предчувствии скорой смерти	209
Закон Моисея	212
Состав Торы	213
О некоторых обстоятельствах создания Торы	215
Спор Финееса с Халдеем	217
Значение Закона	218
Завет любви	220
Милосердие и помощь ближнему	221
Соответствие наказания проступку	224
Ответственность за слова	226
Справедливость к врагам	227
Отношение к пришельцам и иноверцам	228
Доброта ко всему живому	231
Суровость и человеколюбие	234
Суд — дело Божье	237
Доступность Закона и легкость его исполнения	238
Кары нечестивцам и награды праведным	239
Смерть пророка	241
Клевета о смерти пророка	245

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Земле обетованной

Характеристика Иисуса Навина	248
Приготовления к штурму Иерихона	250
Как блудница Раав спасла разведчиков	252
Переправа через Иордан	257
Взятие Иерихона	260
Поражение при Гае	262
Хитрость жителей Гаваона	267
Солнце остановилось над Гаваоном	269
Покорение северного Ханаана	273
Разделение Ханаана между коленами Израиля	274
Недоразумение с заиорданскими племенами	277
Кончина Иисуса Навина	279
Дальнейшие успехи израильтян	281
<i>Приложение 1. Краткий словарь имен</i>	<i>283</i>
<i>Приложение 2. Краткие сведения о народах, упомянутых в «Записках Финееса»</i>	<i>298</i>
<i>Приложение 3. Станы израильтян в пустыне</i>	<i>301</i>
<i>Приложение 4. Чудеса, о которых рассказано в «Записках Финееса»</i>	<i>305</i>
<i>Приложение 5. Хронология Библии</i>	<i>306</i>
<i>Приложение 6. Времяисчисление</i>	<i>309</i>
<i>Приложение 7. Жертвоприношения</i>	<i>311</i>
Литература	314

Михаил Олегович Минович,
Александр Викторович Альвих

МОИСЕЙ
Записки Финееса

Ответственный редактор *И. Ю. Жиляков*
Художник *С. Царев*
Редактор *Н. Передистый*
Корректоры: *Г. Бибикова, Н. Никанорова*

Лицензия ЛР № 065194 от 02 июня 1997 г.
Сдано в набор 18.05.99. Подписано в печать 30.06.99.
Формат 84×108/32. Бум. офсетная.
Гарнитура CG Times. Печать высокая. Усл. п. л. 16,8.
Тираж 10000 экз. Зак. № 3141.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Изготовлено с готовых диапозитивов в ГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

Оцифровка - Давид Титиевский, ноябрь 2016 г., Хайфа

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Земле обетованной

Характеристика Иисуса Навина	248
Приготовления к штурму Иерихона	250
Как блудница Раав спасла разведчиков	252
Переправа через Иордан	257
Взятие Иерихона	260
Поражение при Гае	262
Хитрость жителей Гаваона	267
Солнце остановилось над Гаваоном	269
Покорение северного Ханаана	273
Разделение Ханаана между коленами Израиля	274
Недоразумение с заиорданскими племенами	277
Кончина Иисуса Навина	279
Дальнейшие успехи израильтян	281
<i>Приложение 1. Краткий словарь имен</i>	<i>283</i>
<i>Приложение 2. Краткие сведения о народах, упомянутых в «Записках Финееса»</i>	<i>298</i>
<i>Приложение 3. Станы израильтян в пустыне</i>	<i>301</i>
<i>Приложение 4. Чудеса, о которых рассказано в «Записках Финееса»</i>	<i>305</i>
<i>Приложение 5. Хронология Библии</i>	<i>306</i>
<i>Приложение 6. Времяисчисление</i>	<i>309</i>
<i>Приложение 7. Жертвоприношения</i>	<i>311</i>
Литература	314

Михаил Олегович Минович,
Александр Викторович Альвих

МОИСЕЙ
Записки Финееса

Ответственный редактор *И. Ю. Жиляков*
Художник *С. Царев*
Редактор *Н. Передистый*
Корректоры: *Г. Бибилова, Н. Никанорова*

Лицензия ЛР № 065194 от 02 июня 1997 г.
Сдано в набор 18.05.99. Подписано в печать 30.06.99.
Формат 84×108/32. Бум. офсетная.
Гарнитура CG Times. Печать высокая. Усл. п. л. 16,8.
Тираж 10000 экз. Зак. № 3141.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Изготовлено с готовых диапозитивов в ГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

Оцифровка - Давид Титиевский, ноябрь 2016 г., Хайфа

А еще мне до сих пор снятся чудесные рыбы, удивленно глядящие на нас сквозь прозрачную стену, отделяющую сушу от воды, заросли многоруких водорослей и круглоглазые водные пауки.

В ту ночь много рыб выпало из моря, и Моисей повелел собрать ее в корзины. Несмотря на начавшийся ливень и непрекращающийся ветер, израильтянки выполнили указание вождя расторопно и с охотой...

Колонна двигалась быстро, однако не успели первые беглецы выйти на противоположный берег, как египтяне вырвались из облачного столпа и с дикими криками возобновили погоню.

— Скорее, скорее, — кричал Аарон, бегая вдоль колонны израильтян. — Поторопитесь, друзья, если хотите быть живы.

ISBN 5-222-00780-4

9 785222 007808